

ISSN 2949-463X

СОЦИОЛОГИЯ

4_М

МЕТОДОЛОГИЯ
МЕТОДЫ
МАТЕМАТИЧЕСКОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ

59

Социология:

методология, методы, математическое моделирование

Научный журнал
Российской
академии наук

Основан в 1991 году

DOI: 10.19181/4m.2024.33.2
EDN: XMDNRO

ISSN: 2949-463X

№ 59
2024

Sociology:

Methodology, Methods, Mathematical Modeling

DOI: 10.19181/4m.2024.33.2

EDN: XMDNRO

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки

Федеральный
научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук

Журнал издается при финансовой поддержке
научно-исследовательского центра

«Демоскоп»

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Тел.: +7 (993) 957-91-75. *E-mail:* sociology.4m@gmail.com

Главный редактор

Н.С. Бабич

Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

Редакционный совет

- О.Б. Божков** *Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург)*
- Е.Е. Горяченко** *ИЭОПП СО РАН; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск)*
- Ю.Н. Гаврилец** *Центральный экономико-математический институт РАН (Москва)*
- А.С. Готлиб** *Самарский государственный университет (Самара)*
- П.М. Козырева** *Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва)*
- М.С. Косолапов** *Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*
- В.А. Мансуров** *Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*
- А.Ю. Мягков** *Ивановский государственный энергетический университет (Иваново)*
- А.И. Орлов** *МГТУ им. Н.Э. Баумана (Москва)*
- А.П. Петров** *Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН*
- Г.И. Саганенко** *Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург)*
- Г.А. Сагаров** *Фонд ИНДЕМ (Москва)*
- Г.Г. Татарова** *Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*
- Ю.Н. Толстова** *НИУ ВШЭ; Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва) – зам. гл. редактора*
- Т.Ю. Черкашина** *ИЭОПП СО РАН; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск)*
- В.А. Шведовский** *МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)*
-

Ответственный редактор – *А.А. Михайлов*
Ответственный секретарь – *Н.В. Иващенкова*
Редактор – *В.А. Иванова*

Editor-in-Chief

Nikolay S. Babich

Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow)

Editorial Board

- Oleg B. Bozhkov** *Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS (Saint Petersburg)*
- Elizaveta E. Goryachenko** *Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; Novosibirsk State University (Novosibirsk)*
- Yuriy N. Gavrilets** *Central Economics and Mathematics Institute RAS (Moscow)*
- Anna S. Gotlib** *Samara State University (Samara)*
- Polina M. Kozyreva** *Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (Moscow)*
- Mikhail S. Kosolapov** *Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow)*
- Valeriy A. Mansurov** *Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow)*
- Alexander Yu. Myagkov** *Ivanovo State Power Engineering University (Ivanovo)*
- Alexander I. Orlov** *Bauman University (Moscow)*
- Alexander P. Petrov** *Keldysh Institute of Applied Mathematics RAS*
- Galina I. Saganenko** *Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS (Saint Petersburg)*
- Georgy A. Satarov** *Foundation for Information on Democracy (Moscow)*
- Galina G. Tatarova** *Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow)*
- Yuliana N. Tolstova** *NRU HSE; Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow) – deputy editor*
- Tatyana Yu. Cherkashina** *Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; Novosibirsk State University (Novosibirsk)*
- Vyacheslav A. Shvedovsky** *Lomonosov Moscow State University (Moscow)*
-

Managing Editor – *Alexey Mikhailov*
Executive Secretary – *Natalia Ivashchenkova*
Copy Editor – *Vera Ivanova*

СОДЕРЖАНИЕ

Методология социологических исследований

Бабич Н. С. «Теорема Томаса» и самоисполняющееся пророчество: методологический анализ понятий	7
--	---

Практика сбора и анализа данных

Максимова А. С., Гребенюк А. А., Алешковский И. А. Использование больших данных социальных сетей для анализа внутренней миграции населения	31
Шаповалова М. А. Опыт разработки процедуры вторичного анализа данных об отношении к России населения зарубежных стран (на примере Японии)	56

Аналитические обзоры

Самун М. Х. Русскоязычные шкалы религиозности: аналитический обзор	92
--	----

Переводы

Дьюи Джон. Социальное как категория / Пер. с англ. Н. В. Иващенко	117
---	-----

Рецензии

Мягков А. Ю. Косвенные методы в сенситивных исследованиях	156
--	-----

<i>Научная жизнь</i>	162
----------------------------	-----

К сведению авторов	171
---------------------------------	-----

CONTENTS

Methodology of sociological research

Babich N. S. «Thomas theorem» and self-fulfilling prophecy: Methodological analysis of concepts	7
---	---

Practices of data collection and analysis

Maksimova A. S., Grebenyuk A. A., Aleshkovski I. A. Leveraging social media big data to analyze internal migration	31
Shapovalova M. A. Developing a Procedure for Secondary Data Analysis on Foreign Attitudes Toward Russia: A Case of Japan	56

Analytical reviews

Samun M. H. Russian-language scales of religiosity: analytical review	92
---	----

Translations

Dewey J. Social as a category / <i>Transl. by N. V. Ivashchenkova</i>	117
--	-----

Reviews

Myagkov A. Yu. Indirect methods in sensitive research	156
--	-----

<i>Scientific life</i>	162
------------------------------	-----

Information for authors	171
--------------------------------------	-----

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.1

EDN: CRNKSC

«ТЕОРЕМА ТОМАСА» И САМОИСПОЛНЯЮЩЕЕСЯ ПРОРОЧЕСТВО: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ

Николай Сергеевич Бабич

Институт социологии ФНИСЦ РАН;

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

sociolog@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8697-3038

Для цитирования: *Бабич Н. С.* «Теорема Томаса» и самоисполняющееся пророчество: Методологический анализ понятий // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2024. № 59. С. 7-30. DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.1. EDN: CRNKSC

В статье предложен анализ использования «теоремы Томаса» в социологическом дискурсе на фоне распространенности убеждения, что данная «теорема» является синонимом «самоисполняющегося пророчества». Автор приводит доказательства в пользу того, что данные принципы описывают два частично пересекающиеся множества ситуаций, на основе анализа оригинальной формулировки теоремы, трактовки теоремы Р. Мертоном, а также соотношения логических объемов понятий. Основной вывод состоит в том, что лишь некоторые самоисполняющиеся пророчества объясняются теоремой Томаса и лишь некоторые случаи применимости теоремы относятся к самоисполняющимся пророчествам. Понимание данной терминологической тонкости, по всей видимости, было у У. А. Томаса и Р. Мертона, однако затем оказалось утраченным. Эта утрата затемнила смысл теоремы Томаса и ее мето-

дологическое значение. Автором также рассмотрено методологическое значение верно понимаемой теоремы Томаса, состоящее в возможности включения человеческой субъективности в каузально трактуемую реальность. Это позволяет классифицировать социальные онтологии на томасианские (включающие субъективную интерпретацию ситуаций в причинные цепочки, создающие реальность) и нетомасианские (исключающие субъективную интерпретацию ситуаций из числа каузально эффективных феноменов).

Ключевые слова: теорема Томаса, самоисполняющееся пророчество, человеческая субъективность, социальная ситуация, социальная онтология, социальная методология, социальная реальность

Постановка задачи

«Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» [1, р. 572] — такова формулировка одного из самых широко известных социологических принципов, обычно называемого «теоремой Томаса». Данный принцип активно применяется как в теоретических, так и в эмпирических социологических исследованиях [2; 3, р. 75-100; 4; 5; 6, р. 160-177; 7; 8]. Его фундаментальное значение неоднократно подчеркивалось известными социологами, такими как Р. Мертон [9, р. 174], Л. Козер [10, с. 457-458], Р. Коллинз [11, с. 81], П. Хедстрем [12, с. 32], П. Штомпка [13, р. 83], В. Ядов [14, с. 8] и др. В качестве развития выводов из теоремы Томаса могут рассматриваться целые исследовательские программы, такие как феноменологическая социология знания [15, р. 8] и символический интеракционизм [16, с. 69-70]. Однако в ее трактовке существует проблема, которая заключается в распространенности убеждения, что «теорема Томаса» — это синоним «самоисполняющегося пророчества» — такого представления о реальности, истинность которого предопределяется самим его существованием. Р. Мертон в качестве примера реализации теоремы Томаса как

самоисполняющегося пророчества приводил разорение надежного банка, вкладчики которого поверили в его близкий крах и стали активно изымать свои сбережения, в результате чего крах наступил в реальности [17, с. 606-608]. Следуя за ним, многие авторы пишут о том, что в обоих понятиях заложена одна и та же идея [18, р. 48; 19, р. 97; 8, р. 507], о том, что самоисполняющееся пророчество — это переформулировка теоремы Томаса [20, р. 11; 21, р. 389; 22, р. 1104] или даже просто ее переименование [23, с. 102; 24, с. 29; 25, р. 265; 26, р. 24].

Как видим, представление о синонимии двух понятий проникло повсюду: в учебники, статьи и книги, как в социологии, так и в смежных дисциплинах. Между тем в научной литературе для такого отождествления практически не существует оснований. Как показывает эмпирический анализ процесса рецепции теоремы Томаса, ее распространение не сопровождалось развернутым обсуждением, уточнением, тестированием и тому подобными общепринятыми процедурами, а проходило скорее как массовое усвоение некоторого «общего места», упоминаемого довольно часто, но вскользь [27]. Таким образом, общепринятое приравнение обсуждаемых понятий оказывается недостаточно отрефлексированным, а потому может быть проблемой, так как концептуальная путаница способна не только затемнять значение терминов и затруднять их употребление, но и попросту приводить к неверным выводам.

Настоящая статья представляет собой попытку преодоления возникшей путаницы путем историко-социологической и логико-методологической проработки соотношения понятий. Для решения этой задачи мы сначала продемонстрируем, что приравнение теоремы Томаса к самоисполняющемуся пророчеству действительно ведет к проблеме, а именно — к превращению достаточно сильного теоретического тезиса в бессодержательный трюизм. Затем аргументируем, что такое приравнение не следует из оригинальной формулировки теоремы 1928 года. После

чего рассмотрим трактовку теоремы Робертом Мертоном и убедимся в том, что он, скорее всего, также не подразумевал синонимии. Наконец, проведем анализ соотношения логических объемов понятий. В завершение будут рассмотрены следствия понимания теоремы Томаса как самостоятельного социологического принципа, не сводимого к самоисполняющимся пророчествам.

Проблема синонимии

Концептуальный анализ часто оказывается сопряжен с трудностью особого рода, а именно — необходимостью прояснения того, представление о чем уже должно быть достаточно определенным, чтобы его прояснить. Чтобы избежать круга в рассуждениях, условимся о следующей логике. Сначала будут рассмотрены общие дефиниции теоремы Томаса и самоисполняющегося пророчества в том виде, в котором они могут быть ошибочно отождествлены. В целом эти дефиниции мы должны будем сохранить на протяжении всего исследования, потому что иначе столкнемся с логической ошибкой, известной как «подмена тезиса». Но детализация, необходимая для разграничения понятий, может привести к их уточнению в смысле реинтерпретации и раскрытия отдельных элементов определения. Таким образом, наше исследование будет представлять собой движение по спирали: отталкиваясь от вводных определений, мы должны прийти к ним же, но на несколько другом уровне понимания.

Начнем с того, что высказывание «если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» может представлять научную ценность при следующих условиях: а) оно истинно, б) оно сообщает какую-то нетривиальную информацию о мире. Истинность имплицативного суждения может быть установлена либо через логическое тождество (когда мы показываем, что первая часть высказывания, хотя этого и не видно на первый взгляд, эквивалентна второй), либо через обна-

ружение эмпирического закона (когда условия первой части с помощью некоторого причинного механизма обуславливают следствия из второй части).

Исходя из исторического и теоретического контекста идей Томаса, есть основания полагать, что его тезис претендует на логическое тождество, обеспечиваемое узким пониманием «определения ситуаций как реальных», а именно: к реальным относятся такие ситуации, от убеждений относительно которых мы не можем произвольно отказаться, и которые именно в силу этого детерминируют наши действия в качестве реальных последствий [28]. В противном случае теорема Томаса приобрела бы абсурдный волонтаристский смысл, например: «всё, что мы ни объявим реальным, будет реальным по своим последствиям» или «то, что мы не считаем реальным, не влечет реальных последствий». Против такого понимания выступал, в частности, Мертон [9, р. 175-177]. Но, разумеется, его не может последовательно придерживаться ни один самый радикальный конструктивист, потому что ложность такого подхода будет очевидна из первой же попытки его эмпирического воплощения. Как резюмировал это обстоятельство Артур Стинчкомб, «люди определяют ситуации, но не определяют их как вздумается» [29, р. 295].

Что касается нетривиальности информации, сообщаемой высказыванием, то она напрямую соотносится с его «силой», то есть, степенью накладываемых им ограничений на варианты рассуждения. Например, высказывание «лебеди имеют цвет» допускает приписывание этим благородным птицам любых оттенков, а потому сообщает нам о мире минимум информации и является тривиальным. «Лебеди бывают белые, серые или черные» — гораздо менее тривиальный тезис, потому что он сильно ограничивает возможные положения дел, и, соответственно, сообщает достаточно много информации о мире. Однако, чем «сильнее» высказывание, тем легче оно опровергается, что и произошло с существовавшим когда-то более нетривиальным убеждением

европейцев в том, что черных лебедей не бывает. Если провести аналогию с теоремой Томаса, то легко увидеть, что ослабление ее до формы «если люди определяют ситуации как реальные, то они могут быть реальны по своим последствиям, а могут и не быть» превращает сильный тезис в абсолютно тривиальный, не несущий никакой информации. С другой стороны, чрезмерное усиление тезиса — до той степени, что даже декларативное определение ситуации как реальной влечет реальные последствия — превращает его в ложное утверждение. Таким образом, теорема Томаса представляет социологический интерес в качестве сильного тезиса, согласно которому, если люди определяют ситуации как реальные, то они всегда реальны по своим последствиям, но при этом ситуации определяются как реальные не произвольно.

Перейдем теперь к рассмотрению самоисполняющихся пророчеств как таких представлений о реальности, истинность которых предопределяется самим их существованием. Отвечают ли они сформулированным условиям научной ценности? Любое пророчество по определению может исполниться, а может не исполниться. Так, если банку из упомянутого выше примера придет на помощь правительство (что в наше время является обычной практикой), то он устоит, несмотря на наплыв вкладчиков. Совершенно ясно, что о логическом тождестве как условии истинности в случае с самоисполняющимися пророчествами говорить не приходится. Но, быть может, здесь уместно установление эмпирического закона? Имеем ли мы право говорить о том, что самоисполняющиеся пророчества работают почти всегда? Или хотя бы в большинстве случаев? Совершенно очевидно, что универсальный ответ на эти вопросы невозможен, так как эффективность самоисполняющихся пророчеств сильно зависит от области, в которой они высказываются. Там, где соответствующие механизмы достаточно чувствительны и обладают высокой скоростью (например, на фондовом рынке), эффективность само-

исполняющихся пророчеств может быть сравнительно высокой, и скупка акций в ожидании их подорожания действительно часто ведет к этому подорожанию [30]. Но во многих других ситуациях, например, там, где пророчества опираются на недоступную массовому пониманию математику или терминологию, касаются малозначительных вопросов или относятся к группам, которые не могут должным образом на них отреагировать, самоисполнение оказывается маловероятным [31]. Таким образом, описание феномена самоисполняющихся пророчеств в виде высказывания «если..., то...» оказывается истинным, только если оно существенно ослаблено: «если люди определяют ситуации как реальные, они могут иметь, а могут и не иметь реальных последствий». Именно к такому выводу на основе эмпирических исследований пришла, например, И. Ф. Девятко [32, с. 162].

Итак, приравнивая теорему Томаса к самоисполняющимся пророчествам, мы приравниваем ее к трюизму вида «если $a=b$, то x или не x ». Короче говоря, как бы ни воспринималась ситуация, у нее могут быть последствия, а может их и не быть. В этом тезисе все возможно, нет никаких закономерностей, а следовательно, нет и места не то, что для «теорем», но вообще для теоретически значимых обобщений. Расхождение этой картины с неоднократно признававшимся видными социологами теоретическим значением теоремы Томаса, уже само по себе служит косвенным признаком ложности отождествления ее с самоисполняющимся пророчеством. Однако оно позволяет, прежде всего, поставить вопрос о правомерности такого отождествления. Вопрос, к которому мы теперь и приступаем.

Оригинальное изложение теоремы

Одно из ранних обсуждений фактора восприятия ситуации в социальном поведении может быть найдено еще в классическом совместном труде Томаса и Знанецкого: «Определение

ситуации является необходимым предварительным условием всякого акта воли, ибо в данных условиях и при данном наборе установок возможно неопределенное множество действий, а одно определенное действие может появиться лишь в том случае, если эти условия выбраны, истолкованы, и сочетаются определенным образом, и если достигается известная систематизация этих установок, так что одна из них становится преобладающей и подчиняет себе другие» [33, р. 68]. Впоследствии Томас неоднократно затрагивал эту тему, например, описывая исследование автобиографий: «Документ, подготовленный человеком, компенсирующим чувство неполноценности или развивающим заблуждение, что его все травят, несомненно, предельно далек от объективной реальности. С другой стороны, это определение ситуации с некоторой точки зрения столь же действенно, как если бы оно было истинным. Оно представляет ситуацию, оцениваемую субъектом так, «как если бы» так оно и было, и для изучения поведения это самая важная фаза реальности» [34, с. 190].

Окончательная формулировка «теоремы», на которую мы вслед за Мертоном опираемся, появилась в 1928 году в книге «Ребенок в Америке». Она содержит не только абстрактное описание, но и пример воплощения теоремы в реальной жизни — историю убийцы, который напал на людей, имевших привычку разговаривать с самими собой на улице: «По движению их губ он воображал, что они обзывают его мерзкими словами, и вел себя так, как будто это было правдой» [1, р. 572]. Этот пример, вероятно, напрямую не подпадает под определение самоисполняющегося пророчества. В результате действий преступника случайные прохожие на улицах не начинали ругать его грязными словами. С другой стороны, те, на кого он напал, безусловно, могли проявлять ответную агрессию. И впоследствии он мог чувствовать уже реальное плохое отношение к себе со стороны тех, кто знал об убийствах. Таким образом, хотя

и косвенно, мы все же имеем дело с одной из форм подтверждения ложных идей преступника, и рассматриваемый случай не может быть сильным контрпримером для отождествления теоремы Томаса и самоисполняющегося пророчества. Однако он позволяет выделить класс ситуаций, в которых автор теоремы в первую очередь видели ее реализацию. Теорема Томаса может рассматриваться как обобщение некоторых черт параноидального поведения [35, р. 385]. И тогда убедительный контрпример может быть найден в одном из наиболее известных случаев такого поведения из судебной психиатрии.

20 января 1843 года Дэниэл Макнотен, бывший владелец небольшого предприятия, выстрелил в Эдварда Драммонда, приняв его за премьер-министра Великобритании Роберта Пиля [36]. Макнотен считал, что партия, возглавляемая Пилем, преследует его, и хотел нанести упреждающий удар по руководителю своих врагов. Он хотел убить Пиля, был убежден в том, что Драммонд является Пилем и действовал так, будто это была реальная ситуация. Налицо случай, подпадающий под теорему Томаса. Но ни одна из ошибок, совершенных Макнотеном в своем восприятии, не стала самоисполняющимся пророчеством. Драммонд не превратился в Пиля и даже не стал премьер-министром, а консервативная партия не начала ожесточенное преследование Макнотена. Итак, уже в оригинальном изложении теоремы Томаса содержатся предпосылки для вывода о том, что описываемые ею ситуации не всегда подпадают под определение самоисполняющегося пророчества.

Интерпретация Роберта Мертона

Несомненно, что идея о синонимии теоремы Томаса и самоисполняющегося пророчества распространилась под влиянием работы Мертон, в которой он последовательно рассматривает и связывает обе идеи [17, с. 605-624]. Рассмотрим логику этой

связи. Действительно ли она доказывает синонимию или хотя бы аргументирует в пользу отождествления понятий?

Сначала Мертон приводит определение теоремы Томаса, подчеркивая ее широкую известность и значимость как социологического принципа. Затем приводит конкретный пример ситуации, описываемый теоремой, в виде «социологической притчи» о вполне надежном банке, который разорился из-за того, что среди вкладчиков разнесся ложный слух о его разорении. Этот слух оказался причиной истинности того положения вещей, которое изначально было ложным. Что рассматривается Мертоном как образец самоисполняющегося пророчества [17, с. 607]. Однако во всем последующем изложении приравнивание понятий отсутствует, а теорема Томаса упоминается единственный раз — при объяснении того, как самоисполняющееся пророчество может быть разрушено, если поставить под сомнение исходное определение ситуации, например, расовые предрассудки [17, с. 609].

Описанный ход изложения может быть интерпретирован следующим образом: сначала вводится класс ситуаций А (теорема Томаса), затем в них выделяется подкласс В (притча о банке, расовые предрассудки), который оказывается также подклассом класса С (самоисполняющиеся пророчества), который и рассматривается в дальнейшем. При этом возможно, что $C=B$ (то есть, все самоисполняющиеся пророчества являются проявлениями теоремы Томаса). То, что Мертон подразумевал именно неполное пересечение классов, доказывается тем, что сам он использовал теорему Томаса для описания движения по ограничению новых научных открытий, несущих опасность катастроф: «И по большому счету несущественно, достоверны эти мнения, возлагающие на науку конечную ответственность за такие нежеланные ситуации, или нет. Социологическая теорема У. А. Томаса — «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» — из раза в раз подтверждалась» [17, с. 761]. Очевидно, что, если даже мнение об

ответственности ученых превращается в реальную социальную силу, оно тем самым не создает эту ответственность там, где ее изначально не было (например, в случаях катастроф, вызванных естественными причинами). Таким образом, не все примеры теоремы Томаса, используемые Мертоном, относятся к самоисполняющимся пророчествам.

Что касается теоретической трактовки, то она может быть прослежена через сопоставление Мертоном теоремы Томаса с другими теоретическими принципами. Так, он пишет о существовании «соседней версии» теоремы [35, р. 383]. Речь идет о цитате из Джорджа Герберта Мида: «Если вещь не признается истинной, то она не функционирует как истинная в сообществе» [37, р. 29]. Ясно, что в формулировке Мида не говорится о самоисполняющихся пророчествах. Например, истинным в некотором сообществе может считаться то, что нарушение табу на посещение определенных священных мест приведет к землетрясению. Однако ни соблюдение, ни нарушение этих табу объективно не влияет на землетрясения, поэтому не относится к самоисполняющимся пророчествам. Тем не менее вера в связь между геологическими процессами и посещением священных мест, безусловно, имеет реальные последствия, так как отражается в мышлении и поведении людей. С другой стороны, всеобщая вера в то, что выборы были сфальсифицированы, приведет к тому, что власть — предмет, передающийся с их помощью — не сможет нормально функционировать. Нелегитимность власти в данном случае является не тем результатом, в который верит сообщество, а лишь его следствием. Как видим, выделяемая Мертоном «теорема Мида» прямо соотносится с «теоремой Томаса», но не имеет явной и необходимой связи с самоисполняющимися пророчествами.

Итак, как показывает анализ приводимых Робертом Мертоном примеров и теоретических сопоставлений, из его работ нельзя извлечь вывод о том, что теорема Томаса и самоиспол-

няющиеся пророчества представляют собой синонимы. Он не аргументирует в пользу этой точки зрения явным образом, а сами материалы исследований содержат не только подтверждающие, но и опровергающие синонимию примеры использования понятий.

Соотношение логических объемов понятий

В предыдущих двух разделах было показано, что круг охватываемых теоремой Томаса ситуаций включает случаи, не относящиеся к самоисполняющимся пророчествам. Однако остается вопрос о том, входят ли все самоисполняющиеся пророчества в круг ситуаций, охватываемых теоремой Томаса. Если да, то самоисполняющееся пророчество оказывается частным случаем теоремы. Если нет — то множества ситуаций, описываемых этими понятиями, просто пересекаются в каком-то своем участке. Наподобие того, как пересекаются множества понятий «гражданин Франции» и «африканец». Не все африканцы — граждане Франции, и не все граждане Франции — африканцы, но некоторые африканцы являются гражданами Франции и некоторые граждане Франции являются африканцами. Случаи теоремы Томаса, относящиеся и не относящиеся к самоисполняющимся пророчествам уже были рассмотрены. Остается вопрос о том, существуют ли самоисполняющиеся пророчества, не описываемые теоремой Томаса. Для доказательства того, что они существуют, сначала проведем несложный мысленный эксперимент.

Пусть существует некоторое авторитарное государство с достаточно прагматичным и харизматичным лидером. Этот лидер, руководствуясь стремлением к улучшению своего имиджа, использует риторику, аналогичную той, что используется лидерами демократических государств. Однако все его подчиненные понимают, что это только риторика, и в реальности они живут в условиях авторитаризма. В какой-то момент лидер государства

заявляет, что он поддерживает информационную открытость и теперь все граждане могут критиковать власть, а журналисты — открыто публиковать информацию о ее недостатках. Все подчиненные лидера, включая журналистов и остальное население, понимают, что это всего лишь прагматичная риторика. Никто не верит в реальность описываемой этой риторикой ситуации, никто не чувствует, что он получил свободу слова. Но официальная позиция лидера требует конкретных действий от подчиненных. И среди населения начинается открытая критика власти, а журналисты начинают публиковать пугающие факты о прошлом авторитарного режима. Все это делается для исполнения официального ритуала, в качестве воплощения официальной позиции лидера. Однако оказывается, что даже ритуальная критика попадает в больные места, а факты, вскрываемые журналистами, подрывают легитимность власти. В результате реализации официальной позиции, в которую внутренне никто не верил, авторитарный режим стремительно разрушается, и наступает реальная свобода слова. Таким образом, ситуация, которая не воспринималась как реальная, оказывается самоисполняющимся пророчеством. Многим может показаться, что описанное в мысленном эксперименте развитие событий слишком надуманно. Однако возможно, что именно по такой или очень похожей модели Михаилом Горбачевым был невольно запущен распад Советского Союза¹. Соответствует это действительности или нет, но мысленный эксперимент показывает логически возможную ситуацию самоисполняющегося пророчества, не описываемую теоремой Томаса.

Существуют и эмпирические доказательства того, что неискренняя риторика со временем может оказываться правдой, создавая тем самым самоисполняющееся пророчество без веры в ситуацию. Речь идет о хорошо известных многочисленных экспериментах по изменению установок и поведения в резуль-

---

¹ См., например: [38].

тате лицемерных публичных заявлений². Публично отстаивая позицию, которую не разделяют, люди начинают к ней приближаться в своих убеждениях. Тем самым создается самоисполняющееся пророчество, изначально не предполагающее веры в ситуацию.

Итак, логический и историко-социологический анализ показывают, что самоисполняющееся пророчество и теорема Томаса описывают два множества ситуаций, которые только частично пересекаются. Ошибочная трактовка их как полных или почти полных синонимов, вероятно, получила распространение под влиянием текста Роберта Мертона, который, скорее всего, непреднамеренно задал узкую интерпретацию теоремы. Но является ли эта ошибка действительно существенной? Какое значение имеет верное понимание теоремы Томаса? Перейдем к рассмотрению этого вопроса.

Теорема Томаса как онтологический принцип

Если теорема Томаса приравнивается к самоисполняющемуся пророчеству, то ее можно рассматривать как описание одного из множества социальных механизмов, которые используются для объяснения человеческого поведения, например, как разновидность опосредованного убеждениями передаточного механизма [18, р. 48] или петли обратной связи [42, р. 84]. Однако представляет ли ее верное понимание какую-либо ценность? Не сводится ли оно к «банальности о том, что убеждения, даже ложные, имеют реальные последствия» [43, р. 294]? Ее верное понимание позволяет увидеть в ней описание принципа, позволяющего устанавливать причинные связи между субъективным и объективным миром [44; 13, р. 83; 45, р. 65]. А установление причинных связей, в свою очередь, является одним из возмож-

---

² См., например: [39; 40; 41].

ных ключей к построению онтологии. Как гласит широко признаваемый метафизический принцип: «Быть реальным — значит иметь причиняющую силу» [46, р. 348].

Таким образом, верное понимание теоремы позволяет классифицировать все возможные социальные онтологии на томасианские (включающие субъективную интерпретацию ситуаций в причинные цепочки, создающие реальность) и нетомасианские (исключающие субъективную интерпретацию ситуаций из числа каузально эффективных феноменов).

Наиболее очевидным примером нетомасианской онтологии является бихевиоризм. На его несовместимость с теоремой Томаса указывали, например, А. Шюц и Т. Лукман [47, р. 238]. Причиной этой несовместимости является элиминация субъективного мира бихевиористами. Но возможны и нетомасианские онтологии, не устраняющие субъективность, а полностью редуцирующие ее. Например, крайний детерминистский редуционизм наблюдался в концепции Л. Гумпловича, для «в человеке мыслит совсем не он, — но его социальная группа; источник его мыслей лежит совсем не в нем, но в социальной среде, в которой он живет, в социальной атмосфере, в которой он дышит; он может мыслить только так, как необходимо его заставляют концентрирующиеся в его мозгу влияния окружающей его социальной среды» [48, с. 264].

Подавляющее (если не тотальное) большинство современных социологических теорий, несомненно, придерживаются томасианской онтологии. Однако это не значит, что альтернатива ей представляет только исторический интерес. Возможно, что развитие когнитивной науки позволит описывать субъективный опыт (в том числе опыт интерпретации ситуаций) на субперсональном уровне³. В таком случае вновь окажутся актуальными нетомасианские онтологии, причинно связывающие

---

³ См., например: [49].

социальные структуры с другими социальными структурами или с нейронными процессами без посредства субъективной интерпретации.

Заключение

Понятия теоремы Томаса и самоисполняющегося пророчества описывают два частично пересекающиеся множества ситуаций. Лишь некоторые самоисполняющиеся пророчества объясняются теоремой, и лишь некоторые случаи применимости теоремы относятся к самоисполняющимся пророчествам. Понимание этой терминологической тонкости, по-видимому, было у У. А. Томаса и Р. Мертона, но затем во многих случаях оказалось утрачено. Эта утрата затемнила смысл теоремы Томаса и ее онтологическое значение, которое состоит в том, что оказывается возможным включить человеческую субъективность в каузально трактуемую реальность. Использование либо неиспользование этого принципа, соответственно, позволяет классифицировать социальные онтологии на томасианские и нетомасианские.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Thomas W.I., Thomas D.S.* The child in America. New York: Knopf, 1928. 583 p.
2. *Bornmann L., Marx W.* Thomas theorem in research evaluation // *Scientometrics*. 2020, № 123(1). P. 553-555. DOI: 10.1007/s11192-020-03389-6. EDN: LJMRJY.
3. *Esser H.* Die Objektivität der Situation: Das Thomas-Theorem und das Konzept der sozialen // *Das Auge der Wissenschaft* / ed. by R. Martinsen. Baden-Baden: Nomos Verlag, 1995. 215 s. ISBN: 978-3-7890-4011-5.
4. *Kippenberg H.G.* Searching for the link between religion and violence by means of the Thomas-theorem // *Method & Theory in the Study of Religion*. 2010, № 2. P. 97-115. DOI: 10.1163/157006810X512310.
5. *Link B.G., Monahan J., Stueve A., Cullen F.* Real in their consequences: A sociological approach to understanding the association between psychotic

symptoms and violence // *American Sociological Review*. 1999. Vol. 64, № 2. P. 316-332. EDN: GSHRUB.

6. *Mehan H.* Oracular reasoning in a psychiatric exam: the resolution of conflict in language // *Conflict talk: Sociolinguistic investigations of arguments in conversations* / ed. by A. D. Grimshaw. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 160-177. ISBN: 0521335442.

7. *Tumminia D.G.* When prophecy never fails: myth and reality in a flying-saucer group. Oxford: Oxford University Press, 2005. 240 p. ISBN: 0195176758.

8. *Wiley N.* The self as self-fulfilling prophecy // *Symbolic interaction*. 2003, № 4. P. 501-513. DOI: 10.1525/si.2003.26.4.501.

9. *Merton R.K.* Sociological ambivalence and other essays. New York: Free press, 1976. 287 p. ISBN: 9780029211205.

10. *Козер Л.* Мастера социологической мысли. Москва: Норма, 2006. 513 с. ISBN: 5-89123-963-9. EDN: QOESUR.

11. *Коллинз П.* Социология: наука или антинаука? // *THESIS*. 1994, № 4. С. 71-96.

12. *Хедстрем П., Иликоски П.* Каузальные механизмы в социальных науках // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. Т. 17, № 1. С. 14-40. EDN: SBXONZ.

13. *Sztompka P.* Society in action: the theory of social becoming. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 219 p. ISBN: 0226788156.

14. *Ядов В.А.* Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии // *Социологический журнал*. 2003, № 3. С. 5-19. EDN: PZQNYB.

15. *Vera H.* Rebuilding a classic: The Social construction of reality at 50 // *Cultural Sociology*. 2016. Vol. 10, № 1. P. 3-20. DOI: 10.1177/1749975515617489.

16. *Рутцер Д.* Современные социологические теории. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 688 с. ISBN: 5-318-00687-6.

17. *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура. Москва: АСТ, 2006. 873 с. ISBN: 5-17-029089-6.

18. *Hedström P.* Dissecting the social: on the principles of analytical sociology. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 188 p. DOI: 10.1017/CBO9780511488801. ISBN: 9780511488801.

19. *Sampson R.J.* When things aren't what they seem: context and cognition in appearance-based regulation // *Harvard Law Review Forum*. 2011. Vol. 125. P. 97-107.

20. *Kelleghan T., Madaus G.F., Airasia P.W.* The effects of standardized testing. Boston: Kluwer-Nijhoff, 1982. 284 p. DOI: 10.1007/978-94-009-7386-2.

21. *Kendall D.E.* Sociology in our times. 8th ed. Belmont: Wadsworth, 2011. 741 p. ISBN: 9780495905097.

22. *Krishna D.* "The self-fulfilling prophecy" and the Nature of Society // *American Sociological Review*. 1971. Vol. 36, № 6. P. 1104-1107. DOI: 10.2307/2093771.

23. Карлсен Я.Э. Самоосуществляющееся пророчество // Теория и методы в социальных науках / под ред. С. Ларсен. Москва: РОССПЭН, 2004. С. 102-114. ISBN: 5-8243-0468-8.

24. Хаустов Д.С. Теорема Томаса и особенности конструирования социальной реальности через массовые коммуникации // Социологические исследования. 2012, № 7. С. 29-36. EDN: PBVOEJ.

25. Collins R. Theoretical sociology. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1988. 565 p. ISBN: 978-0155914742.

26. Sanderson S.K. The evolution of human sociality. Lanham: Rowman & Littlefield, 2001. 393 p. ISBN: 9780847695355.

27. Бабич Н.С. Рецепция социологической гипотезы на примере теоремы Томаса // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 2. С. 58-70. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-58-70. EDN: BXZZAR.

28. Бабич Н.С. К вопросу о точной формулировке «теоремы Томаса» // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. Т. 11, № 91. С. 42-47. DOI: 10.24158/spp.2021.11.5. EDN: IAJAPT.

29. Stinchcombe A.L. Stratification and organization. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 381 p. ISBN: 9788200073765.

30. Wan Y., Yang X. An empirical study of the self-fulfilling prophecy effect in Chinese stock market // The Journal of Finance and Data Science. 2019. Vol. 5, № 2. P. 116-125. DOI: 10.1016/j.jfds.2019.04.001.

31. Henshel R.L. The boundary of the self-fulfilling prophecy and the dilemma of social prediction // British Journal of Sociology. 1982. Vol. 33, № 4. P. 511-528. DOI: 10.2307/589359.

32. Десятко И.Ф. В сторону справедливости: экспериментальное исследование взаимосвязи между дескриптивным обыденным знанием и восприятием дистрибутивной справедливости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 2. С. 139-164. EDN: ODPUOX.

33. Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. Vol. 1. Chicago: The University of Chicago press, 1918. 310 p.

34. Томас У.А. Поведенческий паттерн и ситуация // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века / сост. В. Г. Николаев [и др.]. Москва: ИНИОН РАН, 2010. С. 185-200. ISBN: 978-5-248-00526-0.

35. Merton R.K. The Thomas theorem and the Matthew effect // Social Forces. 1995. Vol. 74, № 2. P. 379-422. DOI: 10.2307/2580486.

36. West D.J., Walk A. Daniel McNaughton: His trial and the aftermath. Ashford: Headley, 1977. 185 p. ISBN: 090224101X.

37. Mead G.H. Movements of thought in the nineteenth century. Chicago: University of Chicago Press, 1936. 519 p.

38. *McNair B.* Glasnost, perestroika, and the Soviet media. London: Routledge, 1991. 231 p. ISBN: 0-415-03551-1.
39. *Dickerson C.A., Thibodeau R., Aronson E., Miller D.* Using cognitive dissonance to encourage water conservation // *Journal of Applied Social Psychology*. 1992. Vol. 22, № 11. P. 841-854. DOI: 10.1111/j.1559-1816.1992.tb00928.x.
40. *Petty R.E., Cacioppo J.T.* Issue involvement can increase or decrease persuasion by enhancing message-relevant cognitive responses // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. Vol. 37, № 10. P. 1915-1926. DOI: 10.1037/0022-3514.37.10.1915.
41. *Stone J., Aronson E., Crain A.L., Winslow M.P., Fried C.B.* Inducing hypocrisy as a means of encouraging young adults to use condoms // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. Vol. 20, № 1. P. 116-128. DOI: 10.1177/0146167294201012.
42. *Richardson G.P.* Feedback thought in social science and systems theory. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991. 374 p. ISBN: 0812230531.
43. *Biggs M.* Self-fulfilling prophecies // *The Oxford handbook of analytical sociology* / ed. by P. Hedström, P. Bearman. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 294-314. ISBN: 978-0-19-958745-2.
44. *Ball D.W.* 'The definition of situation': Some theoretical and methodological consequences of taking W. I. Thomas seriously // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1972, № 1. P. 61-82. DOI: 10.1111/j.1468-5914.1972.tb00304.x.
45. *Varela C.* Science for humanism: the recovery of human agency. London: Routledge, 2009. 352 p. ISBN: 9780415481823.
46. *Kim J.* Supervenience and mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 377 p. ISBN: 0521433940.
47. *Schutz A., Luckmann T.* The structures of the life-world. Vol. 2. Evanston: Northwestern University Press, 1989. 339 p. ISBN: 978-0810108332.
48. *Гумплович Л.* Основы социологии. Москва: Либроком, 2010. 360 с. ISBN: 9785397014755.
49. *Metzinger T.* Being no one: the self-model theory of subjectivity. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2004. 699 p. ISBN: 9780262633086.

Сведения об авторе

Николай Сергеевич Бабич

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

Института социологии ФНИСЦ РАН

SPIN-код: 8164-5646

ResearcherID: I-5630-2016

“THOMAS THEOREM” AND SELF-FULFILLING PROPHECY: METHODOLOGICAL ANALYSIS OF CONCEPTS

Babich Nikolay S.

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences;
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
sociolog@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8697-3038

For citation: Babich N. S. “Thomas Theorem” and Self-Fulfilling Prophecy: Methodological Analysis of Concepts. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2024, no. 59, p. 7-30. DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.1

Abstract. The article proposes an analysis of using «Thomas theorem» in sociological discourse against the background of the widespread belief that this «theorem» is a synonym for «self-fulfilling prophecy». The author proves that these principles describe two partially intersecting sets of situations. The main conclusion is that only some self-fulfilling prophecies are explained by «Thomas theorem» and only some cases of applicability of the theorem relate to self-fulfilling prophecies. Apparently, W. I. Thomas and R. Merton understood this terminological nuance, but then the understanding was lost. This loss obscured the meaning of Thomas's theorem. The author also analyzes the methodological value of correctly understood Thomas theorem, which consists in the possibility to incorporate human subjectivity into causally interpreted reality. This allows classifying social ontologies in Thomasian and non-Thomasian.

Keywords: Thomas theorem, self-fulfilling prophecy, human subjectivity, social situation, social methodology, social ontology, social reality

References

1. Thomas W.I., Thomas D.S. *The child in America*. New York: Knopf, 1928. 583 p.

2. Bornmann L., Marx W. Thomas theorem in research evaluation, *Scientometrics*, 2020, no. 123(1), p. 553-555. DOI: 10.1007/s11192-020-03389-6. EDN: LJMRJY.
3. Esser H. “Die objektivität der situation: Das Thomas-theorem und das konzept der sozialen”, in: *Das Auge der Wissenschaft*, ed. by R. Martinsen. Baden-Baden: Nomos Verlag, 1995. 215 s. ISBN: 978-3-7890-4011-5.
4. Kippenberg H.G. Searching for the link between religion and violence by means of the Thomas-theorem, *Method & Theory in the Study of Religion*, 2010, no. 2, p. 97–115. DOI: 10.1163/157006810X512310.
5. Link B.G., Monahan J., Stueve A., Cullen F. Real in their consequences: A sociological approach to understanding the association between psychotic symptoms and violence, *American Sociological Review*, 1999, vol. 64, no. 2, p. 316–332. EDN: GSHRUB.
6. Mehan H. “Oracular reasoning in a psychiatric exam: the resolution of conflict in language”, in: *Conflict talk: Sociolinguistic investigations of arguments in conversations*, ed. by A. D. Grimshaw. Cambridge: Cambridge University Press, 1990, p. 160-177. ISBN: 0521335442.
7. Tumminia D.G. *When prophecy never fails: myth and reality in a flying-saucer group*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 240 p. ISBN: 0195176758.
8. Wiley N. The self as self-fulfilling prophecy, *Symbolic interaction*, 2003, no. 4, p. 501-513. DOI: 10.1525/si.2003.26.4.501.
9. Merton R.K. *Sociological ambivalence and other essays*. New York: Free press, 1976. 287 p. ISBN: 9780029211205.
10. Kozer L. *Mastera sotsiologicheskoi mysli [Masters of Sociological Thought]* (in Russian). Moscow: Norma, 2006. 528 p. ISBN: 5-89123-963-9. EDN: QOESUR.
11. Collins R. Proscience or antisience? (in Russian), *THESIS*, 1994, no. 4, p. 71-96.
12. Hedström P, Ylikoski P. Causal mechanisms in the social sciences (in Russian), *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2014, vol. 17, no. 1, p. 14-40. EDN: SBXONZ.
13. Sztompka P. *Society in action: the theory of social becoming*. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 211 p. ISBN: 0226788156.
14. Yadov V.A. Possibilities of combining theoretical paradigms in sociology (in Russian), *Sociological Journal*, 2003, no. 3, p. 5-19. EDN: PZQNYB.

15. Vera H. Rebuilding a classic: The Social construction of reality at 50, *Cultural Sociology*, 2016, vol. 10, no. 1, p. 3-20. DOI: 10.1177/1749975515617489.
16. Ritcer D. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii [Contemporary Sociological Theories]* (in Russian). Saint Petersburg: Piter, 2002. 688 p. ISBN: 5-318-00687-6.
17. Merton R.K. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Social theory and social structure]* (in Russian). Moscow: AST, 2006. 873 p. ISBN: 5-17-029089-6.
18. Hedström P. *Dissecting the social: on the principles of analytical sociology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 188 p. DOI: 10.1017/CBO9780511488801. ISBN: 9780511488801.
19. Sampson R.J. When things aren't what they seem: context and cognition in appearance-based regulation, *Harvard Law Review Forum*, 2011, vol. 125, p. 97-107.
20. Kelleghan T., Madaus G.F., Airasian P.W. *The Effects of Standardized Testing*. Boston: Kluwer-Nijhoff, 1982. 284 p. DOI: 10.1007/978-94-009-7386-2.
21. Kendall D.E. *Sociology in our times*. 8th ed. Belmont: Wadsworth, 2011. 741 p. ISBN: 9780495905097.
22. Krishna D. "The self-fulfilling prophecy" and the Nature of Society, *American Sociological Review*, 1971, vol. 36, no. 6, p. 1104-1107. DOI: 10.2307/2093771.
23. Karlsen Ya.E. "Samoosushchestvlyayushcheesya prorochestvo" [Self-Fulfilling Prophecy] (in Russian), in: *Teoriya i metody v social'nyh naukah [Theory and methods in the social sciences]*, ed. by S. Larsen. Moscow: ROSSPEN, 2004, p. 102-114. ISBN: 5-8243-0468-8.
24. Khaustov D.S. Thomas' theorem and social reality construction through mass communications (in Russian), *Sociological Studies*, 2012, no. 7, p. 29-36. EDN: PBVOEJ.
25. Collins R. *Theoretical sociology*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1988. 565 p. ISBN: 978-0155914742.
26. Sanderson S.K. *The evolution of human sociality*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2001. 393 p. ISBN: 9780847695355.
27. Babich N.S. Reception of the sociological hypothesis in the case of the Thomas theorem (in Russian), *Sociology of Science and Technology*,

- 2021, vol. 12, no 2, p. 58-70. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-58-7. EDN: BXZZAR.
28. Babich N.S. On the question of the exact formulation of The Thomas theorem (in Russian), *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 2021, vol. 11, no. 91, p. 42-47. DOI: 10.24158/spp.2021.11.5. EDN: IAJAPT.
29. Stinchcombe A.L. *Stratification and organization*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 381 p. ISBN: 9788200073765.
30. Wan Y., Yang X. An empirical study of the self-fulfilling prophecy effect in Chinese stock market, *The Journal of Finance and Data Science*, 2019, vol. 5, no. 2, p. 116-125. DOI: 10.1016/j.jfds.2019.04.001
31. Henshel R.L. The boundary of the self-fulfilling prophecy and the dilemma of social prediction, *British Journal of Sociology*, 1982, vol. 33, no. 4, p. 511-528. DOI: 10.2307/589359.
32. Devyatko I.F. Towards Justice: An experimental study of the relationship between descriptive ordinary knowledge and perceptions of distributive justice (in Russian), *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2011, vol. 14, no. 2, p. 139-164. EDN: ODPUOX.
33. Thomas W.I., Znaniecki F. *The Polish peasant in Europe and America*. Vol. 1. Chicago: The University of Chicago press, 1918. 310 p.
34. Thomas W.I. *Povedencheskii pattern i situatsiya. Interaksionizm v amerikanskoi sotsiologii i sotsial'noi psikhologii pervoi poloviny XX veka [Interactionism in American sociology and social psychology in the first half of the 20th century]* (in Russian), ed. by V. G. Nikolaev. Moscow: INION RAN, 2010, p. 185-200. ISBN: 978-5-248-00526-0.
35. Merton R.K. The Thomas theorem and the Matthew effect, *Social Forces*, 1995, vol. 74, no. 2, p. 379-422. DOI: 10.2307/2580486.
36. West D.J., Walk A. *Daniel McNaughton: His trial and the aftermath*. Ashford: Headley, 1977. 185 p. ISBN: 090224101X.
37. Mead G.H. *Movements of thought in the nineteenth century*. Chicago: University of Chicago Press, 1936. 519 p.
38. McNair B. *Glasnost, perestroika, and the Soviet media*. London: Routledge, 1991. 231 p. ISBN: 0-415-03551-1.
39. Dickerson C.A., Thibodeau R., Aronson E., Miller D. Using cognitive dissonance to encourage water conservation, *Journal of Applied Social Psychology*, 1992, vol. 22, no. 11, p. 841-854. DOI: 10.1111/j.1559-1816.1992.tb00928.x.

40. Petty R.E., Cacioppo J.T. Issue involvement can increase or decrease persuasion by enhancing message-relevant cognitive responses, *Journal of Personality and Social Psychology*, 1979, vol. 37, no. 10, p. 1915–1926. DOI: 10.1037/0022-3514.37.10.1915.
41. Stone J., Aronson E., Crain A.L., Winslow M.P., Fried C.B. Inducing hypocrisy as a means of encouraging young adults to use condoms, *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1994, vol. 20, no. 1, p. 116–128. DOI: 10.1177/0146167294201012.
42. Richardson G.P. *Feedback Thought in Social Science and Systems Theory*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991. 374 p. ISBN: 0812230531.
43. Biggs M. “Self-fulfilling prophecies”, in: *The Oxford handbook of analytical sociology*, ed. by P. Hedström, P. Bearman. Oxford: Oxford University Press, 2009, p. 294-314. ISBN: 978-0-19-958745-2.
44. Ball D.W. ‘The definition of situation’: Some theoretical and methodological consequences of taking W. I. Thomas seriously, *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 1972, no. 1, p. 61-82. DOI: 10.1111/j.1468-5914.1972.tb00304.x.
45. Varela C. *Science for humanism: the recovery of human agency*. London: Routledge, 2009. 352 p. ISBN: 978-0-415481823.
46. Kim J. *Supervenience and mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 377 p. ISBN: 0521433940.
47. Schutz A., Luckmann T. *The structures of the life-world*. Vol. 2. Evanston: Northwestern University Press, 1989. 339 p. ISBN: 978-0810108332.
48. Gumplovich L. *Osnovy sotsiologii [Fundamentals of Sociology]* (in Russian). Moscow: Librokom, 2010. 360 p. ISBN: 9785397014755.
49. Metzinger T. *Being no one: the self-model theory of subjectivity*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2004. 699 p. ISBN: 9780262633086.

Information about the author

Nikolay S. Babich

Candidate of sociological sciences, Senior Research Fellow of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia

SPIN-code: 8164-5646

ResearcherID: I-5630-2016

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БОЛЬШИХ ДАННЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ АНАЛИЗА
ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ**

Максимова Анастасия Сергеевна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

lubijzn@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3847-1791

Гребенюк Александр Александрович

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

gaa-mma@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9003-4551

Алешковский Иван Андреевич

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

aleshkovski@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9276-3133

Для цитирования: Максимова А. С., Гребенюк А. А., Алешковский И. А. Использование больших данных социальных сетей для анализа внутренней миграции населения // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2024. № 59. С. 31-55. DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.2. EDN: HARLRA

Статья посвящена разработке методики исследования миграционного движения населения на основе анализа больших данных социальных сетей через поиск закономерностей отражения процесса внутренней миграции в сообщениях пользователей социальных медиа. Проведенное исследование позволило оценить степень валидности и релевант-

ности такого рода цифровых следов индивидов как источника эмпирических данных о внутренней миграции. Для формирования базы исходных эмпирических данных, состоящей из сообщений о переезде, опубликованных пользователями социальных сетей, использовалось программное решение в виде платформы Brand Analytics. В результате апробации методики была установлена фрагментарность исследовательских, аналитических и прогностических возможностей использования сообщений в социальных сетях в качестве источника данных о внутрироссийской миграции населения. В качестве перспективы развития подобных исследований предложен нарративный анализ на основе сформированной выборки сообщений пользователей, имеющих опыт переселения внутри страны.

Ключевые слова: большие данные, социальные сети, социальные медиа, внутренняя миграция, источники данных о миграции, анализ сообщений, анализ миграции по данным социальных сетей.

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Математические методы анализа сложных систем».

Введение

Исследование больших данных электронных социальных сетей – один из наиболее быстро развивающихся цифровых методов анализа сложных социальных систем. Возможность получать информацию об активности человека в виртуальном пространстве значительно расширила инструментарий социального аналитика. За короткое время сформировалась новая отрасль теоретической и практической деятельности – цифровая социология [1]. Концептуализировала этот термин и ввела в широкий научный оборот Д. Луптон в 2012 году, обозначив тем самым зарождение нового научного направления и появление новой методологии [2].

На сегодняшний день в мире опубликованы сотни научных работ, открыты десятки научных центров по данной проблема-

тике. При этом перечень цифровых методов и методик изучения социальных процессов постоянно расширяется ввиду перманентного развития информационных технологий [3]. Согласно данным агентства «We Are Social» и сервиса для SMM Hootsuite в 2022 году в мире количество пользователей социальных сетей насчитывало около 4,62 млрд. человек [4]. В России ежемесячное количество сообщений в сети «ВКонтакте» превышает 400 миллионов, а количество пользователей стремится к 25 миллионам. Согласно исследованию ВЦИОМ, в последние годы роль социальных сетей и социальных медиа достигла впечатляющих масштабов: 42% опрошенных респондентов отметили, что узнают новости экономики и общественно-политической жизни страны и своего региона из социальных сетей и блогов [5].

Ежедневно социальные сети формируют значительные по объемам данные, характеризующие различные социальные процессы. В этой связи сегодня особую актуальность приобретает задача использования этих данных с целью получения новых знаний об обществе, частным случаем которых является новый вектор развития исследований миграционных процессов. Отсутствие полных, достоверных и сопоставимых данных о перемещениях населения традиционно является значимым ограничением ее всестороннего изучения [6]. Так, сравнение официальной российской статистики об эмиграции с данными зарубежных стран об иммиграции российских граждан выявило их существенное расхождение [7]. Еще в большей степени ограниченность статистических данных характерна для внутригосударственных перемещений населения, отличающихся зачастую незадокументированной сменой места постоянного проживания, что определяет актуальность использования больших данных социальных сетей для анализа внутренней миграции.

Наличие вышеупомянутых проблем статистического наблюдения и появление возможности использования больших данных для анализа перемещений населения дало старт целому

ряду исследований различных видов миграции, проводимых как национальными научными центрами, так и международными организациями. Так, например, в 2017 году был опубликован доклад «Social Media and Forced Displacement: Big Data Analytics and Machine Learning: White Paper», посвященный использованию данных социальных сетей для анализа вынужденной миграции населения [8]. В 2022г. группой экспертов, сформированной Бюро Конференции европейских статистиков, был опубликован доклад «Использование новых источников данных для формирования статистики миграции», посвященный использованию новых источников данных для измерения международной миграции и трансграничной мобильности [9]. Изучению вынужденной миграции на основе данных социальных сетей посвящены работы таких зарубежных исследователей, как М. Александер [10], С. Виттеборн [11], Е. Гуалда [12], Н. Маркез [13], А. Рихи [14]. Немаловажное направление использования данных социальных сетей связано с изучением интеграции и ассимиляции мигрантов. А. Дубуа и соавторы на основании анализа «лайков» в социальных сетях разработали методику анализа ассимиляции говорящих по-арабски мигрантов, проживающих в Германии [15]. И. Стюард проанализировал интеграцию мигрантов из Мексики в США на основе анализа прослушиваемых в социальных сетях музыкальных композиций [16].

В российской миграциологии накоплен богатый опыт изучения внутренней миграции населения. Вместе с тем в отечественных исследованиях уделяется недостаточное внимание цифровым методам изучения этого социального процесса. Среди немногих исключений – результаты реализации проекта «Виртуальное население России» Н.Ю. Замятиной и А.Д. Яшунского – базы данных по структуре крупнейшей российской социальной сети «ВКонтакте». Предложенную авторами методику можно использовать для анализа внутрироссийских перемещений молодежи [17]. В работе К.А. Чернышева на основе анализа цифровых

данных социальной сети «ВКонтакте» осуществлены расчёты коэффициентов интенсивности миграционных связей населения Крыма [18].

Целью настоящего исследования являлось выявление закономерностей отражения процесса мобильности населения из регионов России по направлению в Москву и Московскую область в сообщениях пользователей социальных сетей. Кроме того, ввиду отсутствия аналогичных исследований необходимо было сформировать методологическую основу исследований миграционного движения на основе текстовых данных социальных сетей, а также оценить степень их валидности и релевантности как источника информации для обогащения эмпирической информации о внутренней миграции и конкретизировать исследовательские задачи, которые помогает решить данный источник.

Методология и методика исследования

Эмпирический объект исследования составила совокупность сообщений в социальных сетях о переезде их авторов из регионов России для постоянного проживания и/или трудоустройства в г. Москву и Московскую область. Анализу не подлежали сообщения, в которых речь шла о переезде не самого автора, а третьих лиц. Таким образом, эмпирический объект сводился к собственному опыту переезда, о котором сообщал тот или иной пользователь сети посредством публикации сообщения. В анализируемый массив были включены посты и комментарии, исключены репосты без комментирования, поскольку это создает двойной счет, и противоречит основной парадигме сбора данных, уже упомянутой выше: «сам автор сообщает о своем переезде».

Методика работы с эмпирическими данными состояла из двух этапов: на первом производился сбор данных и стандартные процедуры предобработки, позволяющие улучшить каче-

ство обрабатываемой в последующем информации, на втором этапе проводился анализ полученной информации.

Содержательные задачи первого этапа сводились к:

– разработке лингвистического запроса (набора ключевых слов, по которым идентифицируются сообщения о миграции, и минус-слов, исключающих сообщения из массива) для формирования массива данных;

– автоматической очистке данных (удаление дубликатов, спама, сообщений, содержащих только изображения, репосты чужих сообщений без добавления собственного комментария, исторических очерков, биографий известных людей, анекдотов и иных сообщений, которые не относятся к изучаемой теме);

– ручная оценка релевантности собранной на первом этапе информации поставленным задачам на основе плотности распределения в 10%-ной подвыборке.

Таким образом, был сформирован массив сообщений с присущими им атрибутами: дата публикации и информация страницы автора сообщения, поступившего в обработку.

Алгоритм работы с полученной из социальной сети эмпирической социологической частично структурированной информацией на втором этапе реализации исследования состоял из следующих шагов:

– разработка концепции качественного анализа неструктурированной части массива полученных данных с точки зрения цели и проблемного поля исследования;

– количественный анализ распределения атрибутов сообщений и их моделирование;

– содержательный анализ текстов сообщений.

По итогам реализации первого этапа работы с данными была получена совокупность сообщений из социальных сетей, в которых индивиды сообщают о собственном переезде в Москву или Московскую область, вне зависимости от того, когда произошел этот переезд.

Необходимо отметить, что полнота собранных данных для созданного запроса не может быть оценена, поскольку за пределами выборки остаются сообщения, не вошедшие в исходный лингвистический запрос. Полноту сбора ограничивает тот факт, что переезд может быть отражен в сообщении достаточно неявно и без обозначения ключевых слов, из которых состоял лингвистический запрос. При оценке по 10%-ной случайной подвыборке было установлено, что несмотря на автоматическую обработку, на 1800 сообщений присутствуют 468 сообщений, или 26%, не соответствующих парадигме отбора (сообщение автором о своем переезде), однако, релевантных цели исследования. В основном это фрагменты художественных произведений и биографические записки об известных людях, письма в редакцию, интервью и различные варианты рерайта этих же интервью. Именно интервью и цитаты, содержащие ключевые фразы запроса о собственном переезде, составляют основную сложность при их фильтрации для соответствия эмпирическому объекту исследования. Поэтому была произведена ручная фильтрация сообщений для текстового анализа, однако количественный анализ был произведен по полному массиву данных, полученных в результате выгрузки. Таким образом, количественный анализ представляет собой характеристику присутствия темы миграции в информационном поле, а качественный – позволяет получить выводы об отражении авторами опыта собственного переезда в сообщениях.

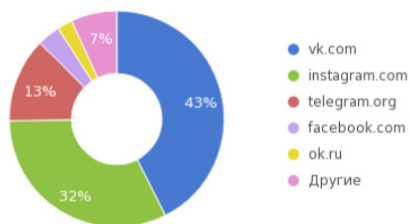
Для сбора данных применялось готовое программное решение в виде платформы Brand Analytics [19], позволяющее получить архивные данные с ретроспективой не более года, поэтому в обработку поступили данные с 04.08.2022 г. по 04.08.2023 г. Сбор данных осуществлялся с личных страниц пользователей и страниц сообществ в тех социальных сетях, где они существуют. Ввиду ограничений приватности, установленных самими пользователями, сбор данных осуществлялся с тех страниц,

на которых подобных ограничений нет. Были собраны сообщения и комментарии, удовлетворяющие лингвистическому запросу.

Обработка и анализ данных производились на языке Python в среде Google Colaboratory. При работе с данными использовались методы анализа временного ряда, кластерный анализ, методы автоматической обработки естественного языка (NLP).

Результаты исследования

За анализируемый период (04.08.2022 г. – 04.08.2023 г.) было собрано более 17 тыс. сообщений. Однако, полученное число нельзя сопоставлять с численностью переселившегося за это же время населения, поскольку часть сообщений относится к опыту переезда, произошедшему задолго до времени публикации сообщения. При этом в некоторых сообщениях есть указание на время, когда был совершен переезд (например, «уже год как я живу в Москве»), однако унификация подобного указания, то есть составление описания всех возможных указаний времени и классификация сообщений по ним для последующего восстановления времени переселения, не являлась задачей настоящего исследования.

Рис.1. Распределение сообщений по наиболее используемым платформам публикации, в % от общей доли анализируемых сообщений ¹

---

¹ Социальные сети Instagram и Facebook запрещены на территории России.

Среди всех социальных сетей наибольшее количество публикаций было сделано в vk.com. Зачастую, один и тот же автор размещает идентичные сообщения сразу на нескольких платформах, что создает проблему двойного счета, однако удаление дубликатов позволяет частично решить эту проблему.

Для текстового анализа были выбраны сообщения из источников, в которых преобладают текстовые сообщения на платформах vk.com, ok.ru, twitter.com, facebook.com. Текстовые данные из Youtube были получены в виде тайм-кода, либо транскрипции, что делает их громоздкими и зашумленными. Кроме того, видео источник имеет иной спектр воздействия как на аудиальные центры восприятия информации, так и на визуальные, поэтому получаемая посредством него информация, вполне вероятно интерпретируется пользователями данного ресурса иначе, чем, например, текстовые сообщения из социальной сети ВКонтакте. Также следует отметить, что размещение видео на Youtube сложнее и не каждый пользователь видеохостинга публикует видео: большинство только смотрят. Поэтому аккаунты из Youtube, попавшие в выборку, имеют свои характерные черты, отличающие их от аккаунтов авторов в социальной сети ВКонтакте. С этой точки зрения социальные сети с преобладанием текстового контента носят иной характер доступности публикации собственной информации и получения размещаемой информации пользователями.

Общий количественный анализ в рамках исследования проводился по всем источникам, что позволило охарактеризовать общий фон всего информационного поля социальных сетей и онлайн СМИ с точки зрения присутствия в нем темы внутренней миграции по направлению в столичный регион.

С учетом общего количества авторов публикаций (более 15 тыс.), на каждого автора приходилось 1,18 сообщения. Такое значение показателя достигается за счет страниц сообществ (существующих в некоторых социальных сетях), на которых сооб-

щения о миграции могут быть опубликованы многократно. Среди них наиболее выделяются три сообщества, в которых были опубликованы от 18 до 33 сообщений, в остальных 20 сообществах с публикациями о переезде было не более 9 сообщений. Существуют также тематические сообщества, в которых их владельцы рассказывают о переезде в Москву, либо предлагают услуги трудоустройства. Однако, подобная форма контента популярна и характерна больше для релокации в другую страну, поскольку имеются межстрановые культурные и социально-экономические различия, которыми интересуется аудитория. В случае с переездом в границах одной страны, подобных различий нет, и подобный контент не настолько востребован.

Основная тематика сообщений – автобиографические записи, в повествовательном стиле рассказывающие о жизни автора, в которых переезд в Москву становится либо центральной темой и переломным моментом в жизни, либо о нем сообщается вскользь в контексте другого более эмоционально окрашенного события («пост-знакомство.. Я переехала из маленького села, в Московскую область...»), либо «это был шок»). Большая доля сообщений связана с этапом адаптации: поиском квартиры и друзей в новом месте проживания.

Общая аудитория страниц, на которых были опубликованы сообщения о переселении, составила 965,2 тыс. аккаунтов. Этот показатель предполагает потенциальное количество пользователей, прочитавших данные сообщения. Количество реальной аудитории оценить достаточно сложно, поскольку часть страниц, входящих в потенциальную аудиторию, не используется, а часть принадлежит не физическому лицу, а ведется редакторскими группами, либо это может быть страница, созданная с целью продвижения коммерческих услуг, или иные формы существования страниц, предполагающие, что их ведет пользователь, не являющийся реальным физическим лицом, способным формировать социальную реальность и общественное мнение. В данном

случае разработка подобных критериев, является отдельной задачей. Проанализировать количество просмотров не позволяет поисковая система, поскольку не агрегирует такую информацию.

Средняя вовлеченность (суммарное количество всех реакций в расчете на одно сообщение) составила 182 за весь период, при этом наиболее комментируемыми сообщениями были сообщения аккаунтов с большими количественными атрибутами – размером аудитории. Однако общий внешний инфоповод в них выделить не удалось.

Рис.2. Динамика сообщений о переезде по датам (основная ось, линия) и кумулятивно за каждый месяц (вспомогательная ось, точки), шт.

В течение исследуемого периода каждый месяц было опубликовано около 1,5 тыс. сообщений кумулятивным итогом. Визуально процесс выглядит как стационарный (рис.1) ввиду постоянства среднего значения, постоянства дисперсии и отсутствия тренда (угол наклона нулевой, аппроксимация основными типами функций дает значения R^2 близкое к 0).

Сезонность публикаций на основе автокорреляций периода до 30 не выявлена (рис.2). Первые два периода (с лагом 1 и лагом 2) были проверены, исходя из теоретической гипотезы о том, что начало обсуждения темы – пост, влечет за собой комментарии, в которых могут наблюдаться слова и словосочетания, присущие исходному посту. Однако проведенное исследование выявило, что тема внутренней миграции не настолько обсуждаема, чтобы пост провоцировал еще ряд постов на эту же тему. Тест Дики-Фулера позволяет отвергнуть нулевую гипотезу о нестационарности временного ряда (ADF Statistic: - 4.226, p-value: 0.00).

Наиболее заметные скачки количества сообщений, наблюдаются в даты 15.11.2022 г., 04.01.2023 г., 07.02.2023 г., 04.07.2023 г., 08.07.2023 г. (рис.2).

В ходе исследования было установлено, что подобный рост не связан с внешними факторами, поскольку сообщения не имеют общего инфоповода, то есть рост является случайностью за исключением одной экстремальной точки, которая наблюдалась 31 декабря. Подобное пиковое значение связано с рефлексией пользователей о прошедших в их жизни событиях за уходящий год («итак, я выполнила 71 цель из поставленных», «подходит к концу 2022 год, и я хочу..», «новый год. За этот год я переехал из Рязани в Москву»). За весь период наблюдался один наиболее явный пик вовлеченности, что было связано с публикацией сообщения о переезде в Москву блогером, имеющим аудиторию более 600 тыс. человек.

Таким образом, исследование показало, что совокупность сообщений в социальных сетях о переезде является набором случайных величин, не детерминированных явными внешними факторами, и имеет постоянство характеристик временного ряда. Иными словами, ежедневно пользователи размещают около 50 постов в социальной сети о собственном переезде вне зависимости от текущих внешних факторов и флуктуаций информационного поля. Детерминированный рост активности, в отношении

которого может быть выдвинута гипотеза о влиянии соответствующего фактора, наблюдается только в последний день уходящего года. Однако, период наблюдения, равный одному году, не может свидетельствовать о повторяемости данного процесса и в другие годы, для этого необходимо наблюдение за более длительный период.

Личная информация, указанная пользователями о себе, может быть использована для описания социально-демографических характеристик совокупности внутренних мигрантов, однако, в разных социальных сетях пользователи имеют возможность заполнить различную информацию о себе. Таким образом, атрибуты страниц в разных социальных сетях не всегда совпадают. Среди личных профилей, опубликовавших сообщения о переезде, только на 53% страниц указан пол, на 14% – возраст, что не позволяет охарактеризовать социально-демографический портрет пользователей, публиковавших сообщения о переезде. На основе имеющихся данных восстановить пропущенные значения возможно только в случае распределения неизвестных величин аналогичного известным величинам без смещения, либо с заранее известным смещением. Например, если будет точно известно о том, что молодежь не пишет о своем возрасте, а с увеличением значения возраста, пользователи склонны его указывать. Причем смещения полученной оценке социально-демографического портрета добавят намеренные недостоверные сведения о половозрастной принадлежности, доля которых не может быть установлена.

Анализ географического положения аккаунтов в данном случае также не информативен, поскольку анализируемое направление переезда в большинстве случаев определяет текущее географическое положение: у большинства аккаунтов география определяется как г. Москва. Место выхода переселенца также возможно определить только в случае его указания в тексте сообщения.

Из описанных ограничений следует, что текстовая информация в социальных сетях, анализ которой доступен исследователям в настоящее время, не позволяет получать обоснованные количественные оценки внутренней миграции. В силу высокой степени нечеткости, неполноты и высокой вариативности, такая информация не может использоваться ни для построения показателей, альтернативных по отношению к официальной статистике, ни для верификации последней. Тем не менее, большие масштабы доступного текста сообщений в соцсетях могут делать их ценным источником информации о переживаниях и смысле, связанных с таким социальным явлением как миграция. Поэтому далее предложены перспективы развития аналитических исследований в этом направлении.

Одним из возможных аспектов анализа является определение тональности сообщений, поскольку это поможет понять отношение к переезду и сложности в процессе. Система Brand Analytics принимает на вход указание объекта, по отношению к которому будет определяться тональность. Автоматическое определение эмоциональной окраски по отношению непосредственно к переезду не дает существенного результата, поскольку 98% сообщений определяются системой как нейтральные. Это исключает идентификацию двойной тональности, когда в одной части предложения эмоциональная окраска положительная, а в другой отрицательная. Однако, проблема заключается в том, что как таковой переезд, о котором идет речь в сообщениях, пользователями, как правило, не сопровождается прилагательными, позволяющими присвоить ему тональность. Как существительное слово «переезд» чаще всего отсутствует, таким образом отсутствует объект определения тональности. Альтернативным является подход, определяющий тональность по отношению к месту предыдущего проживания, либо к Москве.

Также существует возможность автоматически определить тональность на основе машинного обучения. Для этого необхо-

дима тренировочная выборка, представляющая собой предварительно размеченную часть анализируемого массива на позитивные и негативные сообщения, что является трудозатратным процессом, либо готовые размеченные наборы данных.

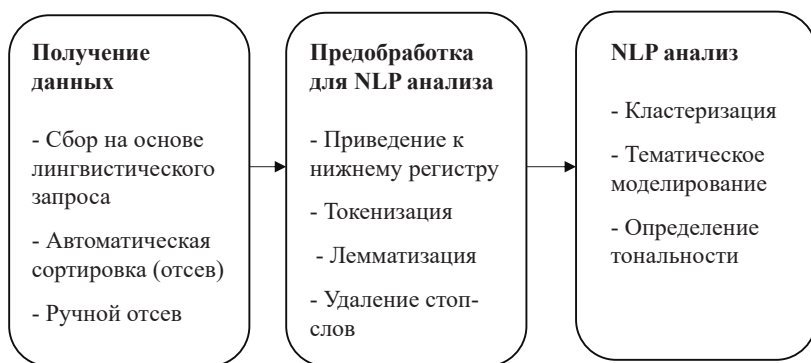

Рис. 3. Облако слов по частоте встречаемости в сообщениях о миграции (величина шрифта пропорциона частоте встречаемости)

В рамках исследования была также проанализирована содержательная часть сообщений. Результаты анализа встречаемости представлены в виде облака тегов, центральное место среди которых занимает «Москва», наиболее значимые позиции занимают слова: «жизнь», «время», «годы», «день», далее следуют слова, обозначающие составляющую повседневной жизни: «работа», «люди», «город», «друг», «дом», «место». Таким образом, основное содержание сообщений связано с целью и обстоятельствами переезда, материальными условиями адаптации после переезда, его ролью в жизни человека (см. рис. 3). Однако такой анализ, оценивая частотность слов, не позволяет выделять основные смыслы, поскольку не учитывает совместную встречаемость выделенных наиболее часто встречающихся слов. Поэтому была произведена кластеризация и тематическое обобщение текстов

с помощью библиотек, позволяющих работать с текстовыми данными на языке Python.

Задача тематического моделирования была решена на данных, предварительно подготовленных с помощью разделения текста на слова («токенизации»), извлечения их базовой формы («лемматизации») и удаления стоп-слов [20]. Далее данные были векторизованы, то есть переведены в числовой вид. Общий алгоритм работы с данными представлен на рисунке 4.

Рис. 4. Процесс работы с текстовыми данными, использованными в исследовании

В рамках настоящей статьи представлены результаты всех шагов за исключением определения тональности.

С целью разбиения сообщений по темам был применен метод обучения без учителя ввиду того, что разметка данных на примере с сообщениями о миграции является трудоемкой. Для первичной апробации из сформированного случайным образом ряда сообщений были вручную отобраны первые 1000 сообщений, попадающих под основные условия отбора (сам пользователь сообщает о своем переезде). Далее была проведена кластеризация методом k - средних с подбором на основе «метода

локтя» оптимального количества кластеров, и для сообщений, попавших в один кластер, была выделена общая тема с помощью алгоритма сжатия текста. Для обработки данных использовалась библиотека PyTorch.

Оптимальным количеством было признано 4 кластера сообщений, частоты которых на первой и второй итерации запуска модели были распределены практически идентично. В силу схожести основных текстовых обобщений сообщений в кластерах, были выделены темы, наиболее обсуждаемые в анализируемых сообщениях, однако, не для всех кластеров удалось их скомпилировать. Было установлено, что основные тематические классы сообщений о переезде, посвящены 1) самопрезентации (так называемые «посты-знакомства», например: «Познакомимся с руководителем компании»), 2) рефлексии и осмыслению опыта собственной жизни («Мне нравится переезд в Москву из Орла», «Спасибо за каждый прожитый день», «В очередной раз я порассуждаю о моей наболевшей теме»), в которых описывается то, какую роль сыграл переезд, и 3) описанию непосредственно тонкостей процесса переезда («Что нужно было решить до переезда в Москву?»). Поскольку кластеризация и тематическое моделирование были осуществлены на подвыборке, есть вероятность, что некоторый миноритарный, редко встречающийся кластер, не вошел в подвыборку и не был обработан.

Заключение

В рамках настоящего исследования был разработан поисковый запрос в виде словаря для поиска в социальных сетях сообщений о переезде из регионов России в Москву и Московскую область. Словарь может быть расширен для идентификации сообщений о других направлениях переселения, а также использован при дальнейшем развитии исследований, посвященных исследованию миграции по данным сообщений в социальных медиа.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что, несмотря на большой объем доступных текстовых данных о внутрироссийской миграции в Москву и Московскую область, сообщения в социальных сетях не являются тем источником, который может верифицировать имеющиеся или дать альтернативные количественные оценки внутренней миграции. Поскольку отсутствует возможность сопоставления обнаруженных в социальной сети сообщений о миграционных перемещениях, являющихся распределенными относительно акта миграции, который описывается в них, и данных официального статистического учета внутрироссийских перемещений, невозможно также производить оценку колебаний явления, в том числе сезонных. Таким образом, в текстах социальных медиа наблюдается только отражение части реального миграционного опыта населения, распределенное неупорядоченным образом относительно реальной хронологии событий.

Вторая существенная проблема – достоверность информации. При работе с текстовыми массивами сообщений была обнаружена большая доля художественных произведений, упоминаний о переезде в контексте рекламы собственных услуг и т.д., а также сообщений о переезде третьих лиц, которые несут еще больше субъективизма. Тем самым для анализа мотивов переезда и проблем при последующей приживаемости в новом месте, необходим подбор сообщений, в которых переселение является центральной темой, и их подробное исследование.

Было выявлено, что сообщения о переезде в Москву не провоцируют дискуссий в комментариях, а представляют собой автобиографические записки, в которых авторы делятся собственным опытом, что не вызывает бурной реакции аудитории в виде текстового обсуждения обстоятельств переезда. В зависимости от основного смыслового содержания сообщений, среди них можно выделить три группы: сообщения, в которых пользователь рассказывает о своей жизни («сообщения-знакомства»), сообщения,

в которых пользователь рефлексировал о своем опыте в жизни и сообщения, в которых описывается процесс переезда.

Таким образом, необходимо подчеркнуть фрагментарность исследовательских, аналитических и прогностических возможностей использования текстовых сообщений в социальных сетях в качестве источника информации о внутрироссийской миграции.

В качестве перспектив развития исследования рассматривается нарративный анализ на основе сформированной выборки сообщений, принадлежащих пользователям, имеющим опыт переселения, а также использование больших языковых моделей (например, ChatGPT, GigaChat) для автоматизации задач NLP. Последнее должно позволить снизить трудоемкость задач подготовки размеченной выборки для определения тональности, а также улучшить фильтрацию сообщений, не отвечающих требуемой теме анализа. Все это позволит осуществлять социальные исследования того опыта миграции, который отражен в большом массиве текстовых сообщений на соответствующую тему, имеющих в социальных сетях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шульц В.Л., Гребенюк А.А., Ашманов И.С. Теоретико-методологические проблемы цифровой социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022, т. 28, № 1. С. 126-144. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-126-144. EDN: SWVTCX.
2. Lupton D. Digital Sociology: An Introduction. Sydney: University of Sydney, 2012. 17 p. DOI: 10.2139/ssrn.2273418.
3. Орлова И.Б., Фомин Е.В. Цифровая социология: возможности, риски, перспективы // Национальная безопасность/Nota Bene. 2020, № 3. С. 48-63. DOI: 10.7256/2454-0668.2020.3.33274. EDN: MJWSXZ.
4. Digital 2022: Another year of bumper growth // We Are Social: [сайт]. 26.01.2022. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> (дата обращения: 27.12.2024).
5. Исследование ВЦИОМ «Медиапотребление и активность в интернете» // ВЦИОМ: [сайт]. 23.09.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения: 27.12.2024).

6. *Гребенюк А.А., Субботин А.А.* Исследование миграционных процессов в электронных социальных сетях // *Цифровая социология*. 2021, т. 4, № 2. С. 23-31. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-2-23-31. EDN: FVKNMY.

7. *Aleshkovski I., Gasparishvili A., Grebenyuk A.* The Changing Landscape of Russia's Emigration from 1990 to 2020: Trends and Determinants // *Journal of Globalization Studies*. 2023, vol. 14, № 1. P. 42–65. DOI: 10.30884/jogs/2023.01.04

8. *Social Media and Forced Displacement: Big Data Analytics and Machine Learning: White Paper.* // UN Global Pulse and UNHCR Innovation Service. 09.2017. URL: <https://www.unhcr.org/innovation/wp-content/uploads/2017/09/FINAL-White-Paper.pdf> (дата обращения: 27.12.2024).

9. *Использование новых источников данных для формирования статистики миграции (2022).* Заседание Группы экспертов по статистике миграции. 26-28 октября 2022 года, г. Женева. Рабочий документ 15 // UNECE. URL: https://unece.org/sites/default/files/2022-1/WP15_TaskForce_NewDataSourcesMigration_RUS.pdf (дата обращения: 27.12.2024).

10. *Alexander M., Polimis K., Zagheni E.* The impact of Hurricane Maria on out-migration from Puerto Rico: Evidence from Facebook data // *Population and Development Review*. 2019, vol. 45, № 3. P. 617–630. DOI: 10.1111/padr.12289.

11. *Witteborn S.* The digital gift and aspirational mobility // *International Journal of Cultural Studies*. 2019, vol. 22, № 6. P. 754–769. DOI: 10.1177/1367877919831020.

12. *Gualda E., Rebollo C.* The refugee crisis on Twitter: A diversity of discourses at a European crossroads // *Journal of Spatial and Organizational Dynamics*. 2016, vol. 4, № 3. P. 199–212.

13. *Marquez N., Garimella K., Toomet O., Weber I.G., Zagheni E.* Segregation and sentiment: Estimating refugee segregation and its effects using digital trace data // *Guide to Mobile Data Analytics in Refugee Scenarios: The Data for Refugees Challenge Study* / Ed. by A. Salah, A. Pentland, B. Lepri, E. Letouzé. Cham: Springer, 2019. P. 265–282. DOI: 10.1007/978-3-030-12554-7_14.

14. *Righi A.* Assessing migration through social media: a review // *Mathematical Population Studies*, 2019, vol. 26, № 2. P. 80–91. DOI: 10.1080/08898480.2019.1565271.

15. *Dubois A., Zagheni E., Garimella K., Weber I.* Studying migrant assimilation through Facebook interests // *Social Informatics. SocInfo 2018. Lecture Notes in Computer Science*, V. 11186 / Ed. by S. Staab, O. Koltsova, D. Ignatov. Cham: Springer, 2018. P. 51–60. DOI: 10.1007/978-3-030-01159-8_5.

16. *Stewart I., Flores R., Riffe T., Weber I., Zagheni E.* Rock, Rap, or Reggaeton?: Assessing Mexican immigrants' cultural assimilation using Facebook data // *Proceedings of the World Wide Web Conference (WWW '19)*. San Francisco, CA, USA, May 13–17, 2019 / Ed. by L. Liu, R. White. New York, USA: Association for Computing Machinery, 2019. P. 3258–3264. DOI: 10.1145/3308558.3313409.

17. *Замятина Н. Ю., Яшунский А. Д.* Виртуальная география виртуального населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018, № 1. С. 117—137. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.07. EDN: YQUCNL.

18. *Чернышев К.А., Чернышева Н.В., Петров. Е. Ю.* Межрегиональные связи населения Крыма: исследование на основе цифровых и статистических данных о местах рождения мигрантов // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022, т. 8, № 3. С. 253-264. EDN: EXIRYT.

19. Brand Analytics – российская система сбора и анализа данных социальных медиа: [сайт]. URL: <https://br-analytics.ru/> (дата обращения: 27.12.2024).

20. *Bird S., Klein E., Loper E.* Natural Language Processing with Python. Sevastopol: O'Reilly Media, 2009. 502 p. ISBN: 978-0-596-51649-9.

Сведения об авторах

Максимова Анастасия Сергеевна

Кандидат экономических наук, доцент Высшей школы
современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова
SPIN-код: 7343-4140
AuthorID: 729354

Гребенюк Александр Александрович

Доктор экономических наук, заместитель директора ВШССН
МГУ имени М.В. Ломоносова
SPIN-код: 4007-9651
Scopus ID: 56297122600

Алешковский Иван Андреевич

Кандидат экономических наук, доцент Факультета глобальных
процессов МГУ имени М.В. Ломоносова
Scopus ID: 57190586626

LEVERAGING SOCIAL MEDIA BIG DATA TO ANALYZE INTERNAL MIGRATION

Maksimova Anastasia S.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

lubijizn@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3847-1791

Grebenyuk Alexander A.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

gaa-mma@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9003-4551

Aleshkovski Ivan A.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

aleshkovski@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9276-3133

For citation: Maksimova A. S., Grebenyuk A. A., Aleshkovski I. A. Leveraging social media big data to analyze internal migration. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2024, no. 59, p. 31-55. DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.2. EDN: HARLRA.

Abstract. The article is devoted to the development of a methodology for the study of population migration based on the analysis of big data in social networks through the search for patterns showing the internal migration process in the messages of social media users. The research in question allowed us to evaluate the degree of validity and relevance of digital traces of individuals as a source of empirical data on internal migration.

A software solution in the form of the Brand Analytics platform was used to generate the initial empirical data base consisting of relocation messages published by social media users. The approbation of the methodology showed the fragmentation of research, analytical and predictive possibilities of using social networks as a source of data on intra-Russian population migration.

Narrative analysis based on the formed sample of messages of users who have experience of resettlement within the country was proposed for further development of similar types of research.

Keywords: big data, social networks, social media, internal migration, migration data sources, analysis of social media posts, migration analysis based on social media data.

Acknowledgments: the study was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Mathematical Methods for the Analysis of Complex Systems.”

References

1. Shul'c V.L., Grebenyuk A.A., Ashmanov I.S. Theoretical and methodological problems of digital sociology (in Russian), *Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and political science*, 2022, vol. 28, no 1, p. 126-144. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-126-144. EDN: SWVTCX.
2. Lupton D. *Digital Sociology: An Introduction*. Sydney: University of Sydney, 2012, 17 p. DOI: 10.2139/ssrn.2273418.
3. Orlova I.B., Fomin E.V. Digital Sociology: opportunities, risks, prospects (in Russian), *National security. Nota Bene*, 2020, no 3, p. 48-63. DOI: 10.7256/2454-0668.2020.3.33274.
4. Digital 2022: Another year of bumper growth, *We Are Social: [site]*. 26.01.2022. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> (date of access: 27 December 2024).
5. VTSIOM research “Media Consumption and Internet activity” (in Russian), *VTSIOM: [site]*. 23.09.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete> (date of access: 27 December 2024).
6. Grebenyuk A.A., Subbotin A.A. Research of migration processes in electronic social networks (in Russian), *Digital Sociology*, 2021, vol. 4, no 2, p. 23-31. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-2-23-31. EDN: FVKNMY.
7. Aleshkovski I., Gasparishvili A., Grebenyuk A. The Changing Landscape of Russia's Emigration from 1990 to 2020: Trends and Determinants (in Russian), *Journal of Globalization Studies*, 2023, vol. 14, no. 1, p.42–65. DOI: 10.30884/jogs/2023.01.04.

8. Social Media and Forced Displacement: Big Data Analytics and Machine Learning: White Paper, *UN Global Pulse and UNHCR Innovation Service*. 09.2017. URL: <https://www.unhcr.org/innovation/wp-content/uploads/2017/09/FINAL-White-Paper.pdf> (date of access: 27 December 2024).
9. Using new data sources to generate migration statistics (2022) (in Russian), Meeting of the Expert Group on Migration Statistics, October 26-28, 2022, Geneva. Working paper 15, *UNECE*. URL: <https://www.unhcr.org/innovation/wp-content/uploads/2017/09/FINAL-White-Paper.pdf> (date of access: 27 December 2024).
10. Alexander M., Polimis K., Zagheni E. The impact of Hurricane Maria on out-migration from Puerto Rico: Evidence from Facebook data, *Population and Development Review*, 2019, vol. 45, no. 3, p. 617–630. DOI: 10.1111/padr.12289.
11. Witteborn S. The digital gift and aspirational mobility, *International Journal of Cultural Studies*, 2019, vol. 22, no. 6, p. 754–769. DOI: 10.1177/1367877919831020.
12. Gualda E., Rebollo C. The refugee crisis on Twitter: A diversity of discourses at a European crossroads, *Journal of Spatial and Organizational Dynamics*, 2016, vol. 4, no. 3, p. 199–212.
13. Marquez N., Garimella K., Toomet O., Weber I.G., Zagheni E. Segregation and sentiment: Estimating refugee segregation and its effects using digital trace data, *Guide to Mobile Data Analytics in Refugee Scenarios: The Data for Refugees Challenge Study*, Springer, 2019, p. 265–282. DOI: 10.1007/978-3-030-12554-7_14.
14. Righi A. Assessing migration through social media: a review, *Mathematical Population Studies*, 2019, vol. 26, no. 2, p. 80–91. DOI: 10.1080/08898480.2019.1565271
15. Dubois A., Zagheni E., Garimella K., Weber I. Studying migrant assimilation through Facebook interests, *Social Informatics. SocInfo 2018. Lecture Notes in Computer Science*, V. 11186. Cham: Springer, 2018, p. 51–60. DOI: 10.1007/978-3-030-01159-8_5.
16. Stewart I., Flores R., Riffe T., Weber I., Zagheni E. Rock, Rap, or Reggaeton?: Assessing Mexican immigrants’ cultural assimilation using Facebook data, *Proceedings of the World Wide Web Conference (WWW '19)*. San Francisco, CA, USA, May 13–17, 2019, ed. by L. Liu,

- R. White. New York, USA: Association for Computing Machinery, 2019, p. 3258–3264. DOI: 10.1145/3308558.3313409.
17. Zamyatina N.YU., Yashunskij A.D. Virtual geography of the virtual population (in Russian), *Public opinion monitoring: economic and social changes*, 2018, no 1, p. 117—137. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.07. EDN: YQUCNL.
18. Chernyshev K.A., Chernysheva N.V., Petrov E.Yu. Interregional relations of the Crimean population: a study based on digital and statistical data on the places of birth of migrants (in Russian), *Geopolitics and ecogeodynamics of regions*, 2022, vol. 8, no 3, p. 253-264. EDN: EXIRYT.
19. *Brand Analytics – the Russian system for collecting and analyzing social media data*: [site]. URL: <https://br-analytics.ru/> (date of access: 27 December 2024).
20. Bird S., Klein E., Loper E. *Natural Language Processing with Python*. Sevastopol: O’Reilly Media, 2009. 502 p. ISBN: 978-0-596-51649-9.

Information about the authors

Anastasia S. Maksimova

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Sociology of Knowledge, Higher School of Contemporary Social Sciences of the Lomonosov Moscow State University
SPIN-code: 7343-4140
AuthorID: 729354

Alexander A. Grebenyuk

Doctor of Economics, Deputy Director of the Higher School of Contemporary Social Sciences of the Lomonosov Moscow State University
SPIN-code: 4007-9651
Scopus ID: 56297122600

Ivan A. Aleshkovski

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Faculty of Global Studies of the Lomonosov Moscow State University
Scopus ID: 57190586626

DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.3

EDN: JAPJAJ

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ПРОЦЕДУРЫ ВТОРИЧНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ ОБ ОТНОШЕНИИ К РОССИИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ ЯПОНИИ)

Шаповалова Мария Александровна

Институт стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия

shapochto@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-8154-8809

Для цитирования: Шаповалова М. А. Опыт разработки процедуры вторичного анализа данных об отношении к России населения зарубежных стран (на примере Японии) // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2024. № 59. С. 56-91. DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.3. EDN: JAPJAJ

Вниманию читателей представляется основанное на обобщении опыта аналогичных исследований схематическое изложение процедуры сбора и анализа вторичных данных об отношении к России общественного мнения зарубежных стран. Каждый приводимый элемент процедуры иллюстрируется на примере исследования отношения к России японцев.

Предполагается, что соответствующая приведенной схеме процедура вторичного анализа должна давать информацию, отвечающую следующим требованиям: а) надежную и достоверную; б) с насколько это возможно однозначной и ясной интерпретацией; в) имеющую прогностическую ценность. Для их обеспечения необходимо учитывать, что 1) осмысленная интерпретация текущей динамики общественного мнения требует учета его исторического состояния на длительном отрезке времени; 2) «отношение к России» или любой другой стране представляет собой сложную, неоднородную и многомерную латентную переменную, поэтому для вторичного анализа желательно включение как можно большего количества фигурировавших в различных

массовых опросах различных эмпирических индикаторов; 3) при этом «отношение к России» должно рассматриваться как единая переменная, что невозможно без редукции множества индикаторов, которая обеспечивается, как минимум, их однородностью.

Выдвинутые условия, применяемые к репрезентативным массовым опросам, сталкиваются с тем, что их данные обычно имеют жесткие ограничения и в количестве индикаторов, и во временном покрытии, что порождает неизбежную фрагментарность данных. Поэтому собранная информация, как правило, может быть приведена, прежде всего, к некоторым обобщенным «качественным» оценкам ситуации. Которые затем, для обобщения и интерпретации могут быть формализованно объединены в индексы (например, индекс благоприятствования). На уровне индексов открываются возможности частичного и условного заполнения пропусков во фрагментарных данных.

Применение описанных принципов и приемов к общественному мнению Японии позволило получить вывод о том, что на сегодняшний день установки к России в общественном мнении Японии претерпевают самый глубокий кризис за всю постсоветскую историю, и есть все основания для того, чтобы называть настроения японского общественного мнения выражено антироссийскими. Получение этого вывода не потребовало самостоятельного сбора эмпирических данных, все требующиеся результаты опросов уже были в наличии в открытом доступе, при этом их объем и качество позволили осуществить анализ, который кажется достаточно надежным и достоверным.

Ключевые слова: массовые опросы, вторичный анализ данных, общественное мнение, отношение к России, анализ опросных данных, международные отношения, кризис межгосударственных отношений, общественное мнение Японии.

Введение

В текущем социально-историческом моменте особую актуальность приобретает мониторинг отношения к России в общественном мнении зарубежных стран. Благодаря развитию технологий и обширной исследовательской и коммуникационной

деятельности служб изучения общественного мнения по всему миру, такой мониторинг может быть осуществлен с минимальными затратами ресурсов при помощи вторичного анализа данных. К сожалению, в практическом воплощении анализ данных опросов общественного мнения часто представляет собой публицистический пересказ процентных распределений, который сопровождается отсутствием рефлексии относительно их надежности и произвольностью интерпретации. Для того, чтобы избежать такого упрощенного и заведомо искаженного подхода, требуется систематизация процедур анализа в виде некоторой схемы, которая будет давать информацию, отвечающую следующим требованиям:

- а) надежную и достоверную;
- б) с насколько это возможно однозначной и ясной интерпретацией;
- в) имеющую прогностическую ценность.

Эти требования кажутся разумными относительно любого вторичного анализа данных, но дополнительную важность они приобретают в таких исследованиях, которые могут послужить основой для принятия решений (например, по международным вопросам). Предлагаемая вниманию читателей статья содержит схематичное изложение процедуры вторичного анализа, которая удовлетворяет всем трем требованиям, а сопровождающий материал реального исследования общественного мнения Японии иллюстрирует то, как это происходит. Образцами для разработки процедурной схемы послужили академические публикации, содержащие систематические обзоры опросов общественного мнения по международным вопросам [1; 2; 3; 4].

Японское общественное мнение представляет методический интерес в качестве примера апробации схемы вторичного анализа данных по следующим причинам. Во-первых, начало специальной военной операции (СВО) ознаменовало собой новое разделение международных сил, которое с некоторым упрощением может

рассматриваться как разделение между условными «Западом» и «анти-Западом» [5; 6], в котором Япония примкнула к Западу. В результате российско-японские межгосударственные отношения существенно ухудшились и переживают сегодня один из самых глубоких (если не самый глубокий) кризисов за всю постсоветскую историю [7]. Но, с другой стороны, японское массовое сознание объективно должно быть очень далеко от украинских проблем. Поэтому вопрос о том, повторяет ли японское общественное мнение траекторию дипломатической конфронтации является открытым. И на него можно обоснованно и достаточно надежно ответить с помощью предлагаемой процедурной схемы.

Основные принципы сбора данных

Для получения строгого и обоснованного результата мониторинга общественного мнения на основе вторичного анализа данных, необходимо следование, как минимум, следующим общим соображениям при их аккумулировании.

Во-первых, осмысленная интерпретация текущей динамики общественного мнения требует учета его исторического состояния на достаточно длительном отрезке времени [8; 9]. Например, распространение негативных установок к России среди 70% японцев может рассматриваться как неблагоприятная ситуация, поскольку она означает, что антироссийски настроено большинство населения. Однако если средним историческим уровнем негативных установок является 80%, то 70%, наоборот, будет означать положительную динамику. Исторический контекст должен учитываться также и при анализе интенсивности изменений. Падение или рост показателя на 15-20 процентных пунктов априорно кажется существенным колебанием, но если это типичный масштаб среднегодовых изменений, то его сохранение в 2022-2023 годах будет означать скорее стабильность или лишь номинальное изменение отношения к России.

Во-вторых, «отношение к России» представляет собой сложную, неоднородную и многомерную латентную переменную [10]. Как и любая существующая в реальной жизни социальная установка, она включает эмоциональные, поведенческие и когнитивные компоненты, которые, в свою очередь, могут распадаться на дополнительные автономные аспекты, переплетаться и взаимодействовать, образуя синергетические комбинации или вступать в противоречие между собой. Для одного и того же человека вполне возможно и очень мало знать о чужой стране, и испытывать к ней устойчивую неприязнь, восхищаться культурой некоторого государства и быть абсолютно равнодушным к его политике, и т.д. Поэтому для вторичного анализа желательно включение как можно большего количества фигурировавших в различных массовых опросах различных эмпирических индикаторов отношения к России.

В-третьих, мы все же должны рассматривать «отношение к России» как единую переменную, динамику которой желательно проследить в историческом масштабе. А это невозможно сделать без редукции множества индикаторов. Например, если мы обнаружим, что отношение японцев к российскому государству в 2022 году ухудшилось на 10%, а отношение к российской культуре улучшилось на 3%, то что это скажет нам о динамике общего отношения к России? Это сложный методический вопрос, для решения которого потребовалось бы отдельное масштабное исследование. Поэтому, признавая необходимость использования для вторичного анализа множества индикаторов, мы полагаем целесообразным, чтобы они при этом были и достаточно однородны.

Итак, анализ установок к иностранным государствам, существующих в японском общественном мнении, требует учета множества различных, но достаточно однородных (затрагивающих общее отношение к России) аспектов этих установок, желательно на протяжении длительного времени. К сожа-

лению, репрезентативные массовые опросы представляют собой дорогостоящие мероприятия, поэтому их данные обычно имеют жесткие ограничения и в количестве индикаторов, и во временном покрытии. Иными словами, в одних опросах мы будем обнаруживать одни индикаторы, а в других – другие, и эти разнородные индикаторы будут иметь еще и различное временное покрытие. Поэтому многомерные переменные для их осмысленной интерпретации должны быть сведены к одномерному показателю.

Изложенные принципы позволяют сформулировать критерии вторичного анализа, который нам необходимо предпринять. Он должен отвечать следующим требованиям: а) включение как можно более полного и обширного, предварительно отобранного списка замеров установок японской общественности к России; б) использование для каждого замера как можно более длительного хронологического интервала (как минимум несколько лет от настоящего времени до 1991 года); в) соответствующие замеры должны быть сопоставимы как результаты репрезентативных опросов совершеннолетнего населения Японии (сбор мнений без специальных процедур построения выборки, например, путем голосования в Интернете, не представляет для нас интереса, так как не позволяет ни осуществлять статистические сравнения между периодами, ни распространять выводы на все японское общество).

Для поиска данных, удовлетворяющих всем изложенным требованиям, необходимо использовать систематический обзор источников и научной литературы, включающий, как минимум, основные международные депозитарии материалов массовых опросов (Межуниверситетский консорциум политических и социальных исследований (ICPSR); Центр Роупера; GESIS – Институт социальных наук им. Лейбница), системы индексации научных публикаций Google Академия, Web of Science, Scopus. Для Японии это также Японский архив данных по социальным

наукам (SSJDA). Полезен, хотя и в ограниченной степени, поиск данных в поисковых системах google.com, ya.ru.

По итогам наших поисков в систематический обзор были включены четыре высококачественных регулярных периодических репрезентативных в национальном масштабе опроса населения Японии, измеряющих обобщенные социальные установки в отношении России. Они были проведены различными независимыми друг от друга организациями, поэтому данные могут использоваться для перекрестной проверки достоверности. Хотя каждое такое исследование отражает только некоторые аспекты общественного мнения на некотором временном отрезке, обобщение их результатов позволяет достичь большей полноты картины и снизить погрешность, связанную с вариативностью отдельных наблюдений.

Самая длительная серия ежегодных опросов, включенная в наш анализ, принадлежит непосредственно Кабинету министров Японии [11]. Он проводит исследования общественного мнения по вопросам дипломатии с 1975 г., соответственно, располагает данными об отношении японцев к современной России с самого момента ее выделения из СССР. Остальные три серии опросов принадлежат следующим институциям.

«Исследовательский центр Пью» – занимающаяся проведением и распространением социально-политических исследований общественная организация, спонсируемая американскими фондами семьи политиков и промышленников Пью. Данные этой организации с небольшими перерывами покрывают промежуток с 2007 по 2023 гг. [12].

«Genron NPO» – аффилированная с японскими дипломатическими кругами неправительственная организация, специализирующаяся на улучшении международных отношений и налаживании межгосударственных связей, преимущественно в Восточной Азии. В сотрудничестве с различными специализированными подрядчиками с 2005 г. проводит ежегодные опросы

населения Японии, Китая и Южной Кореи по проблемам межнациональных отношений и межгосударственного сближения. В открытом доступе присутствуют данные, начиная с 2013 г. [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23]

«Ipsos» – транснациональная корпорация европейского происхождения (штаб-квартира находится в Париже), занимающаяся маркетинговыми, социальными и политическими исследованиями. Владеет крупной международной интернет-панелью, на которой проводит в том числе опросы на политические темы, доклады о которых регулярно публикуются на международных форумах. К сожалению, данные об отношении японской части панели к России в этих докладах фигурируют только для 2011 и 2020-2023 гг. [24; 25; 26; 27] Тем не менее, этого оказывается достаточно для нашего анализа.

Важным аспектом вторичного анализа является оценка нейтральности (идеологической, религиозной и т.п.) источников данных. Как видно из приведенного списка, все четыре организатора опросов могут иметь выраженную условно «прозападную» политическую ориентацию. Кабинет министров Японии и близкий к нему аналитический центр Genron NPO заведомо такую ориентацию демонстрируют, на Центр Пью и Ipsos скорее всего она также влияет, хотя они и декларируют идеологическую нейтральность. Таким образом, не приходится говорить о полной объективности полученных данных. Тем не менее, им можно доверять в том смысле, что организаторы рассматриваемых опросов обладают достаточной компетентностью и заботятся о своей репутации, поэтому можно быть уверенными, что респонденты действительно давали те ответы, распределение которых было затем опубликовано, а сами формулировки вопросов и композиция выборок соответствовали наиболее важным методическим стандартам. Если политическая ангажированность в обозреваемых исследованиях и была, то она проявлялась в том, что определенные вопросы задавались, а другие нет.

Но такие ограничения – это обычная цена, которую исследователь платит при вторичном анализе данных [28].

Еще одним существенным условием отбора данных является их открытый характер, публичная доступность как минимум на уровне процентных распределений. Это условие необходимо для того, чтобы выводы нашего обзора могли быть подвергнуты независимой проверке. Из-за закрытого характера данных мы, например, не стали включать в обзор результаты опросов Gallup World Poll, а опросы Ipsos и Genron NPO были включены только в том объеме, в котором они оказались общедоступны. Конечно, в некоторых случаях условие открытости может быть принесено в жертву условию полноты, и использование данных из подписных баз вполне оправдано, когда они имеют уникальный характер. Но общественное мнение в развитых странах, таких как Япония, обычно измеряют для его публикации, поэтому в нашем случае подписные, закрытые базы данных оказались неактуальны.

Важным принципом, которому необходимо следовать, является также достаточной полное описание источников данных, их характеристик, особенностей выборки и точной формулировки вопросов. Хотя формат представления, предлагаемый нами в таблице 1, не является идеальным, он может претендовать на соответствие некоторым минимальным требованиям полноты.

Рассматриваемые исследования характеризуются одновременно длительностью, повторяемостью и репрезентативностью, которые делают возможной оценку изменения отношения к России за длительный период, включая годы задолго до начала СВО, непосредственно перед началом и после него (таблица 1). Дополнительным преимуществом полученного набора исследований выступает то, что сбор данных в них реализован разными методами. Так как разные методы сбора способствуют появлению разных систематических ошибок, их совмещение позволяет осуществить перекрестную проверку результатов [29].

Таблица 1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Организация	Сроки проведения опросов	Метод опроса	Описание выборки	Формулировка вопроса о России и вариантов ответа на него
Кабинет министров Японии	Первый опрос 17–27 октября 1991. Последний опрос 7 сентября — 15 октября 2023.	В 1991–2018 гг. личное интервью по месту жительства, с 2019 г. — почтовый опрос.	Двухступенчатая стратифицированная случайная выборка, номинальным объемом в 3000 человек, с учетом недоступного населения реальный объем составляет 1700–2300 человек в зависимости от года.	Чувствуете ли Вы симпатию к России? Варианты ответа: чувствую симпатию, скорее чувствую симпатию, не чувствую симпатию.

Продолжение табл. 1

Организация	Сроки проведения опросов	Метод опроса	Описание выборки	Формулировка вопроса о России и вариантов ответа на него
Центр Пью	Первый опрос 6 апреля — 23 мая 2007. Последний опрос 20 февраля — 22 мая 2023.	Телефонный опрос	Около 1000 человек (в зависимости от года), случайная выборка телефонных номеров. Ошибка выборки 3,2%—4,0%.	Вы положительно или отрицательно относитесь к России? Варианты ответа: очень положительно, скорее положительно, скорее отрицательно, очень отрицательно.
Geiton NPO	Первый опрос 21 июня — 12 июля 2013. Последний опрос 21 августа — 12 сентября 2022.	Самозаполнение анкеты респондентами по месту жительства.	Вероятностная выборка объемом 1000 человек.	Какая из стран представляет военную угрозу Японии? Варианты ответа представляют собой выбор из закрытого списка стран.

Окончание табл. 1

Организация	Сроки проведения опросов	Метод опроса	Описание выборки	Формулировка вопроса о России и вариантов ответа на него
Ipsos	Первый опрос 7–20 октября 2011. Последний опрос 22 сентября — 6 октября 2023.	Онлайн-опрос	От 1000 до 2000 человек; выборка взвешена по полу, возрасту и образованию. Ошибка выборки 3,5%.	В ближайшие 10 лет следующие страны будут оказывать положительное или отрицательное влияние на события в мире? Россия. Варианты ответа: сильное положительное, скорее положительное, скорее отрицательное, сильное отрицательное.

Основные принципы анализа

Прежде всего, собранные должны быть приведены к некоторым обобщенным «качественным» оценкам ситуации. Например, как показывают данные, приведенные в таблице 2, 2022 год продемонстрировал наихудшее отношение японцев к России за все время наблюдений во всех четырех повторяющихся исследованиях, и ситуация в 2023 году осталась неизменной. Согласно результатам правительственного опроса, недружественно настроенными к России в 2022 году оказывается 95% японцев, это подтверждается опросом Центра Пью, в котором 91% японских респондентов заявили о неблагоприятном отношении к России, в мониторинге Genron NPO впервые более половины японцев (60%) видят в нашей стране прямую военную угрозу. По данным Ipsos более 85% японцев убеждены в том, что Россия будет оказывать негативное влияние на события в мире в ближайшие 10 лет.

Таблица 2

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ К РОССИИ, В % ОТ ОПРОШЕННЫХ

Годы опросов	Доли позитивных (+) и негативных (-) для России ответов в опросах разных организаций							
	Кабинет министров		Центр Пью		Genron NPO		Ipsos	
	+	-	+	-	+	-	+	-
1991	25	70						
1992	15	80						
1993	11	85						
1994	12	84						
1995	10	86						
1996	10	85						

Продолжение табл. 2

Годы опросов	Доли позитивных (+) и негативных (-) для России ответов в опросах разных организаций							
	Кабинет министров		Центр Пью		Genron NPO		Ipsos	
	+	-	+	-	+	-	+	-
1997	11	84						
1998	15	80						
1999	16	79						
2000	14	81						
2001	18	77						
2002	15	78						
2003	20	74						
2004	16	78						
2005	16	78						
2006	15	79						
2007	15	82	22	67				
2008	13	83						
2009	15	80	23	68				
2010	14	82	30	60				
2011	13	83	28	62			49	51
2012	20	77	22	72				
2013	23	75	27	64	83	17		
2014	20	76	23	69	75	25		
2015	17	79	21	73	75	25		
2016	19	77			77	23		
2017	18	78	26	64	77	23		
2018	18	79	26	68	66	34		
2019	21	76	25	69	64	36		
2020	14	86	18	71	69	31	30	70

Годы опросов	Доли позитивных (+) и негативных (–) для России ответов в опросах разных организаций							
	Кабинет министров		Центр Пью		Genron NPO		Ipsos	
	+	–	+	–	+	–	+	–
2021	13	86			68	32	30	70
2022	5	95	6	91	40	60	12	88
2023	4	96	5	93	38	62	14	86

Качественные обобщенные оценки могут обогащаться формализацией объединения собранных данных в виде индексов. Так, показатели таблицы 2 позволяют измерить общее преобладание негативных установок к России над позитивными, построив индекс благоприятствования, который представляет собой разность между вторыми и первыми. Его динамика представлена в таблице 3. Примечательно, что по данным трех из четырех опросов индекс благоприятствования в отношении России всегда находился в отрицательной зоне. Например, в правительственном опросе наименьший перевес негативного отношения (70 против 25, итого на 45%) наблюдался в 1991 году, после чего установки японского массового сознания традиционно оставались еще более антироссийскими. Конечно, не стоит забывать, что эта «антироссийскость» несколько условна, так как проявляется в сиюминутном выражении симпатий и антипатий у обычных людей, которые на уровне повседневной жизни вообще редко задумываются о международной политике. Это доказываются показателями опросов Genron NPO, в которых задавался более «сильный» вопрос о военной угрозе. Тем не менее общий негативный настрой японского общественного мнения в отношении России может быть с уверенностью диагностирован за весь исторический период с 1991 г.

Таблица 3

ИНДЕКСЫ БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ

Годы	Кабинет министров	Центр Пью	Genron NPO	Ipsos
1991	-45			
1992	-65			
1993	-74			
1994	-72			
1995	-76			
1996	-75			
1997	-73			
1998	-65			
1999	-63			
2000	-67			
2001	-59			
2002	-63			
2003	-54			
2004	-62			
2005	-62			
2006	-64			
2007	-67	-45		
2008	-70			
2009	-65	-45		
2010	-68	-30		
2011	-70	-34		-2
2012	-57	-50		
2013	-52	-37	66	
2014	-56	-46	50	
2015	-62	-52	50	

Годы	Кабинет министров	Центр Пью	Genron NPO	Ipsos
2016	-58		54	
2017	-60	-38	54	
2018	-61	-42	32	
2019	-55	-44	28	
2020	-72	-53	38	-40
2021	-73		36	-40
2022	-90	-85	-20	-76
2023	-91	-88	-24	-72

Насколько радикально этот общий негативный настрой изменился после начала СВО? Его динамика год к году (там, где соответствующие данные имеются в наличии) может быть проанализирована при помощи межгодовых сравнений, которые отражены в таблице 4. Это уже формализованное обобщение второго порядка. Из него видно, что для данных правительственного опроса произошедшее падение в 17% не является чем-то исключительным. Аналогичные провалы массового отношения к России наблюдались в 2020 и 1992 гг. (в последнем случае падение даже достигало 20%). Но это все же одно из трех крупнейших снижений за историю наблюдений. Кроме того, данные Ipsos и особенно Genron NPO показывают, что в других аспектах отношения масштаб падения гораздо больше – порядка 30-50%. Хотя расчеты для Центра Пью нельзя провести точно год к году, исходя из стабильности показателей остальных опросов в 2020-2021 гг., можно предположить, что и для данных Пью индекс благоприятствования в 2021 г. сохранялся на уровне примерно -53%. Тогда ухудшение в результате СВО составило 32%, что также является рекордным падением в этой серии исследований.

Таблица 4

**ИЗМЕНЕНИЕ ИНДЕКСОВ БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ
В ОТНОШЕНИИ РОССИИ (РАЗНОСТЬ С ПРЕДЫДУЩИМ
ГОДОМ)**

Годы	Кабинет министров	Центр Пью	Genron NPO	Ipsos
2023	-1	-3	-4	+4
2022	-17		-56	-36
2021	-1		-2	0
2020	-17	-9	+10	
2019	+6	-2	-4	
2018	-1	-4	-22	
2017	-2		0	
2016	+4		+4	
2015	-6	-6	0	
2014	-4	-9	-16	
2013	+5	+13		
2012	+13	-16		
2011	-2	-4		
2010	-3	+15		
2009	+5			
2008	-3			
2007	-3			
2006	-2			
2005	0			
2004	-8			
2003	+9			
2002	-4			
2001	+8			
2000	-4			

Годы	Кабинет министров	Центр Пью	Genron NPO	Ipsos
1999	+2			
1998	+8			
1997	+2			
1996	+1			
1995	-4			
1994	+2			
1993	-9			
1992	-20			

Итак, сопоставление показателей за длительный период обнаруживает, что, фактически, с самого 1991 г., задолго до начала СВО, общественное мнение в Японии (разумеется, насколько оно отражается в результатах массовых опросов) было негативно настроено по отношению к России. Но этот настрой был скорее декларативным, Россия не воспринималась большинством населения, например, в качестве военной угрозы. После февраля 2022 г. отношение к России ушло в исторически наихудшую область, причем падение российского «рейтинга» в глазах японцев также оказалось, в целом, самым быстрым за всю историю наблюдений. На этом фоне впервые большая часть японского общества стала рассматривать российскую военную угрозу как реальную.

Хотя это важный содержательный вывод, фрагментарный характер данных, обретающих все еще прерывистую стабильность лишь в последние годы, не позволяет целостно взглянуть на общую историческую динамику отношения японского общественного мнения к России. Для описания такой динамики необходимо иметь один сводный показатель отношения, который не может быть рассчитан как среднее арифметическое всех четырех рядов данных, так как они имеют разную полноту. Однако

мы можем вменить пропущенным периодам условные индексы благоприятствования, определенные методом пропорционального последовательного приближения от наиболее полных рядов к наименее полным.

Для этого сначала по таблице 3 определим, каково среднее соотношение индексов благоприятствования между опросами Центра Пью и Кабинета министров. Для тех 14 точек, в которых опросы соприкасаются, это соотношение составляет 0,74. Иными словами, умножая индекс благоприятствования по данным Кабинета министров на 0,74, мы получим усредненное приближение к данным Центра Пью. Теперь на основе этой пропорции можно осуществить расчет условных индексов благоприятствования для второго временного ряда: как если бы опросы Центра Пью также шли непрерывно с 1991 года. Теперь мы получаем возможность усреднить реальные данные Кабинета министров и частично условный, частично реальный ряд Центра Пью с тем, чтобы вычислить соотношение этого усредненного показателя с имеющимися точками Genron NPO. Оно показывает коэффициент -0,67. Который позволяет рассчитать условные значения индекса благоприятствования Genron NPO с 1991 по 2012 годы. Аналогичную процедуру мы осуществляем для опроса Ipsos. Любопытно, что в данном случае коэффициент оказывается равен 1, то есть индекс благоприятствования Ipsos, в среднем, оказывается равен среднему арифметическому трех других индексов. Реконструированные таким методом индексы благоприятствования и их изменения год к году представлены в таблице 5. Курсивом в ней выделены условные величины, вычисленные пропорциональным последовательным приближением.

Отдельно необходимо остановиться на вычислении среднего индекса. Конечно, нельзя не признать, что его компоненты относятся к разным по своему содержанию показателям, и одно дело – отсутствие симпатии, а другое – восприятие как врага. Поэтому усреднение данных четырех опросов может показаться несколько

искусственным. Однако задача такого усреднения в нашем анализе не состоит в том, чтобы построить новый содержательный показатель. Иными словами, средний индекс не отражает какой-то специфицированной латентной переменной, и его конкретное значение не измеряет никаких конкретных установок. В данном случае средний индекс нужен нам лишь как условное обобщение динамики всех четырех показателей, то есть для того, чтобы убедиться, например, в том, что между 2021 и 2022 годами и на обобщенном для всех четырех опросов уровне существует серьезный разрыв.

Таблица 5

РЕКОНСТРУИРОВАННЫЕ ИНДЕКСЫ
БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ

Годы	Кабинет министров	Центр Пью	Genron NPO	Ipsos	Средний индекс	Изменение среднего индекса
1991	-45	-33	26	-17	-17	
1992	-65	-48	38	-25	-25	-8
1993	-74	-54	43	-28	-28	-3
1994	-72	-53	42	-28	-28	1
1995	-76	-56	44	-29	-29	-2
1996	-75	-55	44	-29	-29	1
1997	-73	-54	43	-28	-28	1
1998	-65	-48	38	-25	-25	3
1999	-63	-46	37	-24	-24	1
2000	-67	-49	39	-26	-26	-2
2001	-59	-43	34	-23	-23	3
2002	-63	-46	37	-24	-24	-1
2003	-54	-40	32	-21	-21	3
2004	-62	-46	36	-24	-24	-3

Годы	Кабинет министров	Центр Пью	Genron NPO	Ipsos	Средний индекс	Изменение среднего индекса
2005	-62	-46	36	-24	-24	0
2006	-64	-47	37	-25	-25	-1
2007	-67	-45	38	-25	-25	0
2008	-70	-52	41	-27	-27	-2
2009	-65	-45	37	-24	-24	3
2010	-68	-30	33	-22	-22	3
2011	-70	-34	35	-2	-18	4
2012	-57	-50	36	-24	-24	-6
2013	-52	-37	66	-8	-8	16
2014	-56	-46	50	-17	-17	-10
2015	-62	-52	50	-21	-21	-4
2016	-58	-43	54	-16	-16	6
2017	-60	-38	54	-15	-15	1
2018	-61	-42	32	-24	-24	-9
2019	-55	-44	28	-24	-24	0
2020	-72	-53	38	-40	-32	-8
2021	-73	-54	36	-40	-33	-1
2022	-90	-85	-20	-76	-68	-35
2023	-91	-88	-24	-72	-69	-1

Данные таблицы 5 в числовом виде подтверждают то впечатление, которое более неформально было высказано нами при анализе таблиц 2-4. В 2022 году отношение японского общественного мнения к России оказалось наихудшим за всю историю с 1991 года, это падение стало наиболее глубоким за тот же период, и ситуация в 2023 году никак не изменилась.

В заключение продемонстрируем, какую прогностическую ценность могут иметь полученные данные о состоянии японского общественного мнения. Во-первых, в Японии оно способно оказывать заметное влияние на внешнюю политику [30], при этом существуют давние исторические предпосылки для его негативного настроения относительно России [31; 32; 33]. На этом фоне позиция японского истеблишмента по украинскому вопросу, сопровождающаяся соответствующей информационной кампанией [34], теоретически, способна увлечь установки рядовых японцев столь далеко в антироссийскую область, что вернуться из нее к нормализации отношений будет непросто. Во-первых, однажды созданный образ врага способен работать по принципу «самоисполняющегося пророчества», так как он способствует избирательному восприятию негативных черт и обострению отношений [35; 36]: если плохое отношение к иностранной державе вызывает жесткую реакцию, эта реакция подкрепляет плохое отношение. Во-вторых, массовые настроения, созданные для достижения текущих политических целей, имеют существенную инерцию, и при изменении целей (например, с эскалации на нормализацию) могут служить уже не драйвером, а препятствием в их достижении [37]. Ведь для того, чтобы пойти против сложившегося общественного мнения, часто требуется больший ресурс, чем для его формирования.

Каковы перспективы самостоятельного изменения японского общественного мнения, не подталкиваемого риторикой политических лидеров? Исторический опыт показывает, что сразу после коллапса СССР именно Япония воспринималась западным общественным мнением как следующий стратегический соперник, с которым может разразиться война [38, р. 134-144]. Исчезновение массовых антияпонских установок, вероятно, оказалось возможным после «сдувания пузыря» японской экономики и ее длительной стагнации, сделавшей японцев более уязвимыми в глазах Запада [39] и менее исключительными в собственных

глазах [40], а также перед лицом восхождения Китая как новой общей потенциальной угрозы [41, р. 87-114]. Если японское общественное мнение будет подчиняться той же логике, то благоприятное для России развитие событий может привести к еще большему усугублению антироссийских установок, поскольку Россия в этом случае окажется не просто потенциальным, но и успешным в решении своих задач «противником». Этот прогноз тем более вероятен, что общественное мнение Японии уже довольно давно является отнюдь не является пацифистским [42; 43], а исследования межнационального восприятия показывают устойчивость антироссийских этнических стереотипов [44] даже в наиболее прогрессивной молодежной среде [45]. В случае с Японией также плохо работает наиболее естественный путь преодоления взаимных предрассудков – межэтнические контакты [46]. Относительная культурная закрытость японского общества, его моноэтничность затрудняет возникновение устойчивых «низовых связей», которые теоретически могли бы способствовать органическому возникновению пророссийских установок среди рядовых граждан [47]. Все эти обстоятельства, вместе с уже затяжным характером кризиса, заставляют утверждать, что выражено негативное отношение к России – это, к сожалению, то состояние японского общественного мнения, которое наиболее разумно ожидать в кратко- и среднесрочной перспективе.

Заключение

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу о том, что на сегодняшний день установки к России в общественном мнении Японии претерпевают самый глубокий кризис за всю постсоветскую историю, и есть все основания для того, чтобы называть настроения японского общественного мнения выражено антироссийскими. Благодаря разработанной и представленной в статье схематичной процедуре вторичного анализа данных,

получение этого вывода не потребовало от нас самостоятельного сбора эмпирической информации, все требующиеся результаты опросов уже были в наличии в открытом доступе, их объем и качество позволили осуществить анализ, который кажется достаточно надежным и достоверным. Кроме того, общая схема анализа, представленная в статье, легко воспроизводима и может применяться (и с некоторыми вариациями применяется) в мониторинге общественного мнения о России в зарубежных странах.

Процедурная схема вторичного анализа данных об отношении к России выглядит следующим образом. На первом этапе определяются источники данных, к числу которых могут относиться как международные, так и национальные исследовательские организации. Особенное внимание в этот момент должно быть привлечено к степени ангажированности и методической добросовестности соответствующих организаций. На втором этапе имеющаяся у них информация должна быть систематизирована с точки зрения наличия достаточно однородных и релевантных показателей. Если вторичный анализ предполагает публикацию результатов, то предпочтение может быть отдано открытым данным, позволяющим, с одной стороны, соблюдать права интеллектуальной собственности, с другой – легко осуществлять перепроверку выводов анализа. На третьем этапе производится аккумулярование данных и контроль их полноты. Определяются «пробелы» и слабые места. На четвертом этапе данные из разных источников подвергаются перекрестной проверке с целью контроля их достоверности и определения возможности закрытия пробелов одних данных за счет других. На пятом этапе разрабатывается и реализуется логика обобщения имеющихся показателей. На последнем шаге полученные в ходе предыдущих этапов максимально полные, подвергнутые перекрестной проверке и обобщенные данные могут быть подвергнуты содержательному анализу и послужить основой для получения надежных и достоверных выводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов Д. В. Китай в зеркале общественного мнения. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. 450 с. ISBN: 978-5-8331-0269-5. EDN: RQEMTL.
2. Немирова Н. В. Российско-американские отношения в общественном мнении России и США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021, т. 14, № 4. С. 409-431. DOI: 10.21638/spbu06.2021.403. EDN: ODUPBJ.
3. Попов Н. П. Общественное мнение в России, США и на Украине о спецоперации // Россия и Америка в XXI веке. 2022, № 2. DOI: 10.18254/S207054760019828-7. EDN: ESENJC.
4. Ли Ц., Бабич Н. С. Отношение к России и США в общественном мнении современного Китая // Социологические исследования. 2023, № 4. С. 129-140. DOI: 10.31857/S013216250025452-0. EDN: HFYAOG.
5. Балацкий Е. В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: гибридная война цивилизаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022, т. 15, № 6. С. 52–78. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3. EDN: NHHQRV.
6. Foa R. S., Mollat M., Isha H., Romero-Vidal X., Evans D., Klassen A. J. A World divided: Russia, China and the West. Cambridge, United Kingdom: Centre for the Future of Democracy, 2022. 35 p. DOI: 10.17863/CAM.90281.
7. Лузянин С. Г. Российско-японские отношения и китайский фактор: эволюция и трансформация (2012–2022 гг.) // Японские исследования. 2022, №. 4. С. 75–89. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-75-89. EDN: TLRRTZ.
8. Ferguson S. D. Researching the public opinion environment: Theories and methods. London: Sage, 2000. DOI: 10.4135/9781483328577. ISBN: 9780761915317.
9. Clawson R. A., Oxley Z. M. Conducting empirical analysis: public opinion in action. London: Sage, 2010. 192 p. ISBN: 9781608716739.
10. Buhmann A. Measuring country image: Theory, method, and effects. Wiesbaden: Springer, 2016. 163 p. DOI: 10.1007/978-3-658-15407-3. ISBN: 978-3-658-15406-6.
11. 外交に関する世論調査 (Public opinion poll on international affairs, 2023) (In Japanese) // Cabinet Office, Government Of Japan: [site]. 2023. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/index-gai.html> (дата обращения: 13.09.2024).
12. Fagan M., Poushter J., Gubbala S. Large Shares See Russia and Putin in Negative Light, While Views of Zelenskyy More Mixed // Pew Research Center. 10.07.2013. URL: https://www.pewresearch.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2023/07/PG_2023.07.10_Russia-NATO_Report.pdf (дата обращения: 13.09.2024).
13. The 9th Japan-China Public Opinion Poll: Analysis report on the comparative

data, 2013 // Genron NPO: [site]. 12.08.2013. URL: https://www.genron-npo.net/en/opinion_polls/archives/5260.html (дата обращения: 13.09.2024).

14. The 10th Japan-China Public Opinion Poll: Analysis report on the comparative data, 2014 // Genron NPO. 09.09.2014. URL: https://www.genron-npo.net/en/pp/docs/10th_Japan-China_poll.pdf (дата обращения: 13.09.2024).

15. The 11th Japan-China Public Opinion Poll: Analysis report on the comparative data, 2015 // Genron NPO. 22.10.2015. URL: https://www.genron-npo.net/pdf/2015forum_en.pdf (дата обращения: 13.09.2024).

16. The 12th Japan-China joint Opinion Poll: Analysis report on the comparative data, 2016 // Genron NPO. 09.2016. URL: https://www.genron-npo.net/pdf/2016forum_en.pdf (дата обращения: 13.09.2024).

17. The 13th joint public opinion poll between Japan and China: Japan-China public Opinion survey, 2017 // Genron NPO.: 12.2017. URL: <https://www.genron-npo.net/en/archives/171216.pdf> (дата обращения: 13.09.2024).

18. The 14th joint public opinion poll between Japan and China: Japan-China public Opinion survey, 2018 // Genron NPO. 10.2018. URL: <https://www.genron-npo.net/en/archives/181011.pdf> (дата обращения: 13.09.2024).

19. The 15th joint public opinion poll: Japan-China public Opinion survey, 2019 // Genron NPO. 10.2019. URL: <https://www.genron-npo.net/en/archives/191024.pdf> (дата обращения: 13.09.2024).

20. The 16th joint public opinion poll: Japan-China public Opinion survey, 2020 // Genron NPO. 11.2020. URL: https://www.genron-npo.net/en/201117_en.pdf (дата обращения: 13.09.2024).

21. The 17th joint public opinion poll: Japan-China public Opinion survey, 2021 // Genron NPO. 10.2021. URL: <https://www.genron-npo.net/en/pp/docs/211025.pdf> (дата обращения: 13.09.2024).

22. 第18回日中共同世論調査(2022年)結果 (Results of the 18th Japan-China Joint Public Opinion Poll, 2022) (In Japanese) // Genron NPO: [site]. 30.11.2022. URL: <https://www.genron-npo.net/world/archives/13950-2.html> (дата обращения: 13.09.2024).

23. 第19回日中共同世論調査(2023年)結果 (Results of the 19th Japan-China Joint Public Opinion Survey, 2023) (In Japanese) // Genron NPO: [site]. 10.10.2023. URL: <https://www.genron-npo.net/world/archives/16585-2.html> (дата обращения: 13.09.2024).

24. Ipsos World Affairs Global Survey, 2011 // Ipsos. 11.2011. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/publication/2011-11/5417-ppt.pdf> (дата обращения: 13.09.2024).

25. Ipsos World Affairs Global Survey, 2021 // Ipsos. 11.2021. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-11/World-Affairs-Global-Survey-2021-Halifax-Security-Forum.pdf> (дата обращения: 13.09.2024).

26. Ipsos World Affairs Global Survey, 2022 // Ipsos. 11.2022. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2022-11/HISF%2022%20-%20Full%20Report.pdf> (дата обращения: 13.09.2024).
27. Ipsos World Affairs Global Survey, 2023 // Ipsos. 11.2023. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2023-11/ipsos-hisf-influence-report-2023-final.pdf> (дата обращения: 13.09.2024).
28. *Vartanian T. P.* Secondary data analysis. Oxford: Oxford University Press, 2010. 224 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195388817.001.0001. ISBN: 9780195388817.
29. *Watkins D. C.* Secondary data in mixed methods research. London: Sage, 2023. 264 p. ISBN: 9781506389578.
30. *Midford P.* The influence of public opinion on foreign policy in Asia: The case of Japan // The Sage handbook of Asian foreign policy / Ed. by Takashi Inoguchi. Thousand Oaks: Sage, 2019, vol. 1. P. 381-404. ISBN: 9781473977990.
31. *Стрельцов Д. В.* Факторы негативного образа СССР в Японии в период холодной войны // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022, № 2. С. 32-46. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-32-46. EDN: VAFXXA.
32. *Горячева Е. А.* Восприятие россиян в современной Японии: стереотипы и их преодоление // Россия и АТР. 2020, № 4(110). С. 63-71. DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10048. EDN: AGMMGG.
33. *Chugrov S. V., Streltsov D. V.* Interdependence of Russo-Japanese relations and mutual images of Japan and Russia // Japanese Journal of Political Science. 2017, vol. 18, № 1. P. 22-40. DOI: 10.1017/S146810991600030X. EDN: YVCSDL.
34. *Нелидов В. В.* Украинский кризис во внутривосточном дискурсе Японии // Японские исследования. 2022, № 4. С. 108-122. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-108-122. EDN: MOEXBZ.
35. *Holsti O. R.* Cognitive dynamics and images of the enemy // Journal of International Affairs. 1967, vol. 21, № 1. P. 16-39.
36. *Herrmann R. K., Voss J. F., Schooler T. Y. E., Ciarrochi J.* Images in international relations: An experimental test of cognitive schemata // International Studies Quarterly. 1997, vol. 41, № 3. P. 403-433. DOI: 10.1111/0020-8833.00050.
37. *Sabatier P., Hunter S., McLaughlin S.* The devil shift: Perceptions and misperceptions of opponents // Western Political Quarterly. 1987, vol. 40, № 3. P. 449-476. DOI: 10.1177/106591298704000306. EDN: JOYMPZ.
38. *Kunczik M.* Images of nations and international public relations. New York: Routledge, 2016. 346 p. ISBN: 978-0-805-81713-3.
39. *Thorsten M.* Superhuman Japan: Knowledge, nation and culture in US-Japan relations. New York: Routledge, 2012. 192 p. ISBN: 9780415414265.
40. *Чугров С. В., Карелова Л. Б.* Япония как «обычная страна»: мета-морфозы политической идентичности (аналитический обзор опросов обще-

ственного мнения) // Социологический журнал. 2020, т. 26. № 1. С. 87-108. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7054. EDN: DJGIYY.

41. *Mochizuki, M. M.* The U.S.-Japan alliance and the rise of China // Beyond bilateralism: U.S.-Japan relations in the new Asia-Pacific / ed. by E. S. Krauss and T. J. Pempel. Stanford: Stanford University Press, 2004. 421 p. ISBN: 0-8047-4909-4.

42. *Shinoda T.* Becoming more realistic in the post-cold war: Japan's changing media and public opinion on national security // Japanese Journal of Political Science. 2007, vol. 8, № 2. P. 171-190. DOI: 10.1017/s1468109907002617.

43. *Midford P.* Rethinking Japanese public opinion and security: From pacifism to realism? Stanford: Stanford University Press, 2011. 272 p. ISBN: 9780804772167.

44. *Bukh A.* Identity, foreign policy and the other: 'Japan's Russia' // European Journal of International Relations. 2009, vol. 15, № 2. P. 319-345. DOI: 10.1177/1354066109103141.

45. *Жилина Л. В.* Восприятие России молодым поколением Японии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018, т. 18, № 1. С. 49-65. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-49-65. EDN: YVXKJP.

46. *Варшавер Е. А.* Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015, № 5. С. 183-214. DOI: 10.14515/monitoring.2015.5.13. EDN: UTUEJZ.

47. *Kazarinova D., Taishева V.* Perceptions of Russia in the Global World // Russia in global affairs. 2019, vol. 17, № 4. P. 20-52. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-4-20-52. EDN: VSHPHQ.

Сведения об авторе

Шаповалова Мария Александровна

Студент Института стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова.

DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.3

**DEVELOPING A PROCEDURE FOR SECONDARY DATA
ANALYSIS ON FOREIGN ATTITUDES TOWARD RUSSIA:
A CASE OF JAPAN**

Shapovalova Maria A.

Institute of Asian and African Studies of Moscow State University,
Moscow, Russia

shapochto@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-8154-8809

For citation: Shapovalova M. A. Developing a Procedure for Secondary Data Analysis on Foreign Attitudes Toward Russia: A Case of Japan. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2024, no. 59, p. 56-91. DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.3. EDN: JAPJAJ

The attention of readers is drawn to a presentation of the principles of collecting and analyzing secondary data on the attitude towards Russia of public opinion in foreign countries, based on a generalization of the experience of similar studies. Each principle cited is illustrated by the example of a study of the attitude towards Russia of the Japanese.

It is assumed that the methodology of secondary analysis should provide information that meets the following requirements: a) reliable and valid; b) with as unambiguous and clear interpretation as possible; c) having predictive value. To ensure this, it is necessary to take into account that 1) a meaningful interpretation of the dynamics of public opinion requires taking into account its historical state and, accordingly, a long analyzed period; 2) “attitude towards Russia” or any other country is a complex, heterogeneous and multidimensional latent variable, therefore, for secondary analysis, it is desirable to include as many empirical indicators as possible that have appeared in various mass surveys; 3) at the same time, the “attitude towards Russia” should be considered as a single variable, which is impossible without the reduction of a multitude of indicators, which is ensured, at least, by their homogeneity.

The proposed conditions, applied to representative mass surveys, face the fact that their data usually have rigid restrictions both in the number

of indicators and in the time coverage, which gives rise to the inevitable fragmentation of the data. Therefore, the collected information can, as a rule, be reduced primarily to some generalized “qualitative” assessments of the situation. These can then be formally combined into indices (for example, an index of favorability) for generalization and interpretation. At the level of indices, there are opportunities for partial and conditional filling of gaps in fragmented data.

The application of the described principles and techniques to the public opinion of Japan made it possible to conclude that at the present time, the attitudes towards Russia in the public opinion of Japan are experiencing the deepest crisis in the entire post-Soviet history, and there are all the grounds to call the sentiments of Japanese public opinion clearly anti-Russian. Obtaining this conclusion did not require independent collection of empirical data, all the necessary survey results were already available in the public domain, their volume and quality allowed for an analysis that seems quite reliable and valid.

Keywords: polls, secondary data analysis, public opinion, attitude towards Russia, survey data analysis, international relations, crisis of interstate relations, public opinion in Japan

References

1. Kuznecov D. V. *China in the mirror of public opinion* (in Russian). Blagoveshchensk: BSPU Publ., 2013. 450 c. ISBN: 978-5-8331-0269-5. EDN: RQEMTL
2. Nemirova N. V. Russian-American relations in the public opinion of Russia and the USA (in Russian), *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2021, vol. 14, no. 4, p. 409-431. DOI: 10.21638/spbu06.2021.403. EDN: ODUPBJ.
3. Popov N. P. Public opinion in Russia, in the USA and Ukraine about the special operation (in Russian), *Russia and America in the XXI century*, 2022, no. 2. DOI: 10.18254/S207054760019828-7. EDN: ESENJC.
4. Li Q., Babich N. S. Attitudes towards Russia and the USA in the public opinion of modern China (in Russian), *Sociological Studies*, 2023, no. 4, p. 129-140. DOI: 10.31857/S013216250025452-0. EDN: HFYAOG.
5. Balatsky E.V. Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: The hybrid

- war of civilizations (in Russian), *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2022, vol. 15, no. 6, p. 52-78. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3. EDN: NHHQRV.
6. Foa R. S., Mollat M., Isha H., Romero-Vidal X., Evans D., Klassen A. J. *A world divided: Russia, China and the West*. Cambridge, United Kingdom: Centre for the Future of Democracy, 2022. 35 p. DOI: 10.17863/CAM.90281.
  7. Luzyanin S. G. Russian-Japanese relations and the Chinese factor: Evolution and transformation (2012–2022) (in Russian), *Japanese Studies in Russia*, 2022, no. 4, p. 75-89. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-75-89. EDN: TLRRTZ.
  8. Ferguson S. D. *Researching the public opinion environment: Theories and methods*. London: Sage, 2000. DOI: 10.4135/9781483328577. ISBN: 9780761915317.
  9. Clawson R. A., Oxley Z. M. *Conducting empirical analysis: Public opinion in action*. London: Sage, 2010. 192 p. ISBN: 9781608716739.
  10. Buhmann A. *Measuring country image: Theory, method, and effects*. Wiesbaden: Springer, 2016. 163 p. DOI: 10.1007/978-3-658-15407-3. ISBN: 978-3-658-15406-6.
  11. 外交に関する世論調査 (Public opinion poll on international affairs, 2023) (In Japanese), *Cabinet Office, Government Of Japan*: [site]. 2023. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/index-gai.html> (date of access: 13.09.2024).
  12. Fagan M., Poushter J., Gubbala S. Large Shares See Russia and Putin in Negative Light, While Views of Zelenskyy More Mixed, *Pew Research Center*. 10.07.2013. URL: https://www.pewresearch.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2023/07/PG_2023.07.10_Russia-NATO_Report.pdf (date of access: 13.09.2024).
  13. The 9th Japan-China Public Opinion Poll: Analysis report on the comparative data, 2013, *Genron NPO*: [site]. 12.08.2013. URL: https://www.genron-npo.net/en/opinion_polls/archives/5260.html (date of access: 13.09.2024).
  14. The 10th Japan-China Public Opinion Poll: Analysis report on the comparative data, 2014, *Genron NPO*. 09.09.2014. URL: https://www.genron-npo.net/en/pp/docs/10th_Japan-China_poll.pdf (date of access: 13.09.2024).

15. The 11th Japan-China Public Opinion Poll: Analysis report on the comparative data, 2015, *Genron NPO*. 22.10.2015. URL: https://www.genron-npo.net/pdf/2015forum_en.pdf (date of access: 13.09.2024).
16. The 12th Japan-China joint Opinion Poll: Analysis report on the comparative data, 2016, *Genron NPO*. 09.2016. URL: https://www.genron-npo.net/pdf/2016forum_en.pdf (date of access: 13.09.2024).
17. The 13th joint public opinion poll between Japan and China: Japan-China public Opinion survey, 2017, *Genron NPO*. 12.2017. URL: <https://www.genron-npo.net/en/archives/171216.pdf> (date of access: 13.09.2024).
18. The 14th joint public opinion poll between Japan and China: Japan-China public Opinion survey, 2018, *Genron NPO*. 10.2018. URL: <https://www.genron-npo.net/en/archives/181011.pdf> (date of access: 13.09.2024).
19. The 15th joint public opinion poll: Japan-China public Opinion survey, 2019, *Genron NPO*. 10.2019. URL: <https://www.genron-npo.net/en/archives/191024.pdf> (date of access: 13.09.2024).
20. The 16th joint public opinion poll: Japan-China public Opinion survey, 2020, *Genron NPO*. 11.2020. URL: https://www.genron-npo.net/en/201117_en.pdf (date of access: 13.09.2024).
21. The 17th joint public opinion poll: Japan-China public Opinion survey, 2021, *Genron NPO*. 10.2021. URL: <https://www.genron-npo.net/en/pp/docs/211025.pdf> (date of access: 13.09.2024).
22. 第18回日中共同世論調査(2022年)結果 (Results of the 18th Japan-China Joint Public Opinion Poll, 2022) (In Japanese), *Genron NPO*: [site]. 30.11.2022. URL: <https://www.genron-npo.net/world/archives/13950-2.html> (date of access: 13.09.2024).
23. 第19回日中共同世論調査(2023年)結果 (Results of the 19th Japan-China Joint Public Opinion Survey, 2023) (In Japanese), *Genron NPO*: [site]. 10.10.2023. URL: <https://www.genron-npo.net/world/archives/16585-2.html> (date of access: 13.09.2024).
24. Ipsos World Affairs Global Survey, 2011, *Ipsos*. 11.2011. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/publication/2011-11/5417-ppt.pdf> (date of access: 13.09.2024).

25. Ipsos World Affairs Global Survey, 2021, *Ipsos*. 11.2021. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-11/World-Affairs-Global-Survey-2021-Halifax-Security-Forum.pdf> (date of access: 13.09.2024).
26. Ipsos World Affairs Global Survey, 2022, *Ipsos*. 11.2022. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2022-11/HISF%2022%20-%20Full%20Report.pdf> (date of access: 13.09.2024).
27. Ipsos World Affairs Global Survey, 2023, *Ipsos*. 11.2023. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2023-11/ipsos-hisf-influence-report-2023-final.pdf> (date of access: 13.09.2024).
28. Vartanian T. P. *Secondary data analysis*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 224 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195388817.001.0001. ISBN: 9780195388817.
29. Watkins D. C. *Secondary data in mixed methods research*. London: Sage, 2023. 264 p. ISBN: 9781506389578.
30. Midford P. The influence of public opinion on foreign policy in Asia: The case of Japan, *The Sage handbook of Asian foreign policy*, ed. by Takashi Inoguchi. Thousand Oaks: Sage, 2019, vol. 1, p. 381-404. ISBN: 9781473977990.
31. Streltsov D. V. Factors of the negative image of the USSR in Japan during the Cold War (in Russian), *East Asia: Facts and Analytics*, 2022, no. 2, p. 32-46. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-32-46. EDN: VAFXXA.
32. Goriacheva E. A. Perception of Russians in modern Japan: Overcoming stereotypes (in Russian), *Russia and the Pacific*, 2020, no. 4(110), p. 63-71. DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10048. EDN: AGMMGG.
33. Chugrov S. V., Streltsov D. V. Interdependence of Russo-Japanese Relations and Mutual Images of Japan and Russia, *Japanese Journal of Political Science*, 2017, vol. 18, no. 1, p. 22-40. DOI: 10.1017/S146810991600030X. EDN: YVCSDL.
34. Nelidov V. V. Ukrainian crisis in Japan's domestic political discourse (in Russian), *Japanese Studies in Russia*, 2022, no. 4, p. 108-122. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-108-122. EDN: MOEXBZ.
35. Holsti O. R. Cognitive dynamics and images of the enemy, *Journal of International Affairs*, 1967, vol. 21, no. 1, p. 16-39.
36. Herrmann R. K., Voss J. F., Schooler T. Y. E., Ciarrochi J. Images in

- international relations: An experimental test of cognitive schemata, *International Studies Quarterly*, 1997, vol. 41, no. 3, p. 403-433. DOI: 10.1111/0020-8833.00050.
37. Sabatier P., Hunter S., McLaughlin S. The devil shift: Perceptions and misperceptions of opponents, *Western Political Quarterly*. 1987, vol. 40, no. 3, p. 449-476. DOI: 10.1177/106591298704000306. EDN: JOYMPZ.
38. Kunczik M. *Images of nations and international public relations*. New York: Routledge, 2016. 346 p. ISBN: 978-0-805-81713-3.
39. Thorsten M. *Superhuman Japan: Knowledge, nation and culture in US-Japan relations*. New York: Routledge, 2012. 192 p. ISBN: 9780415414265.
40. Chugrov S. V., Karelova L. B. Japan as a “Normal Country”: Metamorphoses of Political Identity (Review and analysis of public opinion polls) (in Russian), *Sociological Journal*, 2020, vol. 26, no. 1, p. 87-108. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7054. EDN: DJGIYY.
41. Mochizuki M. M. The U.S.-Japan alliance and the rise of China, *Beyond bilateralism: U.S.-Japan relations in the new Asia-Pacific*, ed. by E. S. Krauss, T. J. Pempel. Stanford: Stanford University Press, 2004. 421 p. ISBN: 0-8047-4909-4.
42. Shinoda T. Becoming more realistic in the post-cold war: Japan’s changing media and public opinion on national security, *Japanese Journal of Political Science*, 2007, vol. 8, no. 2, p. 171-190. DOI: 10.1017/s1468109907002617.
43. Midford P. *Rethinking Japanese public opinion and security: From pacifism to realism?* Stanford: Stanford University Press, 2011. 272 p. ISBN: 9780804772167.
44. Bukh A. Identity, foreign policy and the other: ‘Japan’s Russia’, *European Journal of International Relations*, 2009, vol. 15, no. 2, p. 319-345. DOI: 10.1177/1354066109103141.
45. Zhilina L. V. Japanese young people’ perceptions of Russia (in Russian), *Vestnik RUDN International Relations*, 2018, vol. 18, no. 1, p. 49-65. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-49-65. EDN: YVXKJP.
46. Varshaver E. A. Contact Theory (in Russian), *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 2015, no. 5, p. 183-214. DOI: 10.14515/monitoring.2015.5.13. EDN: UTUEJZ.

47. Kazarinova D., Taisheva V. Perceptions of Russia in the Global World, *Russia in global affairs*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 20-52. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-4-20-52. EDN: VSHPHQ.

Information about the author

Maria A. Shapovalova

Student of the Institute of Asian and African Studies of Moscow State
University

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ШКАЛЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Самун Мохаммад Харун

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

haroon.samun@gmail.com

ORCID: 0009-0003-8155-0599

Для цитирования: Самун М. Х. Русскоязычные шкалы религиозности: аналитический обзор // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2024. № 59. С. 92-116. DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.4. EDN: MPENUG

Понятие «религиозность» прочно укоренено в языке и в механизмах социальной идентификации и дифференциации. В международной исследовательской практике задача обобщения и систематизации методик измерения религиозности была впервые решена справочником П. Хилла и Р. Худа. Но для применения шкал религиозности в российской практике необходима их апробация на российской выборке на русском языке. К сожалению, аналогичные справочнику Хилла и Худа обзоры русскоязычных шкал для социологических исследований практически отсутствуют. Представляемая вниманию читателей статья ставит задачу для начала работы по восполнению этого недостатка.

Автор предлагает ряд критериев для отбора шкал: открытость методики, теоретическая обоснованность, компактность, измерение обобщенной религиозности и конфессиональная универсальность. В ходе выполнения обзора было найдено всего четыре соответствующих всем критериям инструмента: шкала «предрасположенность к религиозности», шкала центральности религиозности (CRS), опросник духовных переживаний, шкала религиозной приверженности RCI-10. Их сравнительный анализ показал существование у каждого

из инструментов своих достоинств и недостатков. Шкала предрасположенности к религиозности обладает несомненным преимуществом краткости, легкости в применении и понимании респондентами и прозрачности интерпретации. Но данная методика нуждается в существенной доработке и полноценной апробации. Из оставшихся трех методик наиболее широкое распространение получила русскоязычная версия шкалы центральности религиозности. По-видимому, именно она должна быть рекомендована в качестве социологической методики измерения религиозности «первого выбора». Шкалы религиозной приверженности и духовных переживаний также апробированы по высоким стандартам на российской выборке и обладают достаточными методическими качествами. Однако их применение целесообразно в тех случаях, когда исследование имеет определенную тематическую специфику.

Ключевые слова: социологическое измерение, религиозность, измерение религиозности, шкалы религиозности, обзор методик, русскоязычные инструменты измерения религиозности, сравнение шкал.

Введение

Религия представляет собой один из фундаментальных социальных институтов, становившийся в той или иной степени предметом изучения всех классиков социальной мысли (от Платона до Маркса, Вебера и Дюркгейма), и у всех он играл важную роль в объяснении общественных явлений. На микро-социальном уровне функционирование этого института связано с возникновением специфического комплекса индивидуальных признаков соотносительности личности с религиозными верованиями и практиками, который, в общем и целом, может быть назван «религиозностью». О существовании этого комплекса признаков социологам известно не из результатов исследований, а из собственного социального опыта, в котором присутствует, во-первых, соответствующее понятие и различные связанные с ним лексические единицы, а во-вторых, — реальная

социальная категоризация по степени и направлению религиозности. Таким образом, «религиозность» на повседневном уровне прочно укоренена в языке и в механизмах социальной идентификации и дифференциации. Это нечто понятное и известное всем людям, постоянно ими используемое.

И, тем не менее, религиозность — одна из довольно трудно измеряемых социологических переменных. Об этом говорят как авторы множества обзоров на тему ее измерения [1; 2; 3; 4], так и само количество разработанных для решения этой задачи инструментов, которых в международной исследовательской практике уже к концу 2000-х годов насчитывалось порядка двух сотен [5]. Обсуждение трудностей измерения такого, казалось бы, доступного в повседневном опыте и общепонятного явления доходит до того, чтобы вовсе отказаться от понятия «религиозность» [6]. Однако из эмпирических социологических исследований некоторая обобщенная характеристика соотносительности личности с религией не может быть устранена, так как религия играет важную роль в жизни общества и множества людей, следовательно, является фактором, влияние которого нельзя не замечать. В качественных исследованиях проблема стоит не столь остро, потому что подробная коммуникация с респондентами позволяет раскрыть все те многообразные аспекты религиозности, которые составляют сложность для ее унифицированного представления. Но что делать рядовому социологу, который должен учесть эту переменную в формализованном опросе? Нельзя же ждать, пока теоретики религии и разработчики методик определятся с тем, какой из двухсот имеющихся инструментов измерения является наиболее пригодным. Это решение оказывается на совести самого рядового социолога. Он должен разобраться во множестве доступных инструментов измерения религиозности, хорошо или не очень хорошо апробированных и имеющих разные методические свойства, такие как уровень измерения, размерность, валидность, надежность и т.д.

Для того, чтобы при проведении прикладных социологических исследований можно было легко ориентироваться в доступном множестве методик, требуется регулярная работа по их обобщению и систематизации. В мировом масштабе применительно к измерению религиозности такая задача впервые была решена известным справочником П. Хилла и Р. Худа [7], данные которого периодически актуализируются в новых обзорах [8; 9]. Но для применения шкал в российской практике необходима их апробация на российской выборке на русском языке. К сожалению, практически ориентированные обзоры шкал, посвященные русскоязычным инструментам измерения религиозности, практически отсутствуют (по крайней мере, их поиск общепринятыми средствами по базам данных научных статей и обобщающим разделам профильных монографий, справочных и учебных изданий не дал результата). Представляемая вниманию читателей статья написана с целью некоторого восполнения этого недостатка. Она не претендует на какую-то существенную методическую новизну и самостоятельность выводов, так как имеет скорее справочный характер. Тем не менее краткое, сравнительное и систематическое представление информации о шкалах религиозности, осуществляемое даже в справочных целях, может иметь практическую и научную ценность, так как облегчает исследователям ориентацию в методических инструментах и выбор из них, основанный на достаточно четко описанных критериях.

Основания отбора и классификации шкал

Работа по обзору результатов чужих исследований заключается в том, чтобы обоснованно отобрать релевантные результаты и представить их в таком систематическом виде, который раскроет нечто новое в совокупности результатов, не следующее напрямую из каждой обозреваемой работы в отдельности.

Релевантность исследований, посвященных шкалам религиозности, в нашей задаче может быть определена на основе следующих критериев.

1. Шкала открыто опубликована на русском языке. Существующие (вероятно) авторские проприетарные методики измерения религиозности не входят в сферу наших интересов, как и те, у которых нет русскоязычной версии.

2. Шкала является теоретически обоснованной в результате явно представленной в публикациях концептуализации. Во многих даже крупных социологических опросах религиозность измеряется с помощью шкал так называемой «прямой операционализации», то есть вопросов на самооценку религиозности. Хотя эти вопросы и являются ценным инструментом исследования, заслуживающим отдельного анализа, их трудно сравнивать с концептуально проработанными шкалами религиозности.

3. Шкала достаточно компактна для использования ее в социологических опросах. Методика психологического анализа уровня индивидуальной религиозности Ю. В. Щербатых, М. С. Кравцовой и И. Ф. Мягкова включает в себя 40 вопросов [10], а «Опросник религиозной активности» [11] Д. О. Смирнова — более 60. К сожалению, в подавляющем большинстве количественных социологических исследований такой развернутый инструментарий оказывается неприменим.

4. Шкала измеряет именно религиозность как обобщенную характеристику индивидуального отношения к религии. При этом не играет роли, устанавливается ли отношение к конкретной религии или религии в целом, но существенным является именно обобщенность получаемого показателя. Шкалы, посвященные отдельным аспектам религиозности, пусть даже и наиболее важным (например, шкалы веры в Бога) оказываются за пределами критериев нашего обзора.

5. Конфессиональная универсальность. Существует целый ряд показателей, специфичных для отдельных конфессий,

таких, например, как воцерковленность для православных верующих [12]. Но нас интересуют только такие показатели, которые могут быть относительно свободно применены ко всему российскому обществу.

Очевидно, что последние три критерия отбора оставляют некоторое пространство для субъективизма. В конечном итоге составитель обзора решает, достаточно ли компактна шкала для ее использования в социологических опросах, измеряет ли она обобщенную религиозность и является ли конфессионально универсальной. Поэтому мы должны заранее указать на то, что некоторые инструменты измерения могли не попасть в наш обзор и он не является всеобъемлющим обобщением русскоязычных шкал религиозности, а представляет читателям только некоторую авторскую выборку из них.

Работа по составлению списка доступных для использования русскоязычных шкал позволила нам также сформулировать ряд критериев для их упорядочения и оценки.

Первый, наиболее очевидный критерий — многомерный или одномерный характер шкалы. Учет этого критерия играет существенную роль, например, в фундаментальных эмпирических социологических исследованиях, где важна теоретическая база составления инструментария. Очевидно, что, например, для сторонника дюркгеймианской традиции в интерпретации религии мало подходит распространенное измерение религиозности как обобщения практики, веры и моральных установок. Релевантная дюркгеймианству шкала должна учитывать наличие социального (или даже гражданско-государственного) измерения религиозности.

Второй, не менее очевидный критерий — количество вопросов и пунктов ответов в шкале. При прочих равных условиях более привлекательными для социологических опросов являются компактные инструменты. Но в некоторых случаях, когда исследование должно подробно затрагивать религиозность или

оно посвящено целиком этой теме, более детализированные шкалы оказываются ценнее.

Третий критерий — апробация шкалы. Существует целый ряд инструментов измерения, которые были применены только в рамках того исследования, в составе результатов которого они были опубликованы, а некоторые шкалы и вовсе были лишь предложены или переведены на русский язык, но не применялись на практике. Они, конечно, проигрывают основательно апробированным инструментам, но не теряют целиком своей ценности.

Наконец, четвертый критерий — это эмпирически установленные методические свойства шкалы, такие как надежность и валидность. К сожалению, в социологической литературе, даже методической, отсутствует традиция детального изучения таких свойств, существующая, например, в психодиагностике. Поэтому показатели надежности и валидности оказываются доступны далеко не для всех опубликованных шкал.

Сформулировав критерии отбора шкал и их сравнения, мы можем приступить к краткому обзору существующих русскоязычных инструментов измерения религиозности. Они расположены в хронологическом порядке их публикации.

Обзор шкал

Проведенный по библиографическим базам данных поиск охватывал период 1992–2024 гг. Его результаты показательны уже тем, что автору удалось найти всего четыре методики измерения религиозности, соответствовавшие всем пяти критериям. Приведем их краткие описания.

Шкала «предрасположенность к религиозности» [13; 14]

Шкала «Предрасположенность к религиозности» фокусируется не столько на религиозных убеждениях как таковых, сколько на когнитивной готовности человека интерпретировать

реальность через призму религиозных символов и идей. Это расширяет ее применимость для анализа религиозных настроений в обществах с высоким уровнем секуляризации, где формальная принадлежность к религии может не отражать реального уровня вовлеченности в религиозные практики.

Авторы подчеркивают, что концепт шкалы основывается на понимании религии как антропоморфного восприятия реальности, что особенно важно в культурологическом и когнитивном аспектах исследования религиозности. Предложенный континуум — от регулярной религиозной интерпретации до полного ее отсутствия — позволяет исследователям учитывать как индивидуальные, так и коллективные изменения в уровне религиозности в зависимости от социальных или экзистенциальных факторов.

Описание. Шесть уровней шкалы описывают частоту обращения к высшим силам в контексте жизненных событий, что делает ее интуитивно понятной для респондентов. Это ключевое преимущество, поскольку понятные формулировки минимизируют когнитивную нагрузку и способствуют более точным ответам.

Практические соображения. Практическая ценность шкалы заключается в ее универсальности: она подходит как для социологических исследований, так и для прикладных задач в сфере государственной политики, например, при изучении религиозных установок населения в контексте интеграции мигрантов или социального планирования. Однако существует риск того, что шкала может быть недостаточно чувствительной в случае респондентов с крайне низким или высоким уровнем религиозности. В таких случаях полезно дополнять ее вопросами, касающимися ценностных ориентаций и моральных принципов, связанных с религией, чтобы получить более полную картину.

Шкала имеет существенное ограничение: ее одномерная структура не охватывает многогранности религиозного опыта,

который может включать эмоциональные, ритуальные, идеологические и т.п. аспекты.

Надежность. Надежность шкалы не измерялась, и, хотя уровень кумулятивности (79,7% по Гуттману) является приемлемым показателем для одномерного инструмента с предполагаемой иерархической структурой, в целом распределение ответов по шкале оказалось достаточно «прерывистым», то есть респонденты чаще выбирали крайние позиции или пропускали средние пункты, что может свидетельствовать о низкой надежности.

Валидность. Корреляция шкалы с 10-балльной самооценкой религиозности (-0,5) демонстрирует умеренную конвергентную валидность, но также указывает на некоторые отличия в концептуальных основах двух методов измерения. Возможно, что шкала предрасположенности к религиозности ориентирована на когнитивный аспект, в то время как 10-балльная шкала оценивает субъективную самоидентификацию. Это различие делает их скорее комплементарными, чем взаимозаменяемыми.

Шкала «Предрасположенность к религиозности», предложенная в статье, представляет собой шестибалльный инструмент, который измеряет частоту обращения респондентов к «вышшим силам» в различных жизненных ситуациях.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, как часто вы обращаетесь в мыслях или действиях к высшим силам?

Варианты ответов:

- 1) сейчас вся моя жизнь связана с такими обращениями;
- 2) постоянно обращаюсь в своей повседневной жизни;
- 3) обращаюсь в основном по праздникам или другим календарным датам;
- 4) обращаюсь, если происходит что-то достаточно важное, например, болезнь или большая радость;
- 5) обращаюсь в исключительных случаях, например, при смерти или рождении близких;

б) практически никогда не обращаюсь.

Предполагается, что эти варианты образуют порядковую шестибалльную шкалу.

Шкала центральности религиозности (CRS) [15]

Шкала центральности религиозности (CRS) измеряет степень, в которой религиозные конструкты являются центральными в жизни человека. Она охватывает пять основных аспектов: публичную практику (участие в религиозных мероприятиях), личную практику (молитвы, медитации), религиозный опыт (субъективное переживание присутствия высшей силы), идеологическое измерение (вера в существование трансцендентного) и интеллектуальное измерение (размышления на религиозные темы).

Эти аспекты дают комплексное представление о религиозности, подходящее для анализа ее влияния на повседневную жизнь, психологическое состояние и социальные взаимодействия. Шкала адаптируется для разных культур и конфессий. Например, для мусульманских респондентов учитывается различие между обязательными (Салат) и личными (Дуа) молитвами, а в вопросах используется нейтральное выражение «божественная сила» вместо «Бог», что делает CRS универсальной.

Описание. Шкала CRS была разработана Штефаном Хубером на основе теории Чарльза Глока, выделяющей пять измерений религиозности. Она впервые применялась в исследовании «Монитор религии» с выборкой более чем в 100 000 человек из 21 страны. Целью было создание универсального инструмента для изучения религиозности в разных культурных и религиозных контекстах.

CRS представлена в трех версиях: CRS-15, CRS-10 и CRS-5. Первая версия содержит по три вопроса для каждого измерения, обеспечивая детальный анализ религиозной жизни. CRS-10 представляет собой сокращенный вариант с двумя вопросами на

измерение, а в CRS-5Ю предназначенной для экономии времени, задается по одному вопросу для каждого аспекта. Краткая версия шкалы, пригодная для использования в массовых опросах, была переведена на русский язык М. Акертом, Е. Пруцковой и И. Забаевым [16].

Эта шкала уникальна своей межрелигиозной применимостью. Для буддистов и индуистов вопросы адаптируются так, чтобы отразить их типы духовности, включая упоминания о «божествах» или соучастии с универсальным принципом. Для мусульман добавляются вопросы, уточняющие частоту обязательных молитв и индивидуальных духовных практик.

CRS также учитывает различия в формах духовности. Например, диалогическая духовность (обращение к высшей силе через молитву) и соучаствующая духовность (медитация и переживание единства с миром) анализируются как равнозначные элементы религиозной практики.

Практические соображения. CRS используется в социологии, психологии религии и религиоведении для анализа религиозности и ее влияния на личность. Она полезна для исследования межкультурных и межрелигиозных различий, социальных установок, политических предпочтений и даже здоровья.

CRS удобна в использовании и универсальна. Она подходит для массовых опросов, анализа индивидуальной религиозности и сравнения групп с разным уровнем вовлеченности в религиозную жизнь. Ее гибкость делает шкалу эффективным инструментом для изучения религии в секулярных обществах, где традиционные показатели (например, посещение церкви) могут быть нерелевантны.

Однако авторы рекомендуют учитывать культурные и социальные различия при интерпретации данных. Например, низкий уровень публичной практики не всегда свидетельствует о слабой религиозности, особенно в культурах, где индивидуальная практика преобладает над коллективной.

Надежность. Надежность CRS была подтверждена в многочисленных исследованиях. Для CRS-5 в русскоязычной версии коэффициент альфа Кронбаха варьируется от 0,5 до 0,85 (наиболее высока надежность оказывается для населения в целом, а не для отдельных выраженных конфессий) [17, р. 15].

Исследования также показывают, что шкала хорошо различает религиозность в выборках с разным уровнем вовлеченности. Например, в исследовании «Монитор религии» CRS продемонстрировала высокую степень согласованности в 21 стране, включая мультикультурные и религиозно неоднородные регионы.

Для обеспечения надежности авторы рекомендуют задавать вопросы в порядке, обеспечивающем логический переход между темами. Это минимизирует когнитивную нагрузку на респондентов и повышает точность их ответов.

Валидность. CRS имеет высокую конструктивную валидность, что подтверждается ее корреляцией с другими инструментами измерения религиозности. Например, корреляция с самооценкой религиозной идентичности в европейских выборках достигает 0,83, а с оценкой значимости религии в повседневной жизни — 0,78. Для русскоязычной версии шкалы было показано соответствие структуры получаемых данных предполагаемой статистической модели [16], а также высокая (коэффициенты корреляции по отдельным пунктам до 0,9) конвергентная валидность с кратким опросником религиозного совладания B-RCOPE [18].

Краткая версия CRS имеет следующие пункты, оцениваемые по частоте или силе.

Интеллектуальное 01: Как часто вы задумываетесь на религиозные темы?

Идеологическое 02: Насколько сильно вы верите в существование Бога или некоей божественной силы?

Публичная практика 03: Как часто вы принимаете участие в религиозных службах?

Личная практика 04: Как часто вы молитесь? 04b: Как часто вы медитируете?

Опыт 05: Как часто вы переживаете ситуации, когда у вас появляется чувство, что Бог или некая божественная сила вмешивается в вашу жизнь?

Итоговые результаты интерпретируются согласно правилам, опубликованным в соответствующих статьях.

Опросник духовных переживаний [19]

Описание. Опросник духовных переживаний (ОДП) создан на основе методики Д. Дэвиса и коллег. Цель методики — измерение различных аспектов духовных переживаний, включая связь с Богом, трансцендентностью, человечеством, природой и самостью. Хотя авторы подчеркивают актуальность исследования духовности как многогранного феномена, выходящего за рамки традиционных религиозных представлений, мы рассматриваем эту методику в нашем обзоре именно как измеряющую религиозность на наиболее общем уровне, включающем в себя не только классические религиозные традиции, но и различные культы и практики единения с природой и духовного роста, характерные для современной нетрадиционной религиозности.

Для валидации шкал ОДП был проведен опрос 412 человек в возрасте от 17 до 69 лет. Статистические результаты подтвердили теоретическую структуру методики, выявив высокую надежность (коэффициенты α -Кронбаха от 0,73 до 0,95). Установлены значимые корреляции шкал с релевантными психологическими показателями, что подтверждает конвергентную и конструктивную валидность инструмента.

Методика. Опросник духовных переживаний (ОДП) был разработан для измерения различных форм духовных переживаний, связанных с ключевыми объектами, такими как Бог, трансцендентность, человечество, природа и самость. В основе

методики лежит теоретическая модель, которая разделяет духовность на религиозную, гуманистическую, натуралистическую и трансцендентную, дополняя ее аспектами, связанными с переживанием внутренней целостности (самостью).

Шкала. ОДП состоит из 18 утверждений, распределенных по пяти шкалам, каждая из которых измеряет отдельный аспект духовных переживаний. Шкала «Бог» измеряет религиозную духовность, включая переживания близости и присутствия высшей силы, например, «Я чувствовал, что Бог рядом». Шкала «Трансцендентность» фокусируется на опыте единства с чем-то сверхъестественным или невыразимым словами, как в утверждении «Я ощущал присутствие чего-то из другого мира».

Шкала «Человечество» измеряет гуманистическую духовность, отражая чувство единства с другими людьми и человечеством, как в утверждении «Я чувствовал свою связь со всем человечеством». Шкала «Природа» ориентирована на натуралистическую духовность, описывая переживания гармонии и близости с природой, например, «Я чувствовал единство с природой». Наконец, шкала «Самость» исследует внутреннюю целостность и согласие с самим собой, например, «Я чувствовал себя полностью верным себе».

Этот многомерный подход позволяет опроснику ОДП учитывать разнообразие форм духовности, делая его универсальным инструментом для анализа духовного опыта в различных социальных и культурных контекстах. Вопросник представлен в табл. 1.

Опросник духовных переживаний

Пожалуйста, укажите степень Вашего согласия с приведенными утверждениями. Варианты ответа: 1 — совершенно не согласен; 2 — не согласен; 3 — ни да, ни нет; 4 — согласен; 5 — полностью согласен.

Таблица 1

ОПРОСНИК ДУХОВНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ

	1	2	3	4	5
1. У меня было ощущение чего-то бесконечного					
2. Я чувствовал, что Бог рядом					
3. Я чувствовал себя полностью верным себе					
4. Я чувствовал единство с природой					
5. Я чувствовал свою связь со всем человечеством					
6. Я чувствовал свою связь с невыразимой силой бытия					
7. Я чувствовал свою близость к Богу					
8. У меня было ощущение единства моего внутреннего мира					
9. Я ощущал свою связь с природой					
10. Я ощущал свою близость ко всему человечеству					
11. Я чувствовал единство с чем-то, что не могу описать словами					
12. Я знал, что Бог со мной					
13. Я чувствовал себя соответствующим своей сущности					
14. Я ощущал свою близость к природе					
15. Я ощущал единство со всем человечеством					
16. Я чувствовал присутствие чего-то из другого мира или измерения					
17. Я чувствовал присутствие Бога					
18. У меня было чувство своей целостности					

Значением по шкале считается сумма баллов.

Шкала религиозной приверженности RCI-10 [20]

Шкала религиозной приверженности RCI-10 (Religious Commitment Inventory-10) оценивает степень интеграции религиозных убеждений, ценностей и практик в повседневную жизнь человека. Разделение на интраперсональную и интерперсональную религиозную приверженность позволяет учесть как личные аспекты, такие как чтение религиозной литературы и религиозные размышления, так и социальные, включая взаимодействие с религиозной общиной и участие в ее деятельности.

Русскоязычная версия адаптирована с учетом культурных особенностей и сохранением психометрических характеристик оригинала. Важным отличием RCI-10 является ее универсальность: шкала не привязана к конкретной религиозной традиции, что делает ее применимой для широкого спектра респондентов, включая представителей различных конфессий и нерелигиозных людей, если религиозные убеждения остаются значимой частью их жизни.

Описание. RCI-10 была создана для оценки религиозной приверженности в контексте психологического консультирования и исследований. Русскоязычная адаптация сохраняет двухфакторную структуру оригинала, что подтверждается статистическим анализом. Инструмент состоит из 10 утверждений, на которые респонденты отвечают по пятибалльной шкале, оценивая, насколько каждое из них соответствует их религиозным практикам и убеждениям.

Исследование, проведенное на двух выборках (популяционной и клинической), продемонстрировало, что шкала позволяет выявить как общие тенденции религиозной приверженности, так и ее индивидуальные особенности. Участники исследования, независимо от их психического состояния, находили вопросы шкалы понятными и релевантными, что свидетельствует об ее культурной адаптированности.

Надежность. Русскоязычная версия шкалы демонстрирует высокую степень внутренней согласованности, что подтверждается показателями α -Кронбаха. Для общей выборки коэффициенты α составили 0,954 для общей шкалы, 0,940 — для интраперсональной субшкалы и 0,869 — для интерперсональной. В клинической выборке эти значения составили 0,811, 0,766 и 0,647 соответственно, что также свидетельствует о приемлемой надежности инструмента.

Эти результаты показывают, что шкала обладает стабильностью в измерении религиозной приверженности и может быть использована для сравнительного анализа между различными группами. Надежность шкалы в популяционной выборке выше, чем в клинической, что связано с гетерогенностью симптоматики у пациентов, однако это не влияет на ее диагностическую ценность.

Валидность. Конвергентная валидность шкалы была подтверждена через корреляцию ее показателей с другими методиками, измеряющими религиозность и связанные психологические характеристики. Показатели RCI-10 демонстрируют высокие положительные корреляции с субшкалами Шкалы центральности религиозности (CRS), Кратким опросником религиозного совладения (B-RCOPE) и Шкалой духовного смысла (SMS).

Шкала RCI-10 (Religious Commitment Inventory-10) состоит из 10 утверждений, на которые респондент отвечает по пятибалльной шкале (от 1 — «совсем не подходит» до 5 — «полностью подходит»).

- 1) Я часто читаю книги и журналы о своей вере.
- 2) Я жертвую деньги своей религиозной организации.
- 3) Я уделяю время тому, чтобы расти в понимании своей веры.
- 4) Религия особенно важна для меня, потому что она отвечает на многие вопросы о смысле жизни.
- 5) Мои религиозные убеждения лежат в основе всего моего подхода к жизни.

- 6) Мне нравится проводить время с людьми той же религиозной принадлежности (вероисповедания), что и я.
- 7) Религиозные убеждения влияют на все мои поступки в жизни.
- 8) Для меня важно проводить время в религиозных размышлениях.
- 9) Мне нравится заниматься деятельностью, связанной с моей верой (вероисповеданием).
- 10) Я всегда в курсе того, что происходит в моей религиозной общине, и имею определенное влияние на принятие решений в ней.

Пункты 1, 3, 4, 5, 7, 8 относятся к субшкале «интраперсональная религиозная приверженность», пункты 2, 6, 9, 10 — к субшкале «интерперсональная религиозная приверженность».

Общий показатель религиозной приверженности вычисляется как сумма баллов по всем пунктам.

Сравнительный анализ методик и выводы

Проведенная обзорная работа показала существование сравнительно небольшого арсенала концептуально обоснованных и апробированных русскоязычных шкал, пригодных для социологического измерения религиозности в массовых опросах, причем у каждого из имеющихся инструментов есть свои достоинства и недостатки, на которых мы кратко остановимся.

Шкала предрасположенности к религиозности обладает несомненным преимуществом краткости, легкости в применении и понимании респондентами и в прозрачности интерпретации. Однако помимо публикаций 2016–2018 гг., в которых применение этой шкалы было показано на единственной выборке, других примеров ее апробации, по-видимому, нет. В имеющихся публикациях методические свойства шкалы освещены фрагментарно (не установлена надежность) и с элементами, заставляю-

щими усомниться в них. Представляется, что данная методика нуждается в существенной доработке и полноценной апробации и пока вообще не может быть рекомендована к широкому использованию.

Из оставшихся трех методик наибольшее распространение получила русскоязычная версия шкалы центральности религиозности. В краткой версии она достаточно компактна, имеет хорошие показатели надежности и валидности, а, кроме того, ее структура позволяет изучение основных компонент религиозности (по крайней мере, если верить в компонентную модель Глока и Старка). По-видимому, именно эта шкала должна быть рекомендована в качестве методики измерения религиозности «первого выбора», для чего автор настоятельно рекомендует обращаться к первоисточникам, а не ограничиваться настоящим обзором, так как применение шкалы сопряжено с целым рядом тщательно продуманных авторами нюансов.

Шкалы религиозной приверженности и духовных переживаний также апробированы по высоким стандартам на российской выборке и обладают достаточными методическими качествами. Но их применение целесообразно в тех случаях, когда исследование имеет определенную тематическую специфику. Наибольшую пользу шкала религиозной приверженности может принести в опросах, связанных с религией как социально-интегрирующей силой, в то время как опросник духовных переживаний, вероятно, может оказаться эффективным в исследованиях общей религиозной атмосферы, включающей нетрадиционные верования и различные околорелигиозные духовные практики.

Итак, можно сделать вывод о том, что русскоязычный инструмент измерения религиозности находится в процессе достаточно быстрого, но все еще находящегося на ранних стадиях становления. И интересы развития социологических исследований требуют активизации усилий по разработке новых и развитию имеющихся шкал измерения религиозности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев С. Д. Религиозность: в поисках «рубикона» // Социологический журнал. 2005, № 3. С. 153-168. EDN: PCNLXZ.
2. Пруцкова Е. В. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012, № 2(30). С. 268-293. EDN: P1HQHV.
3. Бабич Н. С., Хоменко В. И. Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности // Социологический журнал. 2013, № 2. С. 89-96. EDN: Q1XFSJ.
4. Грудина Т. Н. Религиозность и ее интерпретация: многообразие методов социологического измерения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28, № 3. С. 186-210. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-3-266-299. EDN: YRYRBT.
5. Cutting M., Walsh M. Religiosity Scales: What Are We Measuring in Whom? // Archive for the Psychology of Religion. 2008. Vol. 30. № 1. P. 137-154. DOI: 10.1163/157361208X3170.
6. Смирнов М. Ю. Возможно ли отказаться от концепта религиозности при исследовании религии? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, № 2. С. 145-153. EDN: VQFWLT.
7. Hill P. C., Hood R. W. Measures of Religiosity. Birmingham: Religious Education Press, 1999. 531 p. ISBN: 9780891351061.
8. Koenig H. G., Al Zaben F., Khalifa D. A., Al Shohaib S. Measures of religiosity // Measures of personality and social psychological constructs / Eds. by G. J. Boyle, D. H. Saklofske, G. Matthews. Elsevier Academic Press, 2015. P. 530-561. ISBN: 9780123869159. DOI: 10.1016/B978-0-12-386915-9.00019-X.
9. Measures of Spirituality/Religiosity / Ed. by A. Büssing. MDPI-Multidisciplinary Digital Publishing Institute, 2019. 148 p. ISBN: 978-3-03897-759-9.
10. Щербатых Ю. В., Кравцова М. С., Мягков И. Ф. Психологический анализ уровня индивидуальной религиозности // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 6. С. 120-122.
11. Смирнов Д. О. Описание процедуры стандартизации психометрической методики – «Опросник религиозной активности» // Пасхи. Научный психологический журнал. 1999, № 1-2. С. 159-172.
12. Алексеева М. С. Воцерковленность как показатель религиозности // Социологические исследования. 2009, № 9(305). С. 97-102. EDN: LKXMTJ.
13. Бабич Н. С., Хоменко В. И. Шкала “предрасположенность к религиозности”: концептуальные основы // Социологические исследования. 2016, № 6. С. 65-71. EDN: WBBICP.
14. Бабич Н. С., Хоменко В. И. Шкала “предрасположенность к религиозности”: эмпирическая апробация и повышение уровня формализации

модели // Социологические исследования. 2018, № 1. С. 94-104. DOI: 10.7868/S0132162518010105. EDN: YMAEVK.

15. Хубер Ш., Хубер О. В. Шкала центральности религиозности (CRS) / Пер. с англ. Е. В. Прудковой, К. В. Маркина // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2018, № 47. С. 144-171. EDN: XJCJNH.

16. Ackert M., Prutskova E., Zabaev I. Validation of the short forms of centrality of religiosity scale in Russia // Religions. 2020. Vol. 11, № 11(577). P. 577. DOI: 10.3390/rel11110577. EDN: FNBPPY.

17. Prutskova E. Social vs. individual centrality of religiosity: research in religious and non-religious settings in Russia // Religions. 2020. Vol. 12, № 1. P. 1-18. DOI: 10.3390/rel12010015. EDN: UUGDBF.

18. Шаньков Ф. М., Золотарева А. А., Гедевани Е. В., Борисова О. А., Витко Ю. С., Лебедева А. А. Краткий опросник религиозного совладания В-RCOPE: русскоязычная адаптация на клинической и популяционной выборках // Вопросы психологии. 2022. Т. 68, № 5. С. 143-154. EDN: RQUYSH.

19. Сычев О. А., Беспалов А. М., Аношкин И. В., Власов М. С. Русскоязычная версия опросника духовных переживаний // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18, № 2. С. 98-107. DOI: 10.17759/chp.2022180211. EDN: ZOZXCG.

20. Двойнин А. М., Золотарева А. А., Шаньков Ф. М., Гедевани Е. В., Борисова О. А. Шкала религиозной приверженности RCI-10: адаптация русскоязычной версии // Вопросы психологии. 2023. Т. 69, № 4. С. 120-133. EDN: LELNAX.

Сведения об авторе

Самун Мохаммад Харун

аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН).

DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.4

RUSSIAN-LANGUAGE SCALES OF RELIGIOSITY: ANALYTICAL REVIEW

Samun Mohammad Haroon

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

haroon.samun@gmail.com

ORCID: 0009-0003-8155-0599

For citation: Samun M. H. Russian-language scales of religiosity: analytical review. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2024, no. 59, p. 92-116. DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.4

Abstract. The concept of “religiosity” is deeply embedded in language and plays a crucial role in mechanisms of social identification and differentiation. In international research, the task of summarizing and systematizing methods for measuring religiosity was pioneered by P. Hill and R. Hood in their handbook. However, to implement these religiosity scales effectively in Russian contexts, validation on a Russian-speaking sample is essential. Regrettably, there is a lack of comprehensive reviews of Russian-language scales for sociological research comparable to Hill and Hood’s work. This article seeks to address this gap.

The author proposes several criteria for scale selection: methodological transparency, theoretical soundness, compactness, the assessment of generalized religiosity, and universal applicability across confessions. The review identified only four tools that meet all these criteria: the “Religiosity Predisposition” Scale, the Centrality of Religiosity Scale (CRS), the Spiritual Experience Questionnaire, and the Religious Commitment Inventory (RCI-10). Comparative analysis shows that each instrument has distinct strengths and weaknesses. The Religiosity Predisposition Scale is notably advantageous due to its brevity, ease of use, respondent comprehension, and clear interpretation. However, this tool requires significant refinement and thorough validation.

Among the remaining three tools, the Russian version of the Centrality of Religiosity Scale has gained the most traction. Thus, it is recommended as the primary sociological tool for measuring religiosity. The Religious

Commitment and Spiritual Experience scales have also been rigorously tested on Russian samples and demonstrate strong methodological properties. Nonetheless, their application is best suited to studies with specific thematic focuses.

Keywords: sociological measurement, religiosity, measurement of religiosity, religiosity scales, methodological review, Russian-language measurement tools, comparison of scales.

References

1. Lebedev S.D. Religiousness: In Search of the Rubikon (in Russian), *Sociological Journal*, 2005, no 3, p. 153-168. EDN: PCNLXZ.
2. Pruckova E.V. Operacionalizaciya ponyatiya “religioznost” v empiricheskikh issledovaniyakh [Operationalization of the concept of “religiosity” in empirical research] (in Russian), *Gosudarstvo, religiya, cerkov’ v Rossii i za rubezhom (State, religion, churches in Russia and abroad)*, 2012, no 2(30), p. 268-293. EDN: PIQHVV.
3. Babich N.S., Khomenko V.I. Logical and practical difficulties of multidimensional scaling of religiosity (in Russian), *Sociological Journal*, 2013, no 2, p. 89-96. EDN: QIXFSJ.
4. Grudina T.N. Religiousness and its interpretation: variety of sociological measurement methods (in Russian), *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2022, vol. 28, no 3, p. 186-210. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-3-266-299. EDN: YRYRBT.
5. Cutting M., Walsh M. Religiosity Scales: What Are We Measuring in Whom? *Archive for the Psychology of Religion*, 2008, vol. 30, no 1, p. 137-154. DOI: 10.1163/157361208X3170.
6. Smirnov M.YU. Is it possible to abandon the concept of religiosity in the study of religion? (in Russian), *Review of Russian Christian Academy for the Humanities*, 2015, vol. 16, no 2, p. 145-153. EDN: VQFWLT.
7. Hill P.C., Hood R.W. *Measures of Religiosity*. Birmingham: Religious Education Press, 1999. 531 p. ISBN: 9780891351061.
8. Koenig H.G., Al Zaben F., Khalifa D.A., Al Shohaib S. “Measures of religiosity”, in: *Measures of personality and social psychological constructs* / Eds. by G. J. Boyle, D. H. Saklofske, G. Matthews. Elsevier Academic Press, 2015, p. 530-561. ISBN: 9780123869159. DOI: 10.1016/B978-0-12-386915-9.00019-X.

9. *Measures of Spirituality/Religiosity* / Ed. by A. Büssing. MDPI-Multidisciplinary Digital Publishing Institute, 2019. 148 p. ISBN: 978-3-03897-759-9.
10. Shherbatyh Ju.V., Kravcova M.S., Mjagkov I.F. Psihologicheskij analiz urovnja individual'noj religioznosti [Psychological analysis of the level of individual religiosity] (in Russian), *Psihologicheskij zhurnal (Psychological Journal)*, 1996, vol. 17, no 6, p. 120-122.
11. Smirnov D.O. Opisaniye protsedury standartizatsii psikhometricheskoy metodiki – «Oprosnik religioznoy aktivnosti» (The description of the standardization procedures of psychometric techniques – «Questionnaire religious activity») (in Russian), *Paskhi. Nauchnyy psikhologicheskij zhurnal (Paschi. Scientific Psychological Journal)*, 1999, no 1-2, p. 159-172.
12. Alexeeva M.S. Church belonging as an index for religiosity (in Russian), *Sotsiologicheskie Issledovaniia (Sociological research)*, 2009, no 9(305), p. 97-102. EDN: LKXMTJ.
13. Babich N.S., Khomenko V.I. Conceptual bases for building one-dimensional religiosity scale (in Russian), *Sotsiologicheskie Issledovaniia (Sociological research)*, 2016, no 6, p. 65-71. EDN: WBBICP.
14. Babich N.S., Khomenko V.I. Scale “predisposition to religiosity”: empirical validation and developing a more formalized measurement model (in Russian), *Sotsiologicheskie Issledovaniia (Sociological research)*, 2018, no 1, p. 94-104. DOI: 10.7868/S0132162518010105. EDN: YMAEVK.
15. Huber S., Huber O.W. The centrality of religiosity scale (CRS) (transl., in Russian), *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2018, no 47, p. 144-171. EDN: XJCJNH.
16. Ackert M., Prutskova E., Zabaev I. Validation of the short forms of centrality of religiosity scale in Russia, *Religions*, 2020, vol. 11, no 11(577), p. 577. DOI: 10.3390/rel11110577. EDN: FNBYPY.
17. Prutskova E. Social vs. individual centrality of religiosity: research in religious and non-religious settings in Russia, *Religions*, 2020, vol. 12, no 1, p. 1-18. DOI: 10.3390/rel12010015. EDN: UUGDBF.
18. Shankov F.M., Zolotareva A.A., Gedeveni E.V., Borisova O.A., Vitko Y.S., Lebedeva A.A. Adaptation of the brief religious coping scale on clinical and population samples in Russia (in Russian),

- Voprosy Psichologii (Psychology issues)*, 2022, vol. 68, no 5, p. 143-154. EDN: RQUYSH.
19. Sychev O.A., Bespalov A.M., Anoshkin I.V., Vlasov M.S. Russian version of the sources of spirituality scale (in Russian), *Cultural-Historical Psychology*, 2022, vol. 18, no 2, p. 98-107. DOI: 10.17759/chp.2022180211. EDN: ZOZXCG.
  20. Dvoinin A.M., Zolotareva A.A., Shankov F.M., Gedevani E.V., Borisova O.A. Religious commitment inventory (RCI-10): adaptation of the Russian-language version (in Russian), *Voprosy Psichologii (Psychology issues)*, 2023, vol. 69, no 4., p. 120-133. EDN: LELNAX.

Information about the author

Mohammad Haroon Samun

Graduate Student of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia

---

ПЕРЕВОДЫ

DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.5

EDN: PLYZIO

СОЦИАЛЬНОЕ КАК КАТЕГОРИЯ¹

Дьюи Джон
(Нью-Йорк, США)

Для цитирования: Дьюи Дж. Социальное как категория / Пер. с англ. Н. В. Иващенко // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 2024. № 59. С. 117-139. DOI: DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.5. EDN: PLYZIO

Вниманию читателей представляется перевод статьи Dewey J. Social as a category, *The Monist*, 1928, vol. 38, no. 2. P. 161-177.

Ключевые слова: социальное, научные категории, социальная онтология, философия социальных наук, монизм

Джон Дьюи (1859–1952) - американский философ и педагог, представитель философского направления прагматизма, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Переводчик: **Наталья Викторовна Иващенко** – соискатель ученой степени кандидата наук по социологии, независимый исследователь, Россия, Москва. E-mail: ivashenkova.natalia@yandex.ru.

¹ Перевод выполнен по изданию: Dewey J. Social as a category, *The Monist*, 1928, vol. 38, no. 2. P. 161-177.

В настоящее время значительное число людей по привычке используют «социальное» как принцип философского размышления и придают ему силу, равную той, что приписывается физическому, витальному и ментальному, или даже превосходящую ее. Есть и другие, вероятно, даже большее количество, кто отказывается воспринимать «социальное» всерьез как категорию философского описания и интерпретации и считает любые попытки рассматривать его таковым как смешение антропологии и социологии с метафизикой. Максимум, что они готовы признать, — это то, что материал культуры может пролить свет на генезис и историю человеческих верований о соответствующих материях. Однако утверждается, что это лишь случай известной ошибки генетического объяснения, путаницы истории веры с природой того, во что верят. Тогда такому объяснению не следует отводить места нигде, кроме как в истории человеческой культуры. Подобная ситуация привлекает внимание, и я хочу изложить, насколько это позволяет время, интенцию тех, кто придает подлинный философский смысл идее социального.

Начать удобно с того, чтобы заметить, что ассоциированное или совместное поведение — это универсальная характеристика всего сущего. Знание выражается в терминах взаимосвязанных объектов, и если не предполагать, что отношения привнесены субъективно или, а la Юм, что ассоциации существуют только между идеями, то отношения (как нерв науки) связаны с отношениями между вещами. Обратив внимание на этот факт, мы замечаем, что качества ассоциированных вещей проявляются только в ассоциации, поскольку именно во взаимодействиях потенциалы раскрываются и актуализируются. Более того, проявление потенциалов изменяется в зависимости от способа и масштаба ассоциации. Это утверждение является лишь формальным способом для привлечения внимания к тому, что мы характеризуем элемент, скажем, водород, не только так, как располагает название, в терминах его способности к образованию воды, но в конечном итоге в терминах последствий, имеющих место для всего диапазона форм совместного поведения². Учитывая эти соображения,

---

²В случае, если возникают возражения против использования концепций потенциала и актуализации, следует указать, что те же факты можно изложить, хотя,

внимание фиксируется на том факте, что чем больше и разнообразнее формы ассоциаций, в которые вовлечено что-либо, тем лучше основание для его описания и понимания, поскольку чем сложнее ассоциация, тем полнее она раскрывает потенциал возможностей для наблюдения. Поскольку вещи предстают перед нами таким образом, что легко различаются более узкие и более широкие диапазоны, более простые и более сложные, кажется, что метафизическое описание и понимание ограничиваются тем, что связано с самым широким и полным диапазоном ассоциированной деятельности. И я отмечаю, что если фразе «степени реальности» можно придать эмпирически понятное значение, то это значение, по-видимому, будет зависеть от следования предложенной линии размышлений³. Короче говоря, представляется, что существует довольно прямой путь к заключению о том, что

на мой взгляд, и менее удобно, сказав, что в разных режимах ассоциаций вещи вызывают разные эффекты и что наше знание о них адекватно в той степени, в которой оно включает широкий спектр эффектов, возникающих в результате различных ассоциативных операций. (*Здесь и далее примечания автора*).

³ Возможно, стоит также отметить, что такие концепции как «уровни» и «проявление» наиболее легко определимы на основе этих соображений.

справедливый критерий адекватности любого философского описания вещей находится в той степени, в какой это описание основано на восприятии вещей в самом широком и сложном масштабе ассоциаций, открытых для наблюдения.

В своем утверждении я не игнорирую тот факт, что противоположный метод был применен и продолжает быть рекомендован философами, пользующимися хорошей репутацией; именно метод, основанный на предпочтении конечных и несвязанных простых элементов, называемых различными авторами сущностями, данными и т.д. Вопрос о том, следует ли нам начинать с простого или сложного, представляется мне наиболее важной проблемой философского метода в настоящее время, поскольку он затрагивает, например, традиционные различия между реальным и идеальным. Или, если говорить о том, что в силу психологических и практических обстоятельств мы вынуждены начинать со сложного, а философия начинается только тогда, когда мы сталкиваемся с простыми элементами, проблема метода все равно остается открытой. Являются ли

эти простые элементы изолированными и самодостаточными, или же они являются результатами интеллектуального анализа, имея интеллектуальную, а не экзистенциальную природу, и, следовательно, имеют ценность лишь в той степени, в которой они предоставляют нам средства для более глубокого понимания сложных целых, с которых мы начали? Время не позволяет рассмотреть этот фундаментальный вопрос. Я ограничиваюсь наблюдением, что гипотеза о том, что конечные и обособленные простые элементы являются единственными реальными по своей сути для философии, кажется единственной логической альтернативой позиции, что чем шире и сложнее диапазон связанного взаимодействия, с которым мы имеем дело, тем полнее раскрывается природа объекта философской мысли. Следовательно, вопрос о методе сводится к тому, могут ли изолированные простые элементы быть утверждены без самопротиворечия как конечные и самодостаточные сущности. Тот, кто не принимает это за истину, оказывается приверженцем изложенной здесь позиции.

Хотя факт ассоциации и диапазона ассоциаций как определяющих «уровни реальности» служит отправной точкой, он дает нам ее лишь для обсуждения ценности «социального» как философской категории. В этом контексте под социальным как отличительным способом ассоциации подразумеваются специфически человеческие формы группирования, которые, согласно научным выводам, появляются лишь со временем. Следовательно, возникает возражение, которое сразу же приходит на ум. Утверждение о том, что «социальное» в его характерно человеческом смысле является важной категорией, встречает возражение, что, напротив, это лишь крайне специфический случай ассоциации, и как таковое имеет ограниченное значение, представляя интерес с человеческой точки зрения, но являясь вопросом детализации, а не важного принципа. Мои вводные замечания были предназначены в качестве предварительного ответа на подобное возражение. Ассоциация сама по себе является совершенно формальной категорией. Она получает содержание лишь при рассмотрении различных форм ассоциации,

которые составляют содержание опыта. Таким образом, хотя признается, что общество в человеческом смысле является формой ассоциации, ограниченной по проявлениям в пространстве и времени, его нельзя противопоставлять ассоциации в общем. Его значение может быть определено не путем сравнения с ассоциацией в ее общем формальном смысле, а лишь путем сопоставления и контрастирования с другими специальными типами ассоциации.

Этот факт придает особое значение изложенному ранее положению о важности диапазона и сложности ассоциаций как философского измерения. Если упоминание об ассоциации должно быть чем-то бóльшим, чем лишь церемониальным и бесплодным актом почтительности, если оно должно быть использовано в каком-либо предприятии философского описания и понимания, то это указывает на необходимость изучения и анализа различных модусов ассоциации, которые проявляются в опыте. И наш аргумент подразумевает, что в таком сравнении определенных типов ассоциаций социальная (в своем

человеческом смысле) является самым богатым, полным и наиболее утонченным из всех фактически переживаемых модусов. Нет необходимости открывать, как будто впервые, различные типы модусов, которые должны быть подвергнуты сравнению и противопоставлению. Они достаточно известны из процесса их осмысления. Помимо социальной, полное признание которой еще ждет адекватного подтверждения, имеются физическая, витальная или органическая и психическая ассоциации. Суть нашей проблемы заключается в том, чтобы решить, какая из этих форм представляет более широкий и полный диапазон ассоциаций. Ассоциация в общем является лишь матрицей; ее содержанием являются факты ассоциации, проявленные в природе. На самом деле категория ассоциации представляет собой лишь высокоабстрактное обозначение того, что формально будет являться общим для специальных модусов.

Однако, прежде чем перейти к этому вопросу сравнения, который составляет основную тему данной работы, будет полезно прояснить некоторые представления, которые при-

водили к неправильным толкованиям и недооценке значения «социального» как категории. Только что я упоминал факты ассоциации, как они представлены в человеческой жизни. Это упоминание подразумевало, что социальные факты являются природными. Эта импликация противоречит предвзятостям, вызванным общим противопоставлением физических и социальных наук, и, другими словами, подразумевает молчаливую идентификацию естественных наук с физическими. Поскольку эта идея по-прежнему сохраняется в сознании, социальное и естественное воспринимаются как противоположные понятия; попытка найти ключ, с помощью которого можно было бы расшифровать природу «социального», немедленно воспринимается как абсурдная; это ощущение затем ведет к пренебрежительному отвержению «социального». Отрицание противопоставления между социальным и естественным, однако, является важным элементом значения «социального» как категории; и если кто-то заинтересован в том, чтобы выяснить намерение тех, кто использует «социальное» как философскую категорию,

то ему следует начать с вопроса себе о том, какие последствия имеет текущее разделение естественных и социальных наук, и готов ли он, поразмыслив, стоять на этой позиции. Отрицание разделения не только возможно для здравомыслящего ума, но и требуется методологическим принципом непрерывности, а также, как будет указано далее, самими социальными феноменами. Согласно гипотезе непрерывности — если это можно назвать гипотезой, которую невозможно отрицать без самопротиворечия — социальное, несмотря на то, что может быть сказано о временных и пространственных ограничениях его проявлений, философски представляет собой всеобъемлющую категорию.

Двоякий вред наносится в результате современного разделения социальных и естественных наук и принятия значения, которое придается социальному после их разъединения. Основной аспект, в котором философия может помочь в исследованиях социальных наук, лежит именно здесь. В той степени, в которой то, что выдаётся за социальную науку, основано на представле-

нии о разрыве между естественными и социальными явлениями, эта наука оказывается усечённой, произвольной и неустойчивой. Аналитический обзор текущего состояния социальных наук был бы необходим для оправдания данного утверждения. Однако лишь немногие социологи решились до сих пор утверждать о наличии чего-то характерного или уникального в социальных явлениях; таким образом, мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, в которой социальные явления изолированы от физических и органических аспектов, но объясняются в физических, органических или психологических терминах, вместо того чтобы быть понятыми в характерно социальных терминах. В психологии сохраняется традиция исключительно индивидуального и частного предмета исследования, напрямую связанная с пренебрежением к социальным условиям психических феноменов, в то время как косвенно это пренебрежение восходит к разделению социальных и естественных явлений, поскольку лишь признание непрерывности социального и природного раскрывает промежуточные условия, которые связывают психоло-

гические явления с другими. Некоторые формы бихевиоризма, реагируя на неестественную изоляцию физических и психических аспектов, полностью отвергают последние и сводят их к терминам, рассматриваемым исключительно в рамках физической науки. В политической науке можно наблюдать колебания между использованием неестественных категорий, таких как трансцендентная «воля», и описанием политических феноменов в физических терминах столкновения и взаимодействия сил. Недавно один экономист утверждал, что экономическая наука так пренебрегла ролью технологии в промышленности, что выросло целое поколение, которое, хотя и «образовано» в области экономической науки, практически полностью игнорирует экономические реалии [1, р. VII]. Технология, очевидно, представляет собой вопрос, который непосредственно связан с развитием физической науки; данный момент, вместо того чтобы быть эпизодическим, может быть продемонстрирован как неразрывно связанный со всеми обоснованными возражениями против абстракции «экономического человека». Экономического

человека нельзя вписать в социальные явления, в его реальные отношения с юридическими, политическими, технологическими и другими культурными институтами, пока они не будут связаны с природными явлениями.

Это лишь краткие и несистематичные указания на значение утверждения о том, что служба, которую философия могла бы теоретически сослужить социальным наукам, требует откровенного признания социального как категории, непрерывной с категориями физического, витального и психического и включающей их.

Тем не менее данное обращение к наукам не следует рассматривать как принятие той концепции философии, которая идентифицирует её исключительно с анализом или синтезом предпосылок или результатов специальных наук. Напротив, сами науки являются результатом некоего этапа культуры общества, из которой они черпают свои физические и интеллектуальные инструменты, и которой определяются их проблемы и цели. Единственная философия, способная «критиковать»

предпосылки специальных наук, не подвергаясь риску стать самой псевдонаукой, — это философия, принимающая во внимание антропологическую (в наиболее широком смысле) основу наук, единственная, которая может синтезировать их выводы, не подвергаясь аналогичному риску, — это та, которая выходит за рамки этих выводов, чтобы поместить их в более широкий контекст социальной жизни.

Переходя к основной теме, социального как вышестоящей философской категории, указывающей на самый широкий и богатый диапазон ассоциаций, доступных эмпирически (и мы не извиняемся за обоснование философии эмпирически очевидным, а не эзотерическим), необходимо указать на некоторую двусмысленность языка, которая из-за краткости изложения неизбежно сопровождает наши утверждения. Социальные явления сами по себе, конечно, не эквивалентны категории социального. Последняя выводится из первых посредством интеллектуального анализа, который определяет их характерные черты. Я здесь не занимаюсь важной и в конечном итоге

неизбежной проблемой классификации социального или определением характеристик, которые составляют отличительную природу социального, а скорее занимаюсь изучением социальных явлений в целом, включающих для целей философского анализа физические, органические и психические явления в форме ассоциации, где последние приобретают новые свойства и выполняют новые функции. Другими словами, я здесь подразумеваю, что социальные явления фактически проявляют нечто особенное, и это нечто дает ключ к натуралистическому объяснению явлений, сбивающих с толку философскую интерпретацию, если их не учитывать. Для тех, кто принимает эту точку зрения, бремя доказательства ценности «социального» как метафизической категории лежит на тех, кто обычно считает её значение тривиальным. Что они имеют в виду под социальными явлениями? Если социальные явления не служат примером на самом широком и сложном уровне основных характеристик ассоциированного поведения или взаимодействия, что они обозначают? Я вижу только один вид ответа, охватывающий две

альтернативы: либо социальные явления аномальны, это нарост или чужеродный элемент, возникающий случайным и бессмысленным образом по отношению к другим явлениям, либо они не имеют отличительного значения, будучи на самом деле ничем иным, как физическими, витальными или психологическими явлениями. Разве каждая из этих точек зрения не противоречит наблюдаемым чертам социальных явлений?

На первый взгляд, социальные явления включают в себя и соединяют вещи, ассоциирующиеся в более узком смысле, который мы называем физическим. Абсурдно было бы думать о социальных явлениях лишь как о чем-то, лежащем поверх физических явлений; такое представление опровергается самым поверхностным наблюдением фактов. Что бы представляли собой социальные явления без инструментов и машин, включающих в себя физический фактор земли, включая все природные ресурсы (и препятствия) и формы энергии, которые обозначает слово «земля»? Что бы представляли собой социальные явления без инструментов и машин, с помощью которых используются

физические энергии? Или что они представляли бы собой без физических приспособлений и аппаратов, от одежды и домов до железных дорог, храмов и печатных машин? Нет, это не социальное является поверхностной категорией. Поверхностным является взгляд тех, кто не видит, что в социальном физическое включено в более широкую, сложную и утонченную систему взаимодействий, так что они приобретают новые свойства за счет высвобождения потенциалов, ранее ограниченных из-за отсутствия полного взаимодействия.

То же самое относится к включению в социальное витального или органического. Члены общества — это живые люди с характеристиками живых существ; но когда они входят в отличительные человеческие ассоциации, их строго органические свойства модифицируются и даже трансформируются. Определенные физиологические факторы, такие как пол, размножение, незрелость и потребность в заботе, безусловно, вовлечены в функции, выраженные в семейной жизни. Но как бы значительна ни была роль животной страсти, в любой семей-

ной ассоциации есть нечто большее, чем просто физиологические факторы. Факт трансформации органического посредством включения в сферу человеческой ассоциации настолько очевиден (отметим многозначительный пример превращения криков в речь), что это в действительности привело к вере во вмешательство неестественных и сверхъестественных факторов, чтобы объяснить различия между животным и человеческим. Однако разрыв между утверждением, что человеческое — это просто животное, и утверждением о навязанной внешней силе не является исчерпывающим. Остается альтернатива, которая в наибольшей степени подтверждена эмпирическим фактом: различие возникает в том случае, когда актуализируются новые потенциалы, когда диапазон взаимодействий, ограничивающих понятие органического, включается в более широкую и более сложноорганизованную ассоциацию, образующую человеческое общество.

Поскольку черты, выведенные из физического модуса, были включены в философию, поскольку материализм, иными

словами, неохотно принимается в философское сообщество и поскольку органические философии, построенные по образцу жизненных явлений на концепциях видов, развития и цели, свободно принимаются, кажется произвольным, мягко говоря, исключать социальное из роли законной категории.

То, что ментальное имеет признанное право служить категорией для описания и интерпретации природного существования, очевидно из самого существования идеалистических философий. Есть те, кто отрицает способность этих теорий выполнить свои претензии, как и есть те, кто отрицает возможность физического и витального оправдать себя. Но мышление, так же как материя и жизнь, по крайней мере, уважается как категория. Теперь о ментальном, как и о физическом и органическом, можно сказать, что оно действует как включенный фактор в пределах социальных явлений, поскольку умственное эмпирически различимо только там, где ассоциация проявляется в форме участия и коммуникации. Поэтому кажется законным принять как гипотезу, достойную проверки, идею о том, что окончательное

значение ментального, а также физического и витального, раскрывается в этой форме ассоциативного взаимодействия. Это не значит, что они не имеют описываемого существования вне социального, но в той мере, в какой они появляются и действуют вне этого большого взаимодействия, образующего социальное, они не раскрывают той полной силы и значения, которыми традиционно занимается философия.

После этого заявления о намерении использования социального как категории остается кратко изложить несколько примеров ее следствий, которые актуальны для прояснения некоторых значимых философских вопросов. Удобно начать с недавно упомянутого места ментального в экзистенциальной схеме вещей, используя для обсуждения как эквивалент «ментального» явление значения, будь то прямое, как в познании объектов, или косвенное, как в эстетических, эмоциональных и моральных отношениях. Состояние философской дискуссии демонстрирует дилемму или, скорее, трилемму. Ментальное рассматривается (i) как таинственное вмешательство в природ-

ный порядок, происходящее каким-то необъяснимым образом; (ii) как иллюзорное, или (в современном языке) как эпифеномен; и (iii) как онтологическое, будь то как часть бытия на одном уровне с физической частью или как Бытие, в котором так называемые физические вещи являются просто пустыми формами или «видимостями». Можно утверждать, что устойчивость проблемы и этих широко противоположных способов решения сама по себе явно указывает на то, что какой-то фактор, который является ключом к пониманию ситуации, был упущен. В любом случае, устойчивость этих непримиримых концепций — это вызов для поиска чего-то, что устранил скандал таких резких антагонизмов в интерпретации. Теперь, когда мы обращаемся к социальному, мы находим, что коммуникация как экзистенциальное событие вовлечена во всю выражено общинную жизнь, и мы обнаруживаем, что коммуникация создает значение и понимание как условия единства или соглашения в совместном поведении. Мы находим, что, следовательно, значение является не аномалией или случайно возникающим качеством, а консти-

тутивным ингредиентом экзистенциальных событий. То есть мы находим значение как описываемое проверяемое эмпирическое явление, чей генезис, реализация и следствия могут быть конкретно изучены и прослежены. Оно представляется не как вмешательство, не как случайная и бессильная нерегулярность, и не как дублирование структуры, уже заложенной в предшествующем существовании, а как добавочное качество, реализованное в процессе более широкого и более сложного взаимодействия физических и витальных явлений; имеющее отличительное и конкретно проверяемое значение в поддержке и развитии особого рода наблюдаемых фактов, а именно тех, которые называются социальными. Тогда нам не нужно прибегать к метафизическим и диалектическим соображениям, принятым *ad hoc*, чтобы «спасти» реальность и значимость ментального. Область значений, сознания находится на своем месте, надежно расположена и закреплена в эмпирически наблюдаемом порядке существования. И этот порядок находится в генетической непрерывности с физическими и витальными явлениями, будучи на самом деле

этими явлениями, взятыми и включенными в более широкий круг ассоциированных взаимодействий. Нам не нужно вычитывать ментальное из предшествующего физического, тем более прибегать к отчаянной мере делать его настолько всеобъемлющим, что физическое рассматривается как замаскированная и иллюзорная «видимость» ментального. Социальное предоставляет нам наблюдаемый пример «области сознания», объективной для индивида, войдя в которую в качестве участвующего члена, органические действия превращаются в действия, обладающие ментальным качеством.

Эти соображения не призваны демонстрировать истинность занятой позиции, но они всерьез предлагаются как гипотеза, достойная проверки; как гипотеза, которая исходит из *vera causa*, то есть из эмпирически проверяемого факта, вместо концепций, у которых нет такого наблюдаемого места, но которые изобретены исключительно для объяснения фактов, иначе не объяснимых. Фактическая структура знания, рассмотренная в связи с операциями, посредством которых оно конкретно утверждается как

знание в почетном смысле, то есть как проверенное и обоснованное, а не просто как мнение или фантастическая вера, может быть понята только в социальных терминах. Под обоснованным знанием я подразумеваю убеждение, связанное с доказательством, которое его подкрепляет. Теперь самое простое различие, которое можно провести между объектами знания в этом смысле и простыми вопросами мнения и доверчивости, или даже мысли, насколько бы внутренне последовательной и формально обоснованной она ни была, — это различие между социально подтвержденным и индивидуально воспринятым. Мнение и теория до тех пор, пока они не были обнародованы, или до тех пор, пока, будучи обнародованными и разделяемыми, они не подтверждены в совместном поведении, в лучшем случае остаются кандидатами на вступление в систему знаний. Углубление этой мысли ослабляет ее. Это банальность, что наука является наукой, потому что наблюдения, эксперименты и вычисления проводятся таким образом, чтобы их можно было сообщить другим и воспроизвести другими. Теперь это сообщение и повто-

рение полностью неправильно понимаются, когда рассматриваются просто как внешние дополнения к мысли, самой по себе завершенной. Они означают, что сама мысль разрабатывается и формулируется так, чтобы быть способной к передаче другим, пониманию ими, принятию и использованию в совместных действиях. Сообщение, коммуникация — это не просто выброс мыслей, созданных и завершенных в частных размышлениях или солипсистских наблюдениях. Вся операция индивидуального экспериментирования и размышлений на каждом этапе испытывает влияние социальной среды, в которой должны быть представлены и восприняты ее результаты. На самом деле, сказанное — это недооценка. Дело не только в том, что характерные находки мысли не могут стать знанием, если они не сформированы с учетом социальной трансляции и принятия, но и в том, что язык и мысль в их отношении к знакам и символам немислимы иначе как способы достижения согласованных действий.

Кстати, можно также отметить, что ссылка на частную мысль как кандидата в знание через включение в совместные ассоциа-

тивные действия (которые также включают физические условия и, следовательно, подлежат проверке физическими последствиями) может дать ключ к другой загадке философской спекуляции, а именно субъективной природе разума. Ибо последний, когда он интерпретируется с точки зрения социального как категории, не представляется аномалией, тем более не кошмаром, навязчивым и совершенно нежелательным источником ошибок. Мысль и ее результаты действительно предстают как гипотетические, требующие проверки в терминах социального действия и, следовательно, подверженные ошибкам и неудачам.

Однако они также предлагают себя как имеющие позитивную и конструктивную роль. Они не просто кандидаты на принятие в социальное статус-кво, полученный и установленный порядок ассоциированного поведения, а скорее претенденты на изменение социального порядка, которое должно произойти в самом действии, которое они продвигают и которым должны быть проверены. Иногда это требование узко и затрагивает только поведение выбранной группы специалистов в определен-

ной области; иногда, как в случае предложений новой политики, оно широко обращено к реальным действиям. Но первый тип, направленный в первую очередь, скажем, на группу научных специалистов, имеет склонность к расширению; его невозможно держать в изоляции; и в любом случае между ними нет принципиальной разницы.

Приводя примеры, сталкиваешься с разнообразием философских проблем, которые кажутся освещенными и проясненными, когда социальное используется как категория для описания и интерпретации. Однако мы можем (почти случайным образом) обратиться к моральной сфере. Рассмотрим повторяющиеся обсуждения, касающиеся объективности моральных различий и суждений, с бесконечными колебаниями между сведением их к личным предпочтениям, остающимся частными, даже когда они становятся коллективными, и обращением к трансцендентным соображениям для «обеспечения» их объективности. Было бы догматично утверждать в этом случайном намеке, что проблема решается, когда социальное используется как категория и соци-

альное видится как включающее физическое, органическое и психологическое; но никто не может разумно отрицать, что вся проблема принимает совсем иной вид, когда ее элементы помещены в этот контекст⁴.

Связанная с этим тема касается «естественности» моральной жизни человека. Те, кто утверждает, что она естественна, сталкиваются с контрутверждением, что, поскольку такая точка зрения сводит моральную жизнь к строго животному уровню, тезис о том, что разрыв моральной жизни с животным влечет за собой признание неестественного или сверхъестественного характера последней, не имеет значения перед лицом фактов. Однако это резкое разъединение исчезает, когда признаются особенные формы ассоциации, характерные для жизни человека в социальных отношениях, так как это признание не только допускает, но и утверждает, что эти отношения реализуют новые и уникальные качества, не проявленные в более низких областях природной ассоциации.

---

⁴Сравните рассмотрение объективности эстетических суждений в статье [2].

Обобщение того, что связано с этой проблемой, можно найти в теории, знакомой изучавшим историю мысли. Некоторые мыслители, от Гердера и Канта до Гегеля, утверждали, что значение истории человечества заключается в борьбе человека за то, чтобы выйти из состояния полного погружения в «природу» в состояние, в котором полностью торжествует «дух», и где торжество предполагает возвышенное устранение физического и животного. Утверждается, что все, что эмпирически проверяемо в такой доктрине, лучше выражается в терминах постоянного изменения физической среды и живого организма, которое происходит, когда последний попадает в сферу культуры, поддерживаемой человеческим обществом. Это факт, а не спекуляция, что физическая и животная природа трансформируются в процессе образования и встраивания средств и последствий связанных с политическими, правовыми, религиозными, промышленными, научными и художественными институтами. «Дух» в упомянутой доктрине является трансцендентным и неясным именем для чего-то, что проявляется

эмпирически как та фаза социальных явлений, которая называется цивилизацией.

Упомянутые философские вопросы приводятся только как иллюстративные примеры. Они представляют собой в лучшем случае лишь схематичное содержание и к тому же весьма неполное. Эти вопросы даны как указания на схему философского описания и интерпретации, которую необходимо завершить и заполнить, чтобы понять и проверить, что означает «социальное» как философская категория. Историческая претензия философии заключается в том, что она занимается идеалом целого и целостности. Предполагается, что либо целое проявляется конкретно эмпирическими способами и в согласии с бесконечным разнообразием, либо целое является лишь диалектической спекуляцией. Я не утверждаю, что социальное, каким мы его знаем, является целым, но настоятельно предлагаю, что это самая широкая и богатая манифестация целого, доступная нашему наблюдению. Как таковая, она, по крайней мере, является правильной отправной точкой для любых более творческих

интерпретаций целого, которые можно предпринять. И в любом случае она предоставляет термины, с помощью которых должна говорить любая последовательная эмпирическая философия.

Только полным принятием её как главного факта и идеи эмпирическая философия может прийти к своей сути и избежать бессилия и односторонности, которые преследовали традиционный сенсуалистский эмпиризм. Приверженность эмпиризма Локка доктрине, игнорирующей ассоциативное свойство всех пережитых вещей, является источником того партикуляристского номинализма, конечной целью которого является солипсистский скептицизм. В результате эмпиризм перестал быть эмпирическим и превратился в диалектическую конструкцию, подразумевающую абсолютный партикуляризм. В обратном движении это привело к обращению к принципам связи, принесённым извне, будь то «синтетическое действие мысли» или вечные сущности. В конце концов, эти системы поднимаются или падают вместе с истиной эмпирического партикуляризма, против которого они выступили. Таким образом, социальное как

категория столь же важно в критической оценке современных систем мысли, как и при прямом применении к проблемам материи, жизни и разума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tugwell R.G. Industry's coming of age. New York: Columbia University Press, 1927. 276 p. DOI: 10.7312/tugw91580. ISBN: 9780231884433.
2. Tufts J.H. On the Genesis of the Aesthetic Categories // Decennial Publications of the University of Chicago. Vol. 3. Chicago: University of Chicago, 1903. P. 5-15.

Сведения об авторах

Джон Дьюи

Профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк, США)

Переводчик:

Наталья Викторовна Иващенко

Соискатель ученой степени кандидата наук по социологии,
независимый исследователь, Москва,

ivashenkova.natalia@yandex.ru

ORCID: 0009-0007-7873-4847

Researcher ID: JZD-3052-2024

SOCIAL AS A CATEGORY

Dewey John,
(New York, USA)

For citation: Dewey J. Social as a category, transl. by N. V. Ivashchenkova. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2024, no. 59, p. 117-139. DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.5. EDN: PLYZIO

Abstract. The translation of the article Dewey J. Social as a category, *The Monist*, 1928, vol. 38, no. 2. P. 161-177.

Keywords: social, scientific categories, social ontology, philosophy of social sciences, monism

References

1. Tugwell R.G. *Industry's coming of age*. New York: Columbia University Press, 1927. 276 p. DOI: 10.7312/tugw91580. ISBN: 9780231884433.
2. Tufts J.H. On the Genesis of the Aesthetic Categories, *Decennial Publications of the University of Chicago*, vol. 3. Chicago: University of Chicago, 1903. P. 5-15.

Information about the authors

John Dewey

Professor at the Columbia University (New York, USA)

Translated by:

Nataliya V. Ivashchenkova

PhD candidate in sociology, independent researcher, Moscow,

ivashenkova.natalia@yandex.ru

ORCID: 0009-0007-7873-4847

Researcher ID: JZD-3052-2024

МОНИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

ДЖОНА ДЬЮИ. КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕВОДУ СТАТЬИ «СОЦИАЛЬНОЕ КАК КАТЕГОРИЯ»

Разворачивающаяся на наших глазах нейрокогнитивная революция требует оперативного реагирования социологического сообщества, встраивания его в междисциплинарные тренды с тем, чтобы не создавалось фатального отставания от достижений эмпирического исследования человеческой природы [1]. К очевидным направлениям такого реагирования относится освоение передовых методов нейрокогнитивных исследований, развитие релевантных теоретических моделей социальных явлений и т.п. Среди менее очевидных, но, может быть, не менее важных направлений можно назвать развитие культуры определенной постановки вопросов, в частности, вопросов фундаментальной междисциплинарной методологии. Именно они ставятся в статье «Социальное как категория» Джоном Дьюи — выдающимся философом-прагматистом, повлиявшим одновременно и на социологию (через Чикагскую школу [2, р. 28-31]), и на когнитивную нейронауку (где оказались востребованы его идеи о природе

сознания [3]). Впервые опубликованная в 1928 году, эта небольшая статья затем дважды под другими названиями включалась Дьюи в его более масштабные работы [4; 5], что свидетельствует о ее важности в контексте творчества философа. Но для современной социологии она интересна не историческим контекстом, а вполне актуальным теоретико-методологическим содержанием, которое требует небольших комментариев.

Сталкиваясь с такими вещами, как нейронные сигнатуры следования социальным нормам [6] или влияние миндалевидного тела на восприятие справедливости общественного устройства [7], социология может занять три принципиальные позиции: сциентистского редукционизма, антисциентизма или монизма. Первая состоит в том, что мы соглашаемся считать социальные явления сводимыми к их «материальной базе», то есть представляем общество как набор взаимодействующих нейронных сетей, поведение которых регулируется дофамином, серотонином и тому подобными сигнальными молекулами, циркулирующими по заложенным в генах кодам. Эта программа, на первый взгляд слишком радикальная, чтобы ее воспринимать всерьез, на самом деле является едва ли не мейнстримом на том крае социальной

науки, который соприкасается с нейробиологией и исследованиями искусственного интеллекта. Но ее принятие означает фундаментальную периферийность социологии; если социальные явления — это лишь эпифеномены нейронных процессов, то социологи превращаются в кого-то вроде регистраторов формы и размеров облаков. Занятие нужное, но по сути своей подчиненное надобностям другой, настоящей науки. Вторая позиция — антисциентизм — отрицает единство науки и настаивает на том, что культура и природа являются настолько существенно различными объектами исследования, что требуют принципиально разных методов и не только не сводимых друг к другу, но и не сопоставимых по содержанию теорий. Это традиционная для «понимающей социологии» исследовательская программа. Но в своем последовательном виде она самоизолируется от происходящей нейрокогнитивной революции, и в итоге социология вновь рискует оказаться на периферии, наблюдая не за эпифеноменами, а за проявлениями сугубо человеческой природы, но не внося вклада в общий прирост научного знания. Вместо регистрации облаков в интересах настоящей науки, такая социология стала бы подобием художественной литературы, которую интеле-

ресно и поучительно читать, но не более того. Получается, что полноценную научную перспективу для социальных наук открывает только нередуктивный монизм — позиция, согласно которой все виды реальности фундаментально взаимосвязаны и поддаются изучению единым научным методом, но при этом более высокие уровни организации природы — такие как ментальные и социальные явления — не сводятся без остатка к более примитивным (например, нейробиологическим) составляющим их компонентам. Джон Дьюи в далеком 1928 году смог занять эту методологическую позицию и предложить весомые аргументы в ее пользу, что и делает его статью интересной для современных социологов.

Иващенко Н.В. – соискатель ученой степени
кандидата наук по социологии, Россия, Москва.
E-mail: ivashenkova.natalia@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. *Turner S.* Social theory as a cognitive neuroscience // *European Journal of Social Theory*. 2007. Vol. 10, №. 3. P. 357-374. DOI: 10.1177/1368431007080700. EDN: JRXMJT.
2. *Bulmer M.* The Chicago school of sociology: Institutionalization, diversity, and the rise of sociological research. Chicago: University of Chicago Press, 1986. 306 p. ISBN: 9780226080055.

3. *Manicas P.T.* John Dewey and American Psychology // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2002. Vol. 32, №. 3. P. 267-294. DOI: 10.1111/1468-5914.00187.
4. *Dewey J.* Philosophy and Civilization. New York: GP Putnam's Sons, 1931. 334 p.
5. *Dewey J.* Intelligence in the Modern World. New York: Modern Library, 1939. 1077 p.
6. *Spitzer M., Fischbacher U., Herrnberger B., Grön G., Fehr E.* The neural signature of social norm compliance // Neuron. 2007. Vol. 56, №. 1. P. 185-196. DOI: 10.1016/j.neuron.2007.09.011.
7. *Nam H.H., Jost J.T., Kaggen L., Campbell-Meiklejohn D., Van Bavel J.J.* Amygdala structure and the tendency to regard the social system as legitimate and desirable // Nature Human Behaviour. 2018. Vol. 2, №. 2. P. 133-138. DOI:10.1038/s41562-017-0248-5.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.6

EDN: TUZEIK

Батыков Иван Владимирович

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

ivbatykov@socexpertiza.ru

ORCID: 0000-0002-9026-5824

Мягков А. Ю. Косвенные методы в сенситивных исследованиях. М.: ИНФРА-М, 2024. 245 с. ISBN 978-5-16-019344-1. DOI: 10.12737/2110854.

Сообщение участниками исследований недостоверной информации – обычная проблема, которая служит предметом методического беспокойства социологов столь же долго, сколько существует социологическая методология. Еще Питирим Сорокин в своей «Системе социологии» рассматривал человеческую ложь, как существенное препятствие для объективного исследования общества [1, с. 67-68]. Сегодня социологическая методология поднялась в этом вопросе на впечатляющую высоту, которую в полной мере демонстрирует новая книга профессора А.Ю. Мягкова, известного профессиональному сообществу многолетними исследованиями проблемы искренности участников массовых опросов. Книга эта тем более важна, что А.Ю. Мягков в настоящее время – едва ли не единственный российский исследователь, который систематически углубляет и детализирует тему достоверности ответов респондентов.

«Косвенные методы в сенситивных исследованиях» – энциклопедическое по своей полноте, практически ориентированное руководство по конструированию социологического инструментария в самых сложных и деликатных ситуациях. Обширная

библиография, состоящая из 337 пунктов, обозревает не только классические, но и новейшие (вплоть до 2022 года) исследования сенситивных опросных измерений.

Концептуальный анализ, проведенный в первой главе, представляется особенно важным в методологическом плане, так как он предлагает переход от наивного реализма, предполагающего объективное существование «истинных установок», которые необходимо только как следует измерить, к идее комплексной контекстуальности сенситивных вопросов (и анкетных вопросов вообще). Иными словами – к пониманию того, что смысл вопроса определяется не только его внутренними параметрами (формулировкой, вариантами ответа, расположением в анкете), но и (часто в первую очередь) тем, кто, кого, когда и при каких условиях спрашивает (с. 27-29). Нельзя не заметить, что такой подход принципиально меняет взгляд на многие привычные социологические проблемы. Например, многие попытки измерения уровня ксенофобии исходят из молчаливого предположения о том, что она по сути является предрассудком, то есть внутренним состоянием респондентов (на чем основано целое направление исследований, известное как «теория контакта» [2]). Комплексная контекстуализация измерения ксенофобии неизбежно покажет, что она может быть обусловлена не только предрассудками, но и культурой (в том числе ее религиозным компонентом) и даже информированностью. И хотя говорить о таких вещах, как этноконфессиональный фашизм или оправданная ксенофобия в социальной науке не очень принято, инструментарий для их исследования у нас должен быть заготовлен. И так как он, конечно, проходит по разряду сенситивных измерений, для него полезны основные разделы книги. Они затрагивают приемы формулирования сенситивных вопросов, техники рандомизированного ответа и непарных чисел, нерандомизированные модели, номинативную технику и процедуру «фиктивной проверки» (*bogus pipeline*). Всего в книге представлено более 25 методик

сенситивных измерений, что само по себе не может не впечатлять. Но каждая из них еще и раскрыта в фирменном стиле автора, сочетающем строгость, высокую детализацию, полноту охвата и прикладные выводы, которые можно брать и сразу применять на практике.

Отдельного внимания заслуживает также последняя глава, посвященная проблеме подделок анкет интервьюерами в социологических опросах. Хотя она несколько выбивается из тематического плана книги (все же обнаружение подделок не относится к косвенным методам в сенситивных исследованиях), немалая значимость поднятой проблемы полностью оправдывает ее обсуждение. И в нем автор вновь оказывается на высоте – предложенный читателям обзор одновременно исчерпывающ, лаконичен и весьма полезен для практического применения.

Единственный существенный недостаток, в котором можно упрекнуть книгу А.Ю. Мягкова – это, хотя и умеренное и осторожное, но все же следование гиперкритической традиции в социальной методологии. Читатель, внимательно изучивший монографию, может остаться в убеждении, что неискреннее поведение универсально (с. 30), «традиционные» методы опроса недостаточны (с. 43), сплошь и рядом не лучше работают и более продвинутые техники, такие как рандомизированные ответы (с. 109), а значительная часть анкет в личных опросах и вовсе сфабрикована интервьюерами (с. 175-176). Подобные тезисы неизменно аргументируются автором с опорой на многочисленные эмпирические исследования, однако последние могут не отражать реального положения вещей, а быть результатом так называемого «публикационного смещения» – «поддерживаемого современной системой рецензирования статей в научных журналах и ориентацией на библиометрические показатели стремления редакторов публиковать лишь контринтуитивные, яркие и демонстрирующие статистически значимые различия и эффекты исследовательские результаты» [3, с. 31].

В повседневной жизни, частью которой, пусть и несколько специфической, выступают социологические интервью, люди обычно не лгут друг другу без весомых причин, а социальное взаимодействие основывается на вполне оправданном доверии. Кроме того, социологические исследования часто демонстрируют перекрестно устанавливаемую достоверность: предвыборные опросы позволяют предсказывать результаты выборов, маркетинговые дают совпадающую с продажами картину потребительских предпочтений, и т.д. Поэтому исследователь, который провел методический анализ своих данных и обнаружил, что респонденты говорят правду, скорее всего, не станет оценивать такой результат как контринтуитивный и яркий, а если оценит, то с ним с высокой вероятностью не согласятся рецензенты в престижных журналах. Иными словами, тривиальность, обычность искренности респондентов в массовых опросах парадоксально может автоматически приводить к искажению оптики методических исследований: в результате публикационного смещения повышенное внимание будет уделяться необычным случаям лжи и недостоверности. Представляется, что это очевидное соображение, заставляющее критически относиться к гиперкритицизму в отношении социологических данных, должно всегда учитываться в обобщающих методических работах и делать выводы исследователей еще более умеренными и осторожными. И, может быть, даже несколько более оптимистичными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 1. Петроград: Колос, 1920. 360 с.
2. *Варшавер Е. А.* Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015, № 5(129). С. 183-214. DOI: 10.14515/monitoring.2015.5.13. EDN: UTUEJZ.
3. *Девятко И. Ф.* Новые данные, новая статистика: от кризиса воспроизводимости к новым требованиям к анализу и представлению данных в социальных науках // Социологические исследования. 2018, № 12(416). С. 30-38. EDN: YSBRTV. DOI: 10.31857/S013216250003163-2.

Сведения об авторе

Иван Владимирович Батыков

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

Института социологии ФНИСЦ РАН

SPIN-код: 3304-7031

AuthorID: 510482

ResearcherID: AHD-4350-2022

DOI: 10.19181/4m.2024.33.2.6

Myagkov A. Yu. *Indirect methods in sensitive research* (in Russian). Moscow: INFRA-M, 2024. 245 p. ISBN 978-5-16-019344-1. DOI: 10.12737/2110854.

Batykov Ivan V.

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ivbatykov@socexpertiza.ru
ORCID: 0000-0002-9026-5824

References

1. Sorokin P.A. *Sistema sociologii (The System of Sociology)* (in Russian). Vol. 1. Petrograd: Izdatel'skoe t-vo "KOLOS", 1920. 360 p.
2. Varshaver E.A. contact theory: Review (in Russian), *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2015, no. 5(129), p. 83-214. DOI: 10.14515/monitoring.2015.5.13. EDN: UTUEJZ.
3. Deviatko I.F. New data, new statistics: from reproducibility crisis toward new requirements to data analysis and presentation in social sciences (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*, 2018, no. 12(416), p. 30-38. EDN: YSBRTV. DOI: 10.31857/S013216250003163-2.

Information about the author

Ivan V. Batykov

Candidate of sociological sciences, Senior Research Fellow of the Institute of
Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of
the Russian Academy of Sciences

SPIN-code: 3304-7031

AuthorID: 510482

ResearcherID: AHD-4350-2022

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В данном разделе мы планируем регулярно публиковать анонсы мероприятий и сообщения о существующих коллаборациях и текущих исследованиях, имеющих методическое значение. Приглашаем читателей присылать нам информацию, которая представляет интерес для исследовательского сообщества.

ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ЖУРНАЛА «СОЦИОЛОГИЯ: 4М»

Редакция «Социологии: 4М» объявляет об открытии методологического семинара для исследователей, желающих опубликовать статью в нашем журнале или апробировать методику своего исследования. К участию приглашаются как опытные исследователи, так и аспиранты, соискатели и молодые ученые из любой отрасли социальных наук.

Для представления своего доклада на семинаре необходимо направить его по адресу sociology.4m@gmail.com с пометкой «Семинар». После получения доклада и его оценки редакцией будет назначена дата выступления. Семинар проводится в онлайн-формате.

В ходе семинара осуществляется оценка методической части доклада, даются рекомендации по ее совершенствованию. Обсуждение доклада на семинаре не гарантирует его публикации в журнале, но позволяет подготовить материал, соответствующий высоким методическим требованиям.

Семинары имеют открытый и бесплатный характер, объявления о них публикуются на сайте журнала.

СЕДЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ДАННЫМИ «РОССИЙСКОГО МОНИТОРИНГА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE)

23–24 мая 2025 г. на базе московского кампуса НИУ ВШЭ состоится Седьмая Международная конференция пользователей данными «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE). Заявки принимаются до 23 марта 2025 г.

Организаторы: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Исследовательский центр «Демоскоп», Институт социологии ФНИСЦ РАН, ИЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала», Центр изучения народонаселения университета Северной Каролины — Чапел-Хилл. Конференция организована в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Конференция пользователей данными «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» в течение пятнадцати лет собирает высококлассных исследователей из разных стран мира для обсуждения проблем демографического и социально-экономического развития постсоветской России. Седьмая конференция приурочена к 30-летию юбилею проекта РМЭЗ НИУ ВШЭ. Мы приглашаем экономистов, демографов, социологов, политологов и специалистов в области общественного здоровья представить результаты своих исследований, основанных на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ. В связи с юбилеем проекта приветствуются работы, отражающие динамику последних десятилетий. В качестве заявок рассматриваются как полные тексты научных статей, так и расширенные аннотации статей, гото-

влящихся к публикации (основные требования к аннотациям перечислены ниже).

Мы хотим обратить внимание исследователей на то, что на сайте РМЭЗ НИУ ВШЭ доступны ранее закрытые переменные, отражающие финансовое поведение и жизненные стратегии россиян, досуговые практики, некогнитивные навыки, использование материнского капитала, отношение к мигрантам и другие важные темы. Список вновь опубликованных переменных можно найти здесь: <https://www.hse.ru/rlms/new5-23>

Рабочие языки конференции — русский и английский (с синхронным переводом).

Конференция будет проходить в удаленном (онлайн) формате.

Объем расширенных аннотаций — не менее 2–3 страниц; они должны содержать краткую характеристику литературы по рассматриваемому вопросу, цели исследования и описание используемых данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Если у вас возникли какие-либо вопросы по организации конференции, пожалуйста, напишите нам по адресу:
rlms.hse.conf@gmail.com

Информация о мероприятии и форма регистрации на сайте организатора: <https://www.hse.ru/rlms/conference2025>

Организационный комитет уведомит авторов о том, принята ли их заявка к участию в конференции, до 28 апреля 2025 г.

ДВЕНАДЦАТАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИМИТАЦИОННОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ И ЕГО
ПРИМЕНЕНИЮ В НАУКЕ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ
«ИМИТАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ. ТЕОРИЯ
И ПРАКТИКА (ИММОД-2025)»

Конференция состоится в Санкт-Петербурге 15–17 октября 2025 года по адресу: Дворцовая наб., д. 26, Дом ученых им. М. Горького РАН. Срок подачи докладов — не позднее 1 октября 2025 года.

Цель конференции — распространение методов и средств имитационного и комплексного моделирования для решения научных и практических задач, активизация творческой деятельности и укрепление научно-производственного потенциала РФ.

Организаторы: АО «Центр технологии судостроения и судоремонта», Санкт-Петербург; Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации РАН; НП «Национальное общество имитационного моделирования».

Основные тематические направления конференции:

- теоретические основы и методология имитационного и комплексного моделирования;
- методы исследования и оценки качества моделей, валидация и верификации моделей;
- методы и системы распределенного моделирования;
- моделирование глобальных процессов;
- имитационное моделирование и искусственный интеллект;
- средства автоматизации и визуализации имитационного и комплексного моделирования;
- системная динамика (с обязательным наличием

имитационной составляющей в использованной модельно-алгоритмической разработке);

- методы оптимизации в имитационном моделировании;
- виртуальное моделирование и тренажерные системы (симуляторы);
- практическое применение моделирования и инструментальных средств автоматизации моделирования, принятие решений по результатам моделирования;
- имитационное и комплексное моделирование в обучении и образовании;
- нормативно-методическая база имитационного и комплексного моделирования.

Рабочий язык конференции — русский.

Официальный сайт конференции ИММОД-2025:

<http://simulation.su/ru.html>

XXVIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО МЯГКИМ ВЫЧИСЛЕНИЯМ И ИЗМЕРЕНИЯМ (SCM'2025)

28–30 мая 2025 года в Санкт-Петербургском государственном электротехническом университете «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) состоится XXVIII Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям (SCM'2025). Подача заявок осуществляется до 24 февраля 2025 г.

Среди основных тем конференции:

Методы и системы искусственного интеллекта и мягких вычислений

- Математические основы построения искусственного интеллекта.
- Искусственные нейронные сети. Нейрокомпьютинг.
- Сильный искусственный интеллект.
- Машинное обучение.
- Нейроморфные вычисления и технологии.
- Когнитивные науки и технологии.
- Вероятностные модели и вычисления.
- Многоагентные системы.
- Распределенный искусственный интеллект.
- Природоподобные алгоритмы и модели для систем искусственного интеллекта.
- Стандартизация в области разработки и применения искусственного интеллекта.
- Неопределенность в методологиях и вычислениях искусственного интеллекта.
- Интеллектуальный анализ данных (BIG DATA, Data Science, Business Intelligence)
- Облачные вычисления и измерения.

Теория измерений. Методы и средства измерений

- Общая теория измерений. Неопределенность в измерениях.
- Меры и шкалы. Метрология.
- Байесовский подход и оптимизация вывода решений.
- Методы и средства интеллектуальных измерений.
- Мягкие измерения.
- Неколичественные измерения.
- Психометрические измерения.

Прикладные системы искусственного интеллекта и измерений

- Прикладные системы на основе мягких вычислений и измерений.
- Искусственный интеллект и измерения в экономике.
- Этика и безопасность применения искусственного интеллекта.

Секции

- Общая теория измерений. Метрология, меры и шкалы. Неопределенность в измерениях и вычислениях.
- Вероятностные методы в обработке информации. Байесовский подход.
- Моделирование систем. Системы поддержки принятия решений. Управление сложными объектами в условиях неопределенности.
- Нейрокомпьютерные сети и нейротехнологии.
- Модели и методы для систем искусственного интеллекта. Когнитивные системы.
- Нечеткие методы и системы.
- Новые подходы в измерениях: интеллектуальные, мягкие измерения, когнитивные измерения.
- Интеллектуальные измерительные системы и сенсоры.

- Технологии и системы BIG DATA, Data Science, Business Intelligence.
- Технологии и системы IoT и Industrial 4.0.
- Искусственный интеллект и измерения в промышленности, экологии и экономике.
- Системы искусственного интеллекта для интегративной физиологии.
- Применение методов и систем искусственного интеллекта и измерений в агрокомплексах, для устойчивого развития территорий.

Рабочие языки конференции — русский, английский.

Официальный сайт конференции: <https://scm.etu.ru/>

ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ РАЗРАБОТКИ МЕТОДИКИ ПАНЕЛЬНОГО КОЛЛЕКТИВНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ STOCKPROROK

Лаборатория социологической экспертизы Института социологии ФНИСЦ РАН проводит открытое пилотное исследование по разработке методики панельного коллективного прогнозирования. Задача исследования — определение возможностей, апробация алгоритмов и моделей краткосрочного и среднесрочного прогнозирования социальных событий по данным опросов вовлеченных в соответствующие процессы целевых групп.

Пилотный проект посвящен прогнозированию котировок акций как регулярно наблюдаемому событию, создаваемому усилиями значительного по своей численности сообщества участников фондового рынка. Разработка алгоритмов и моделей происходит на материале еженедельных опросов, участники которых прогнозируют котировки акций Московской биржи на конец торгов в определенную дату. Высокая частота прогнозирования и панельный характер выборки позволяют осуществлять регулярный контроль точности прогнозов и апробировать различные способы агрегирования индивидуальных мнений.

В основе используемых моделей лежит предположение о возможности повышения точности прогнозов за счет регулярной калибровки панельной выборки. Результаты исследования будут представлять интерес для всех направлений экспертного коллективного прогнозирования, в особенности предсказания выборов, социально-экономических, социально-экологических и т.п. процессов.

Принять участие в обсуждении хода исследования и ознакомиться с его текущими результатами можно по ссылке: <https://t.me/StockProrok>.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

О журнале

«Социология: методология, методы и математическое моделирование» (Социология: 4М) – специализированное издание, посвященное проблемам методологии и методов социологических исследований, вопросам сбора, измерения и анализа социологических данных, построению математических моделей социальных процессов.

Редакция журнала отдает предпочтение статьям, которые вносят вклад в развитие социологической методологии, проясняя существующие в этой области проблемы и предлагая новые решения. Одновременно в журнале публикуются аналитические обзоры по социологическим методам, статьи, в которых делается акцент на опыте применения методов сбора и анализа данных для решения актуальных социологических задач.

Основные рубрики журнала:

- общие вопросы методологии и методики исследований;
- методологические проблемы социологической теории;
- статистические методы и анализ данных;
- теория и методы измерения, теория и история методов;
- процедуры сбора данных;
- качество социологических данных, онлайн-опросы;
- качественные методы в социологии;
- методический эксперимент.

Критерии соответствия рукописей тематике журнала не являются жесткими, вопрос о целесообразности публикации статьи решается в каждом случае индивидуально.

Периодичность выхода и доступ к номерам

Журнал выходит два раза в год. Полнотекстовые версии статей размещаются в свободном доступе на официальном сайте журнала после выхода номера.

Порядок рассмотрения и рецензирования

После получения рукописи статьи редакция принимает решение о соответствии её содержания профилю журнала и о целесообразности передачи рукописи рецензентам. Причины отрицательного решения могут включать в себя в том числе отсутствие результатов проверки математических моделей на оригинальных эмпирических данных, недостаточное или вызывающее сомнение в их достоверности описание источников эмпирических данных, несоответствие современному состоянию исследований по проблеме, а также отсутствие научной новизны. В случае положительного решения статья передается на рецензирование. Решающим для принятия или отклонения рукописи становятся отзывы независимых рецензентов, назначаемых редакцией. Все статьи, направляемые в адрес редакции, проходят обязательную процедуру рецензирования одним экспертом. В случае необходимости редакция назначает второго рецензента.

Процедура рецензирования анонимна и для авторов, и для рецензентов. Рецензент получает рукопись статьи без указания имени и аффилиации авторов. Редакция не сообщает авторам статей фамилии рецензентов и не обсуждает их квалификацию. Рецензенты отбираются из числа специалистов в данной тематической области. Редакция сообщает о результатах рецензирования автору статьи посредством электронной почты в течение трех месяцев после ее получения; в случае отсутствия отзывов к этому моменту редакция сообщает о новых сроках рассмотрения.

Редакция журнала предоставляет авторам право ответить на замечания рецензента по существу и прояснить собственную позицию.

Журнал публикует оригинальные исследовательские работы, которые не публиковались прежде (за исключением электронных препринтов и тезисов). Передавая в редакцию рукопись, автор принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком бы то ни было ином издании без согласования с редакцией журнала.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Оформление статьи

Редакция журнала принимает статьи объемом до 40 тыс. знаков, включая пробелы (1 авт. лист). Материалы должны быть переданы в редакцию в электронном носителе (предпочтительно – посредством электронной почты).

Текст, включая примечания и библиографический список, должен соответствовать стандартам.

Шрифт – Times New Roman

Размер шрифта – 12

Межстрочный интервал – 1,5

Выравнивание – по ширине

Поля страницы: 2 см со всех сторон

Рисунки, схемы и таблицы должны быть такого же формата, что и текст, и снабжаться сквозной нумерацией.

Формулы и обозначения должны быть набраны в редакторе формул *Microsoft Equation*.

Комплект статьи включает, кроме основного текста, аннотацию, 8–10 ключевых слов с пометкой «Ключевые слова», справку об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, места работы, должности, ученой степени и звания, полного почтового домашнего адреса, номеров телефонов и адреса электронной почты.

Сопроводительное письмо к рукописи должно содержать описание научной новизны и краткое обоснование, почему статья может представлять интерес для читателей «Социологии: 4М».

Также в этом письме автор должен подтвердить, что представленная статья носит характер оригинального исследования, которое прежде не публиковалось нигде (кроме препринтов и тезисов конференций) и не находится на рассмотрении ни в каком другом издании.

Требования академической этики

Редакционная политика журнала предполагает соблюдение всеми сторонами, участвующим в процессе подготовки статей (авторами, рецензентами и редакцией), требований публикационной этики, обеспечивающих беспристрастную и конфиденциальную оценку рукописей, отсутствие плагиата или незаконного присвоения результатов. Редакция выражает готовность публиковать сообщения о найденных ошибках и о фактах нарушения авторами рукописей публикационной этики.

Сведения о статье на английском языке

Статья может быть принята к публикации только при наличии следующей информации на английском языке: автор, заглавие, данные об аффилиациях автора (наименования организаций, электронный адрес автора, ответственного за корреспонденцию), аннотация, ключевые слова. В качестве английских наименований организаций рекомендуется использовать названия, индексируемые в зарубежных базах научного цитирования (например, *Web of Science* или *Scopus*).

Аннотация на английском языке может быть расширенной, т.е. более полной по сравнению с аннотацией на русском языке. Аннотация должна укладываться в объем от 100 до 250 слов.

Список использованных источников

Все источники, упомянутые в тексте, должны сопровождаться библиографическими ссылками. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. За точность (правильность) цитат в статье, а также цифр и иной информации, ответственность несет автор.

Ссылки на источники оформляются в виде приставительного библиографического списка и нумеруются в порядке следования с указанием по тексту в квадратных скобках порядкового номера ссылки цифрой: [1], [7].

Одновременная ссылка на несколько номеров дается в одних скобках: [3; 7; 11; 12; 13], [3, с. 5; 7, с. 8–14]. Ссылка на неопубликованные работы не допускается. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом и примерами, приведенными ниже.

При оформлении библиографических описаний обязательно указание DOI и EDN (при их наличии). Для монографий требуется указание ISBN.

Примеры библиографических описаний:

1. *Дюркгейм Э.* Моральное воспитание / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 456 с. ISBN 978-5-7598-2530-2. DOI: 10.17323/978-5-7598-2530-2. EDN: QOJUNL.

2. *Климова А. М., Артамонов Г. А., Чмель К. Ш.* Измерение политического знания: разработка и апробация шкалы в России // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2021, № 52. С. 61–94. DOI: 10.19181/4m.2021.52.3. EDN: ARWFHV.

3. *Сорокин П.А.* Дальняя дорога: автобиография. М.: Терра, 1992. 303 с. ISBN 5-239-01378-0.

4. *Inglehart R., Baker W.E.* Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American sociological review. 2000. Vol. 65, № 1. P. 19–51. DOI: 10.2307/2657288. EDN: GSHGFR.

5. *Glänzel W., Schubert A.* Analysing scientific networks through co-authorship // Handbook of quantitative science and technology research. Springer: Dordrecht, 2004. P. 257–276. ISBN 978-1-4020-2702-4. DOI: 10.1007/1-4020-2755-9_12.

Использованные источники в романском алфавите (латинице)

В случае принятия рукописи к публикации авторы по запросу редакции обязаны предоставить транслитерированный в латинице полный список литературы к своей статье.

Основные требования:

- названия цитируемых русскоязычных публикаций следует давать в виде перевода на английский с пометкой в скобках, что речь идет о работе на русском языке (in Russian);
- для переводных работ указывается исходное название источника на языке публикации, выходные данные – в транслитерированном виде;

- названия источников (журналов), а также фамилии авторов желательно давать в том виде, в каком они индексируются в зарубежных базах научного цитирования (например, *Web of Science* или *Scopus*);
- название источника может сопровождаться его переводом на английский язык, например: Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling);
- при составлении списка источников недопустимо использовать российский ГОСТ, в частности запрещено в качестве разделительных знаков использовать «//» и «-»;
- название источника выделяется курсивом;
- указывается DOI источника (при наличии), но не указывается ISBN и EDN.

Примеры библиографических описаний на английском языке:

1. Durkheim É. *L'éducation morale* (transl., in Russian). Moscow: HSE University, 2021. 456 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2530-2.
2. Klimova A., Artamonov G., Chmel K. Measuring political knowledge: development and testing the scale in Russia (in Russian), *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2021, no. 52, p. 61–94. DOI: 10.19181/4m.2021.52.3.
3. Sorokin P. *A long journey* (transl., in Russian). Moscow: Terra, 1992. 303 p.
4. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values, *American sociological review*, 2000, vol. 65, no. 1, p. 19–51. DOI: 10.2307/2657288.
5. Glänzel W., Schubert A. “Analysing scientific networks through co-authorship”, in: *Handbook of quantitative science and technology Research*, ed. by H.F. Moed, W. Glänzel, U. Schmoch. Springer, Dordrecht, 2004, p. 257–276. DOI: 10.1007/1-4020-2755-9_12.

INFORMATION FOR AUTHORS

About the journal

“*Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*” (*Sociology: 4M*) is a peer-reviewed scholarly journal presenting pioneering work on problems of methodology and methods of sociological research, on the collection, measurement and analysis of social science data, on building mathematical models of social processes.

Sociology: 4M publishes articles that contribute to the development of sociological methodology, clarify the existing problems in this area and offer new solutions. In addition, it publishes analytical reviews of sociological methods.

Main topics:

- general issues of methodology and research methods ;
- statistical methods and data analysis;
- theory and methods of measurement, theory and history of methods;
- data collection procedures;
- the quality of social science data, online surveys;
- qualitative methods in sociology;
- social science experiments.

The research topics are not limited by this list; the decision on publication is made in each case individually.

Publication frequency and access

The journal is published twice a year. Full-text versions of articles are available for open access on the journal’s website.

The review procedure

All papers submitted to *Sociology: 4M* are screened by the editors for general suitability. The reasons for the negative decision may include the absence of mathematical models verification based on original empirical data, insufficient description of the empirical data sources, inconsistency with current state of research on the problem, and the lack of scientific novelty. If

the decision is positive the article is sent to formal review. The results of this review are crucial to the acceptance or rejection of the manuscripts. All papers meeting basic editorial criteria are reviewed at least by one expert. If necessary, editors appoint a second reviewer for the paper.

The review procedure of is anonymous for both authors and reviewers. The experts receive manuscripts without any indication of the name and affiliation of the authors. Editors do not reveal the reviewers' names to authors and not discuss their qualification. Reviewers are selected from experts in the subject area. The editorial team will contact the authors by email with the results of peer-review within three months after submission; if the reviews have not been received by this date, a new target date is announced.

The editorial team provides authors the right to respond to comments of the reviewers and to clarify their own position.

The journal publishes only original research papers which have not been published before (except for electronic preprints and theses). By submitting a manuscript the author agrees not to publish it in whole or in part in any form without the editors' permission.

There are no publication fees in *Sociology: 4M*.

Article guidelines

The total length of the manuscript shall not exceed 40.000 characters (including spaces). Materials should be submitted via e-mail.

The text including notes and bibliography must conform to the following standards:

- Font – Times New Roman;
- Font size – 12;
- Line spacing – 1.5;
- Justified text alignment;
- Page margins: 2 cm on all sides.

Formulas and symbols should be typed in *Microsoft Equation*.

The author should also provide an abstract, 8-10 keywords, author's name, affiliation and position, contact information.

The cover letter accompanying the manuscript should contain a description of scientific novelty and a brief justification of why the article may be of interest to «Sociology: 4M» readers.

In this letter the author must confirm that the article is based on an original study, has not been published anywhere before (except as a preprint or in conference abstracts) and is not under consideration in any other journal.

Publication ethics statement

The editorial policy requires compliance with the requirements of publication ethics by all parties involved in the preparation of the article (authors, reviewers and editors), that provides the confidential review of manuscripts, absence of plagiarism or misappropriation of the results. The editorial board expresses its readiness to publish error reports and information about violations of publication ethics by authors.

Information about the article in English

Authors should provide the following information in English: authors' names, titles, authors' affiliation (names of organizations, e-mail of the author responsible for correspondence), abstract and keywords. We recommend using the English organizations' names from such citation indexes as Web of Science and Scopus.

We also recommend supplying an extended English abstract (up to 250 words).

List of references

Authors should provide references to all sources mentioned in the text. The author must indicate sources of all citations, numbers, and other information. Authors are responsible for the accuracy of quotes as well as numbers and other information.

References to unpublished works are not permitted. Bibliographic descriptions of publications should be made in accordance with Russian state technical standards (GOST).

Transliteration of references

If the manuscript is accepted the authors must provide transliterated references within two weeks upon acceptance for publication. Basic requirements are as follows:

Information for Authors

- publication titles should be given in English with a note that it is a work in Russian;
- for translated works (originally published in one of Romance languages) the title should be given in original language, the source – in transliterated form;
- we recommend to provide the author names and source titles (journals) in the form they are indexed in such citation databases as Web of Science and Scopus.
- the source title may be accompanied by a translation into English, for example: Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling);
- source titles should be given in italics.

**Социология: методология, методы,
математическое моделирование**

Сетевое научное издание

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) Эл № ФС77-85872 от 4 сентября 2023 г.

ISSN 2949-463X

Учредители

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Общественная организация «Российское общество социологов»
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35
Сайт: <https://www.ssa-rss.ru>. Телефон: 8 499 719-09-71

Главный редактор – Бабич Н. С.

Журнал «Социология: методология, методы, математическое
моделирование» включен в базу РИНЦ, перечень ВАК

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35
Электронная почта редакции: sociology.4m@gmail.com
Телефон редакции: +7 (993) 957-91-75
Официальный сайт журнала: <https://www.soc4m.ru>

2024. № 59. Дата выхода в свет 14.01.2025